P 109/39

+ 81.

N. 189. Въ библіотеку

Московской Семинаріи

Р 109/39

О ПОКАЯНІИ.

БЕСѢДЫ

ПРЕДЪ ВЕЛИКИМЪ ПОСТОМЪ И ВЪ ПОСТЪ,

ПО ВОСКРЕСНЫМЪ ДНЯМЪ,

ГОВОРЕННЫЯ

Игнатіемъ, Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ.

1) Игнатий (Семенов, 1791-1850)

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА ВНѢШНЕЙ ТОРГОВЛИ.

1847.

Шедше же научитеся, что есть: милости хощу, а не жертвы? не пріидохъ бо призвати праведники, но грѣшники на покаяніе.

Слово Господа Іисуса Христа. Матѳ. 9, 13. Ос. 6, 6.

Российская
Государственная
библиотека
9864-94

Государственная библиотека СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

Отъ Комитета С. Петербургской Духовной Цензуры печатать позволяется. Ноября 7-го дня 1846 года.

Цензоръ, Казанскаго собора Протоіерей Тимоѳей Никольскій.

2007056756

ОГЛАВЛЕНІЕ БЕСѢДЪ.

СТРАН.

1. Въ недѣлю Мытаря и Фарисея — изъ стиха: *Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!* — о томъ, что къ истинному покаянію нужно предварительно испрашивать содѣйствіе благодати Божіей. 1845 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ 1

2. На тотъ же день — изъ словъ Евангелія: *Человѣка два внидоста въ церковь помолитися,* — о томъ, что одно изъ существенныхъ свойствъ молитвы есть смиреніе, а самооправданіе — всего нетерпимѣе предъ Богомъ. 1836 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ. 14

3. Въ недѣлю Блуднаго — изъ псалма: *Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое!* — о употребленіе псалма сего въ Православномъ Богослуженіи, особенно въ отношеніи ко времени покаянія и къ кающимся. 1846 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ. 24

4. На тотъ же день — изъ словъ Евангелія: *Востав, иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою!* — о томъ, какъ по Евангельской притчѣ о блуд-

номъ сынѣ начинается уклоненіе и удаленіе человѣка отъ Бога, бѣдственныя послѣдствія ихъ, и совершается возвратъ къ Богу; въ особенности же, сколь велика благость Господа ко всѣмъ людямъ безъ изъятія, и милосердіе Его ко грѣшникамъ кающимся. 1845 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ . 39

5. Въ недѣлю Мясопустную — изъ словъ Евангелія: *Тогда отвѣщаютъ Ему праведницы, глаголюще: Господи, когда Тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ, или жаждуща, и напоихомъ? Когда же Тя видѣхомъ странна, и введохомъ, или нага, и одѣяхомъ?* — о томъ, что для добраго отвѣта на страшномъ судѣ Христовомъ надобно намъ предварительно осуждать самихъ себя, дѣлая добрыя дѣла въ совершенномъ смиреніи. 1846 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ 57

6. На тотъ же день — изъ словъ Евангелія: *Егда же пріидетъ Сынъ Человѣческій въ славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы,* — о томъ, что грядущій судъ Божій будетъ особенно страшный для нераскаянныхъ грѣшниковъ, по его внезапности, всеобщности, праведности и рѣшительности. 1846 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ 66

7. Въ недѣлю Сыропустную — изъ словъ Апостола: *Нощь убо прейде, а день приближися; отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во*

СТРАН.

оружіе свѣта, — о томъ, какимъ образомъ жизнь во грѣхахъ подобна ночи. 1846 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ 85

8. На тотъ же день: о томъ, что постъ для всѣхъ Христіанъ долженъ быть пріятенъ. 1834 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 101

9. На тотъ же день за Вечернею: о томъ, что если мы отпустимъ прегрѣшенія ближнимъ своимъ, то и намъ отпуститъ Богъ согрѣшенія наши, а иначе не проститъ и намъ. 1829 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 107

10. Въ первую недѣлю Великаго поста — изъ словъ Апостола: *Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу козньмъ діавольскимъ,* — объ истинѣ, какъ первомъ духовномъ доспѣхѣ, и о употребленіи онаго. 1843 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ 115

11. На тотъ же день: о томъ, что каждому Христіанину необходимо исповѣдываться хотя единожды въ годъ, особенно въ Великій постъ. 1829 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 130

12. Во вторую недѣлю Великаго поста: о томъ, что Христіанину надобно хотя единожды въ годъ причаститься святыхъ Таинъ, и особенно исполнить сіе надобно въ Великій постъ. 1829 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 150

СТРАН.

13. На тотъ же день — изъ словъ Евангелія: *Глаголаше имъ слово,*—о томъ, сколь необходимо, важно и дѣйственно Покаяніе. 1842 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 175

14. Въ третію недѣлю Великаго поста: о томъ, какую отраду и утѣшеніе для кающихся приноситъ Крестъ Господень, и какія спасительныя внушенія дѣлаетъ онъ намъ въ исполненіи Христіанскаго долга покаянія. 1845 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ . 192

15. На тотъ же день — изъ словъ Апостольскихъ: *И аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа Праведника: и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и о всего міра,* — о томъ, что вся сила и все наше упованіе въ Таинствѣ Покаянія заключается въ ходатайствѣ Іисуса Христа, и какъ сіе ходатайство усвояется себѣ каждымъ изъ насъ. 1846 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ. 206

16. Въ четвертую недѣлю Великаго поста — изъ словъ Евангелія: *Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ,*—о томъ, что и дѣтей надобно предохранять отъ порочныхъ склонностей, и въ возрастныхъ обуздывать страсти можно не иначе, какъ съ молитвою и постомъ. 1842 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 222

17. На тотъ же день, изъ тѣхъ же Евангельскихъ словъ: о союзѣ между молитвою и

СТРАН.

постомъ. 1831 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 233

18. Въ пятую недѣлю Великаго поста — изъ словъ Евангелія: *Отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много,*—о томъ, что Богъ съ особенною любовію пріемлетъ покаяніе грѣшниковъ. 1845 года, въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ. 247

19. На тотъ же день: о томъ, что на Исповѣди каяться надобно Богу во всѣхъ дѣлахъ и по званію или должности. 1836 года, въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ 262

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Новочеркасскѣ 1845 года.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче!

Сегоднешняя пѣснь послѣ утренняго Евангелія и псалма: ***Помилуй мя Боже!***

Вняли-ль вы, Братія-Христіане? Всѣ ли вняли? Довольно ли, каждый самъ за себя, вняли мы молитвѣ сей, которую сегодня на утрени Св. Церковь влагала въ уста наши? Молитва не могла не обращать на себя особливаго вниманія утренневавшихъ къ Богу, по тому уже одному, что въ иные дни, кромѣ недѣль предъ Великимъ постомъ и въ началѣ поста, не слышимъ ее здѣсь. Здѣсь свой есть всему порядокъ, который, подобно заведеннымъ на годъ часамъ, показываетъ намъ, въ какое время года чѣмъ особенно заниматься намъ надобно, Христіане, въ дѣлахъ своего спасенія. Теперь наступаетъ время особеннаго дѣланія: бьетъ въ Церкви седмичный часъ покаянія; возвѣщается наступленіе дней всеобщаго очищенія

отъ грѣховъ. Евангельское *пѣтлоглашеніе* [1]) напоминаетъ всѣмъ и каждому изъ насъ, какъ нѣкогда напоминалось согрѣшившему Петру, — *плакаться*, и, можетъ быть, также *плакаться горько!*

Надобно примѣтить, Братія мои, какъ приготовленіе къ тому дѣлается, по руководству Св. Церкви? Видите, — начинается оно заблаговременно, еще до поста, начинается съ молитвы къ Богу о томъ, чтобы далъ Онъ каждому изъ насъ благое начало покаянія. Казалось бы, наше собственное дѣло *каяться;* Богъ будетъ только принимать покаяніе: но Св. Церковь внушаетъ слуху нашему, влагаетъ, повторяю, во уста наши, и хочетъ внѣдрить въ сердце каждаго молитву о Божіемъ къ тому содѣйствіи, еще заранѣе, нежели мы приступимъ къ исповѣди. Вникнемъ же, Слушатели, въ смыслъ такого желанія и наставленія Св. нашей Матери.

Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче! долженъ теперь просить Господа каждый изъ насъ самъ за себя, — каждый самъ за себя. Общихъ молитвъ въ настоящемъ случаѣ уже мало. Всякъ долженъ будетъ каяться порознь, за себя. Какія же то двери *покаянія?* Гдѣ онѣ? Вѣроятно многіе въ озабоченности подумаютъ

[1]) Мр. 13, 35. Лук. 22, 34. 62.

теперь, что двери сіи у Бога, — двери милосердія Божія, такъ какъ и взываемъ объ нихъ къ Богу. Но когда Богъ не милосердъ, Христіане? Когда могутъ у Бога, Который, по слову Писанія, *свѣтъ, правда, миръ, любы есть* [1]), когда могутъ у Него не быть отверстыми какія либо двери, особенно двери милосердія, для покаянія нашего? Невмѣстимый живетъ въ безпредѣльности Своего величія, и ничѣмъ не ограничивается, не затворяется. Развѣ мы сами иногда своими грѣхами положимъ забрала, или преграды между Имъ и нами! *Грѣси ваши*, говоритъ нѣгдѣ Богъ, *разлучаютъ, между вами и между Богомъ* [2])! Вонмите: *покаянія*, — говорю я, говоришь ты, говоримъ всѣ,—*покаянія отверзи ми двери;* а покаяніе должно быть наше, у насъ: мы должны каяться Богу. Наши посему должны быть и *двери покаянія*, и у насъ онѣ, Братія мои! Богъ, Самъ Богъ давно уже стоитъ при сихъ дверяхъ нашихъ, и толчетъ въ нихъ. *Се стою при дверехъ и толку*, говоритъ Онъ въ Откровеніи: *аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, вниду къ нему* [3]). Отъ чего же бы такъ невластны мы были, или не могли отверсть даже для Бога собственныхъ своихъ

[1]) Іоан. 1: 1, 5. Кор. 1: 1, 30. Ефес. 2, 14. Іоан. 1· 4, 8. 16. [2]) Ис. 59, 2. [3]) Апок. 3, 20.

дверей? Вотъ въ томъ-то и слово! Что̀, казалось бы, препятствовало каяться? Поди каждый и кайся; Господь давно ждетъ сего при дверехъ всякаго: а идти каяться, кажется, столь же просто, какъ и отворить дверп собственнаго своего дома или даже собственнаго только своего рта.

Нѣтъ. И ето для многихъ весьма трудно, Слушатели! Судите по тому, сколько иногда лѣтъ сряду нѣкоторые изъ Христіанъ православныхъ не отверзаютъ у себя и дверей дома своего для того, чтобы пойти на исповѣдь! А сколько еще болѣе такихъ кающихся, у которыхъ на самой исповѣди не отверзаются двери устъ для чистосердечнаго открытія грѣховъ во всей ихъ гнусности и тяжести, даже самими нами чувствуемой! Сатана старается и тамъ связать уста наши стыдомъ, непреодолимымъ стыдомъ и неизъяснимо какою осторожностію, связать уста, двери нашей души, столь впрочемъ легко и непрестанно отверзающіяся въ другихъ случаяхъ—на осужденія другихъ, на клеветы, на клятвы, на злорѣчія, на обольщенія, на обманы, на ложь, и на иныя исходящія изъ сердецъ нечистоты. Здѣсь только бы, напротивъ, и надобно было просить у Господа, чтобы онъ *положилъ храненіе устамъ* нашимъ, *и дверь огражденія о устнахъ* нашихъ [1]).

[1]) Псал. 140, 3.

Что-жъ сказать, что нѣкоторые грѣхи уже давно, можетъ быть, забыты нами, нѣкоторые не представляются такими, каковы они въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые даже и совсѣмъ неизвѣстны намъ по нашей невнимательности? *Грѣхопаденія кто разумѣетъ?* вопіетъ Псалмопѣвецъ; и далѣе продолжаетъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти Мя*, Боже, *и отъ чуждихъ пощади раба Твоего* [1])!

Итакъ, ни мало не излишне намъ, Братія, скажу по понятіямъ нѣкоторыхъ, не излишне заранѣе просить Бога, чтобы Онъ отверзъ для нашего покаянія двери даже и дома нашего, а тѣмъ паче двери нашей души, собственныя наши уста. *Никтоже можетъ пріити ко Мнѣ*, сказалъ Господь Іисусъ Христосъ, *аще не Отецъ, пославый Мя, привлечетъ его* [2]). Да отвратитъ же Онъ отъ насъ, — помолимся, — и тотъ зазорный, по Слову Божію, стыдъ [3]), который претитъ нѣкоторымъ открыть свое сердце на-духу съ искренностію и чистосердечіемъ предъ Богомъ.

Тамъ надобно, кающійся, не только отверсть уста, двери сердца, но и сокрушить самое сердце раскаяніемъ, сердце грѣхолюбивое, осквернившееся перемѣнить на чистое и совершенно новое. Кто же въ силахъ произвесть такое пересозданіе,

[1]) Псал. 18, 13. 14. [2]) Іоан. 6, 44. [3]) Прит. 26, 11.

кромѣ единаго Создателя? Св. Царепророкъ Давидъ, показавшій на себѣ, сверхъ множества примѣровъ добродѣтелей, и примѣръ глубокаго покаянія, Св. Давидъ въ покаянномъ псалмѣ своемъ *Помилуй мя, Боже*, исповѣдуя, что *сердце* кающагося только *сокрушенное и смиренное не уничижитъ Богъ*, воскликнулъ между прочимъ въ слезахъ своего покаянія: *Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей!* Созижди, обнови: такъ ето дѣло трудно! Такъ и всегда, Братія, еще прежде исповѣди надобно намъ молить Бога всею теплою нашею вѣрою, чтобы Онъ умягчилъ нашу сердечную жестокость, далъ умиленіе нашему духу, страхомъ Своимъ сотрясъ нашу совѣсть, Божественнымъ свѣтомъ освѣтилъ, далъ намъ увидѣть всѣ изгибы нашей души, далъ возчувствовать намъ всю тяжесть нашихъ прегрѣшеній.

Тамъ, на душахъ нашихъ, можетъ быть, давно лежатъ уже крѣпкіе заклепы, кои держатъ бѣдную нашу совѣсть въ состояніи невозможности выдти ей на свободу раскаянія. Что́ пользы, хотя бы обыкновенный узникъ въ заключеніи и тысячу разъ пожелалъ, чтобы отверзлись ему двери темницы, когда не отверзетъ ихъ праведный законъ въ самомъ дѣлѣ? Въ такомъ точно состо-

яніи, въ заключеніи находится иногда и грѣшникъ по своей совѣсти. Совѣсть бываетъ связана самыми неразрѣшимыми для человѣка узами, какъ говоритъ Св. Писаніе, — *тмьнія, плъницами мрака* [1]). Далеко ли уйдетъ неимѣющій зрѣнія? Какъ пойдетъ тлѣющій, хотя бы они оба были и на всей видимой свободѣ? Грѣхи, точно, суть такія узы для души. Узы сіи лежатъ даже на очахъ ея, такъ, что она не можетъ ничего видѣть къ своему спасенію. Грѣхи могутъ разслабить всѣ силы природы души, часто и силы тѣла, до того, что не останется и возможности двинуться съ мѣста своего состоянія. *Беззаконія моя,* вопіетъ нѣкто въ псалмахъ Давидовыхъ, *превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготьша на мнѣ. Возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего: пострадахъ и слякохся до конца* [2])! Св. Евангеліе, описывая въ притчѣ состояніе блуднаго (распутнаго) сына, упоминаетъ между прочимъ, что Небесный Отецъ сказалъ о немъ: *сей мертвъ бѣ, и изгибль бѣ* [3]). Многажды Св. Павелъ въ своихъ посланіяхъ говоритъ о людяхъ внѣ благодати Божіей, что они *мертвы прегрѣшеніи* [4]). Что же сдѣлаетъ самъ для себя че-

[1]) Пет. 2. 2, 4. 12. 19. [2]) Псал. 37, 5. 6. 7. [3]) Лук. 15, 24. [4]) Ефес. 2, 5. Кол. 2, 13.

ловѣкъ въ мертвенномъ состояніи? Дать ему образъ, способъ, силы къ покаянію—значитъ дать ему новую нравственную жизнь. По сему-то желающій покаяться и называетъ Бога въ молитвѣ своей о томъ *Жизнодавцемъ!* Отверзи мнѣ покаянія двери, дай мнѣ жизнь новую, Жизнодавецъ!

Въ самомъ дѣлѣ, попытайся, кто бы ты ни былъ, кающійся, снять самъ съ себя, напр., узы давнихъ непотребныхъ связей сладострастія. Пусть онъ разорветъ ихъ, Братія, самъ, броситъ свои привычки обратившіяся въ природу, оплачетъ многолѣтнія согрѣшенія. Предложите сребролюбивому — (самъ онъ никогда о томъ не подумаетъ) — оставить своего златаго идола: и вы увидите, въ какомъ оцѣпенѣніи будетъ человѣкъ! Посовѣтуйте, хотя просто, дружески, игроку отстать отъ игры, разсѣянному бросить забавы, безпечному разстаться съ праздностію: поступитъ ли кто изъ нихъ на свою любимую страсть? Дѣло не въ томъ, Слушатели, чтобы особенно въ Тайнѣ Покаянія могли мы сказать: «грѣшенъ! грѣшенъ!» — и только, потомъ опять дѣлать то же, еще и болѣе и хуже. Покаяніе ли ето? Раскаяніе ли? Перемѣна ли мыслей и жизни? Нѣтъ: голыя слова, звуки почти безъ значенія! Конечно, и такое покаяніе лучше, чѣмъ

жить безъ всякаго покаянія, какъ живутъ нѣкоторые. Въ немъ видно по крайней мѣрѣ сознаніе нужды въ покаяніи, хотя и нѣтъ еще самаго покаянія. Но слово теперь о покаяніи истинномъ.

Пусть бы такъ, Братія, что грѣшный человѣкъ, *мертвый прегрѣшеніи*, былъ бы мертвъ и для прегрѣшеній: но онъ живъ для нихъ, и единственно для нихъ только живъ. Заматорѣлыя страсти, напр. плотоугодіе, лихоимство, сребролюбіе, гордость и подобныя еще растутъ, растутъ въ немъ и столь мало уже состоятъ въ его волѣ, если бы и пожелалъ онъ сбросить ихъ съ себя, что удобнѣе удалить самые предметы ихъ отъ человѣка, нежели ему отстать отъ нихъ. *Путь неправды отстави отъ мене* [1]), Боже! вопіетъ кающійся во псалмахъ Давидовыхъ. «*Отстави путь*,—возми прочь, перенеси отъ меня дорогу, по которой я иду; самъ я сойти съ ней не въ силахъ!» Видите, Братія: удобнѣе снесть со своего мѣста дорогу, снесть вещественно,—чего странно было бы и пожелать, если бы рѣчь была о дорогѣ обыкновенной, нежели—удалиться съ *пути грѣшныхъ!* Господу Богу удобнѣе, если можно такъ сказать для нашихъ понятій, удобнѣе сотворить прямыя чудеса надъ безчувственными созданія-

[1]) Псал. 118, 29.

ми, чѣмъ насъ, существа одаренныя свободною волею, спасти одними собственными нашими силами! Такимъ, подлинно, образомъ дѣйствуетъ Богъ, т. е. *отставляетъ отъ насъ путь неправды*, если мы сами доброю волею не можемъ соступить съ сего пути, когда Онъ какими либо дѣйствіями судебъ Своихъ отъемлетъ, напр. отъ сребролюбиваго—сокровища, отъ плотоугодника—здравіе или предметъ страсти, отъ честолюбиваго — поприще. Всѣ такіе и подобные случаи въ жизни суть посѣщенія Божіи, въ коихъ небесный Промыслъ нисходитъ къ намъ отверсть наши двери сердца для покаянія. И горе тому, кто даже при такихъ призывахъ къ покаянію, когда уже, въ самомъ дѣлѣ, не отверзаются только, а сокрушаются двери нашего сердца, для того, чтобы вывесть всѣ нечистоты, наполнившія его, остается невнимательнымъ! Въ такомъ состояніи сердце подобно твердынѣ, или крѣпости, куда взойти надобно уже проломомъ; двери не отворяются.

Кто бы, Слушатели, сталъ дожидаться такихъ грозныхъ посѣщеній Божіихъ въ нераскаянности своей!? Надобно посему заблаговременно и чаще соглядать намъ свою душу, очищать ее святыми Таинствами Вѣры, и еще, еще повторяю,—съ искреннею прежде всего молитвою къ Жизнодавцу о томъ, чтобы Онъ сподобилъ насъ принять благодатное сред-

ство очищенія отъ грѣховъ спасительно, какъ бы отъ руки Его Самого. Безъ Него сами по себѣ ничего добраго и въ святыхъ дѣлахъ предпринять мы не можемъ. *Недовольни есмы отъ себе помыслити что, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога*, говоритъ Св. Апостолъ, мужъ избраннѣйшій [1]). Самостныя наши усилія и здѣсь, подвиги безъ глубокаго смиренія предъ Богомъ не только будутъ безъ истиннаго успѣха, но могутъ еще покончиться духовною гордостію. Мытарь и фарисей въ притчѣ [2]) — общій для всѣхъ насъ урокъ въ томъ.

Такія, впрочемъ, напоминанія Слова Божія, каково теперь то, что спасаются мытари и грѣшники кающіеся, должны составлять для насъ особенное утѣшеніе съ той стороны, какъ покаяніе и просто, и легко, если поступить по Евангелію! Насъ обыкновенно устрашаютъ всѣ дѣла спасенія нашего, но — тогда, когда мы живемъ въ своей самости по духу міра сего; какъ же скоро выйдемъ мы въ чистую область свѣта Божія, окажется все иначе. Однажды, при видѣ богача, который исполнилъ всѣ заповѣди закона, и не могъ нисколько принять одной Христовой,— чтобы разстаться съ имѣніемъ своимъ, Спаситель нашъ напомнилъ Своимъ слушателямъ, сви-

[1]) Кор. 2: 35. [2]) Лук. 18, 9.

дѣтелямъ состоянія богача, *како неудобь богатый внидетъ въ царствіе небесное* [1])! Ученики Христовы, съ одной стороны видя, что богачъ былъ, точно, въ такомъ жалкомъ положеніи, съ другой представляя себѣ, что и никого нѣтъ безъ какихъ либо привязанностей къ міру, тотчасъ въ страхѣ изъяснились Господу: *кто убо можетъ спасенъ быти?* Въ самомъ дѣлѣ, кто безъ пристрастій? Кто безъ слабостей, Братія? Поспѣшимъ же услышать, что сказалъ Господь на всѣ наши подобныя затрудненія и невозможности? *У человѣкъ сіе невозможно есть*, сказалъ Онъ, *у Бога же вся возможна.* Такимъ образомъ Господь сказалъ, чтобы во всемъ не на себя полагались мы, а прибѣгали къ Божественной помощи, и несомнѣнно надѣялись при ней полнаго успѣха въ самыхъ трудныхъ подвигахъ своего спасенія.

Поступимъ и мы, ученики Господа Іисуса Христа, поступимъ и мы въ исполненіи долга покаянія по наставленію Господа нашего. Для сего-то, еще гораздо ранѣе самаго покаянія, предлагаются намъ молитвы, молитвы о покаяніи; потомъ ближе ко времени покаянія — опять будутъ молитвы особенныя, и наконецъ — еще молитвы и вмѣстѣ постъ, постъ и вмѣстѣ молитвы. Вос-

[1]) Матѳ. 19, 23. 25. 26.

пользуемся же, Христіане-Братія, такими приготовленіями къ покаянію, воспользуемся самымъ дѣломъ. И когда такъ расположимся, предадимъ себя Господу; то Онъ, всемилосердый *Отецъ нашъ, Иже на небесѣхъ*, еще издалеча увидитъ всякаго грядущаго къ Нему съ покаяніемъ, увидитъ, даже срѣтитъ, возлюбитъ, нападетъ на выю, облобызаетъ, облечетъ во всѣ украшенія благодати Своея, и сотворитъ торжество въ великомъ дому Своемъ съ небесными своими домочадцами, съ Ангелами [1]). Сказую вамъ, Братія, и предвозвѣщаю о семъ, какъ и прочее, отнюдь не отъ себя, но предвозвѣщаю и сказую словомъ Евангельскимъ, словомъ Самого Господа нашего, бывшимъ уже и дѣломъ въ притчѣ о блудномъ, самомъ распутномъ сынѣ Отца нашего. Въ слѣдующій недѣльный день услышите вы и самое Евангеліе о томъ. Аминь.

[1]) Лук. 15, 1 — 32.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ МЫТАРЯ И ФАРИСЕЯ.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 19-го Января 1836 года.

Человѣка два внидоста въ церковь помолитися, читано сегодня во Св. Евангеліи въ поученіе наше, Братія [1])! *Внидоста въ церковь помолитися:* — не должны ли слова сіи обратить на себя особенное вниманіе наше, когда и мы вошли также въ церковь, и вошли помолиться? *Человѣка два внидоста:* и — въ двухъ нашлось въ одинъ разъ, какъ сказуетъ Евангеліе, столь много достойнаго замѣчанія, что слово о томъ предано вѣкамъ; слѣдственно кольми паче можетъ быть много такого, о чемъ надобно намъ озаботиться, когда мы здѣсь во множествѣ и часто! Въ Евангеліи тѣ два человѣка названы: *единъ фарисей, а другій мытарь.* Нѣтъ между нами, думаете вы, Слушатели, ни одного изъ нихъ; нѣтъ между нами и званій сихъ. Но Евангельское сказаніе — *притча;* слѣдственно вопросъ еще во всей силѣ: не уподобляется ли кто изъ насъ или фарисею или мытарю? Такимъ

[1]) Лук. 18, 10.

образомъ сказаніе Евангельское становится всеобщимъ напоминаніемъ, что два человѣка, которые вошли въ церковь помолиться, суть два рода людей, которые приходятъ сюда съ различными расположеніями. Намъ, Христіане, каждому о самомъ себѣ остается судить, къ которому кто изъ насъ принадлежитъ роду ихъ? Каждому о самомъ себѣ: ибо какъ молитва фарисея и мытаря была у нихъ *въ себѣ*, внутренняя; такъ и сердце каждаго изъ насъ извѣстно только тому сердцу и Богу. Дѣло въ томъ, Братія, чтобы умѣть намъ молиться истинно, и выходить отсюда съ дѣйствительными плодами молитвы, съ оправданіемъ или помилованіемъ: вотъ что собственно должно насъ озабочивать! *И сниде сей*, сказалъ Христосъ о мытарѣ, *оправданъ въ домъ свой, паче онаго*, фарисея. Христосъ присовокупилъ къ тому въ общее назиданіе для молящихся, Христіане, *яко всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется*. Сими словами преподалъ намъ Господь такое понятіе о молитвѣ, что одно изъ существенныхъ свойствъ ея есть смиреніе, а самооправданіе всего нетерпимѣе предъ лицемъ Божіимъ. Побесѣдуемъ о семъ здѣсь, въ домѣ молитвы.

Оживите еще въ мысляхъ вашихъ, Братія, Евангельскій образъ моленія мытаря и фарисея,—

не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы судить о томъ или другомъ изъ нихъ даже въ притчѣ, безъ приложенія къ кому либо, но чтобы возчувствовать, какъ онъ иногда, подлинно, составляется въ собственномъ нашемъ сердцѣ и изъ самихъ насъ! *Фарисей ставъ, сице въ себѣ молящеся: Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь, якоже прочіи человѣцы, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе, или якоже сей мытарь! Пощуся двакраты въ недѣлю, десятину даю всего, елико притяжу.* Молитва ли ето, — говорить нѣтъ нужды, когда естественное чувство даже у насъ, у людей, оскорбляется, если бы мы услышали отъ кого либо самохвальство и надменіе, а паче съ униженіемъ ближняго, кольми паче всѣхъ безъ изъятія! Особенно, какъ такъ мыслить предъ лицемъ любообильнѣйшаго Отца всѣхъ человѣковъ, Который зритъ издалеча и блуднаго сына съ готовностію заключить его въ Свои Божественныя объятія, предъ лицемъ Всевѣдущаго, Который съ другой стороны *стропотное нѣчто усматриваетъ и въ Ангелахъ* [1]), а то, что *въ человѣкахъ высоко есть,* считается *предъ Нимъ мерзостію?* И однако-жъ, какъ непримѣтно даже на святомъ мѣстѣ общей молитвы прививается къ сердцу нашему подобное фарисейское чувствіе, ежели мы

[1]) Іов. 4, 18.

входимъ сюда съ надменностію, стоимъ съ разсѣяніемъ, или еще съ небреженіемъ, даже въ самыхъ знакахъ Богопоклоненія свидѣтельствуемъ, что всякое наше движеніе руки или головы есть нѣчто великое, какъ бы одолжающее Бога! Когда находимся здѣсь въ такомъ расположеніи души, окидываемъ взоромъ наблюдательнымъ, или даже презрительнымъ, окружающихъ насъ смолитвенниковъ, встрѣчаемся съ ихъ благоговѣніемъ, смиреніемъ и, можетъ быть, сокрушеніемъ сердца, подобными мытареву; не говоритъ ли тогда о насъ въ тайнѣ наше сердце: «Боже, хвалу Тебѣ воздаю, яко нѣсмь якоже прочіи человѣцы; они, — видно, хищницы, неправедницы, прелюбодѣе; особенно что-то худымъ самъ себя свидѣтельствуетъ сей плачущій человѣкъ. Я не знаю, о чемъ бы мнѣ еще молиться! Я безпрестанно на дѣлахъ, успѣхи ихъ извѣстны всякому, познанія мои обезпечиваютъ меня въ будущемъ; труды мои ожидаютъ только воздаяній.» Ето не молитва, Слушатели! *Мытарь же*, пишется въ Евангеліи, *издалеча стоя, не смѣяше ни очію возвести на небо; но біяше перси своя, глаголя: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* Изъяснять здѣсь нечего: все видно. Видно, что человѣкъ сей точно стоялъ предъ Богомъ, точно чувствовалъ величіе Божіе и свое ничтожество, точно проникнутъ былъ

ощущеніемъ святости и правды Вышняго, и своей виновности предъ Нимъ, точно позналъ любовь Божію, когда прибѣгалъ къ ея милосердію, не смотря на всю отчаянность своего состоянія.

Но, можетъ быть, такое смиреніе въ молитвѣ прилично только особеннымъ грѣшникамъ, каковы почти обыкновенно были нѣкогда мытари, по свидѣтельству самыя Истины [1])? И потому не напрасно ли мы воспользовались примѣромъ мытаря для всеобщаго поученія смиренію въ молитвѣ? Нѣтъ, Братія, отнюдь не напрасно! Разстояніе отъ твари до Творца безпредѣльно для всякой и отовсюда. На какомъ бы мѣстѣ, повидимому, ни поставлено было какое нибудь созданіе Божіе; всякое близко или далеко, любезно или отвержено только по исповѣданію славы и величія единаго Создателя. Денница, какъ скоро возмечталъ о себѣ, стоявъ у самаго престола Божія на небесси, тотчасъ низверженъ въ преисподнюю; человѣкъ, напротивъ, въ самой невинности *умаленный нѣчимъ отъ Ангелъ* [2]) и нисшаго чина, въ состояніи паденія, какъ скоро обращается съ раскаяніемъ, изъ самаго ада возводится на небо.

Припомнимъ при семъ, въ какомъ расположеніи духа представали предъ Господа въ собе-

[1]) Матѳ. 18, 17. [2]) Евр. 2, 7. 9.

сѣдованіяхъ съ Нимъ и избраннѣйшіе въ человѣчествѣ,—тѣ, изъ коихъ, напр., объ одномъ сказало Слово Божіе, что онъ *другъ Божій нарече-ся* [1]; о другомъ,—что онъ былъ *мужъ по сердцу Божію. Нынѣ начахъ глаголати ко Господу моему*,—говоритъ однажды Авраамъ въ молитвенномъ созерцаніи судебъ своего племени,—нынѣ начахъ глаголати ко Господу, *азъ же есмь земля и пепелъ* [2]). А о сердцѣ Давида,—какъ оно *сокрушенно и смиренно* было не только по грѣхопаденіяхъ, но и во всякое время обращенія къ Богу,—ни слова говорить не будемъ; ибо кто изъ васъ, Христіане, не оглашенъ книгою Псалмовъ, коихъ наибольшее содержаніе есть молитвенное сокрушеніе сердца, образъ истинной молитвы?

Какое утѣшеніе для грѣшниковъ! Отецъ Небесный не раздѣлилъ еще насъ, пока мы на землѣ, по крайней мѣрѣ на два различные *лика* молящихся, какъ сдѣлаетъ Онъ съ имѣющими предстать на страшный судъ; но далъ намъ одинъ молитвословъ съ праведниками. И мы, Братія, молимся тѣми же молитвами, коими молились великіе святые мужи, каковы Василій Великій, Златоустъ, Ефремъ, Макарій и подобные. А они у кого научились своимъ молитвамъ? Правда, — особеннымъ изъ Евангелія, но взяли ихъ

[1]) Іак. 2, 23. [2]) Быт. 18, 27.

тамъ изъ устъ сего же самаго мытаря, о коемъ сегодня слово,—у разбойника кающагося, у Хананеи сокрушенной сердцемъ, у пракаженныхъ воіявшихъ, у блудницы плачущей! *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!*—не сія ли молитва мытарева употреблялась всегда и между Святыми за особенную? *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Своемъ* [1])!—не сія ли молитва разбойника составляетъ содержаніе, можно сказать, главнѣйшихъ моленій всей Церкви? Не примѣчаете ли, Братія мои, какъ она повторяется среди самыхъ торжественныхъ священнодѣйствій Церкви, каковъ напр. таинственный ходъ *Царя всѣхъ Ангельскими дориносимаго чинми?* Не примѣчаете ли, какъ всѣ Божественныя службы наши и священнодѣйствія заключаютъ въ себѣ, а слѣдовательно внушаютъ и намъ одно чувствіе, — чувствіе смиренія? Не будемъ говорить, что главнѣйшая и большая часть ихъ, самое приношеніе безкровныя Жертвы, суть прошенія *объ оставленіи грѣховъ нашихъ и прегрѣшеній*; что́ и прочія прошенія или благодаренія, повидимому, славныя и торжественныя, что́, какъ не свидѣтельства совершенной нашей зависимости отъ Вышняго, отъ Котораго чаемъ или пріемлемъ все, и слѣдовательно что̀

[1]) Лук. 23, 42.

все то, какъ не исповѣданіе собственнаго нашего уничиженія? Надобно сказать, что такимъ общимъ молитвамъ научилъ Церковь самъ Духъ Божій, Который сходилъ нѣкогда на вѣрующихъ въ ихъ собраніяхъ и внушалъ имъ общія спасительныя чувствованія [1]). И потому-то самъ Онъ, Духъ Божій, по изъясненію одного изъ Богомудрыхъ толкователей Писанія, глаголалъ: *причастникъ Азъ есмь всѣмъ боящимся* Бога [2]). Златые сосуды Его благодати, мужи избранные,— нося въ себѣ общую съ нами природу, и, по мѣрѣ усовершенія ея, чувствуя еще тѣмъ большіе недостатки свои, а притомъ и памятуя наставленіе Господа: *еда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы* [3]),— молились такъ, какъ бы намъ только грѣшнымъ молиться должно. Они предали, говоримъ, и намъ свои собственныя молитвословія, съ тѣмъ безъ сомнѣнія, чтобы мы не удерживались ни стыдомъ своимъ, ни страхомъ отъ дерзновенія къ Богу по своему недостоинству. Въ самомъ Евангеліи предано намъ всего наиболѣе то, что единородный Сынъ Божій пришелъ на землю не праведниковъ призвать на небо, но грѣшниковъ на покаяніе, и съ сладостію посему внималъ во-

[1]) Изъясн. Св. Злат. [2]) Псал. 118, 63. Св. Пимен Вел. Достопам. пред. Христ. Чт. 1821 г. Ч. 3. [3]) Лук. 17. 10.

піяніямъ—чьимъ? Вы слышали уже,—Хананей, блудницъ, мытарей, разбойниковъ — сокрушающихся. Что же бы препятствовало праведностямъ Іудейскимъ, книжникамъ и фарисеямъ, по крайней мѣрѣ послѣдовать уже предварившимъ ихъ въ царство небесное грѣшникамъ, которые проложили туда столь отрадный для всѣхъ насъ путь въ Новой Благодати? Высокоуміе, Слушатели, самонадѣянность, и съ тѣмъ вмѣстѣ непостиженіе единыя истинныя *правды Божія! Свою правду ищуще поставити*, говоритъ Апостолъ, *правдѣ Божіей не повинушася* [1]).

Итакъ, Братія, когда становимся мы на молитву,—здѣсь ли, въ домѣ общей молитвы, или индѣ,—и желаемъ не погрѣшить въ совершеніи молитвы; наблюдайте за собою въ томъ наиболѣе, смиренно ли тогда сердце, сокрушенно ли оно? не превозносится ли, не осуждаетъ ли другихъ? И если оно, по благодати Божіей, осуждаетъ только себя самого; молитва сія истинна, хотя бы ты и не чувствовалъ еще никакой отъ ней сладости, — утѣшенія уже за подвиги, при безопасности отъ надменія. Въ самомъ дѣлѣ, часто многіе считаютъ признакомъ спасительной молитвы—ощущеніе въ себѣ душевнаго удовольствія отъ ней. Такъ; но то не весь и не един-

[1]) Рим. 10, 3.

ственный плодъ ея. И надобно даже опасаться, чтобы онъ не ввелъ иногда неосторожныхъ въ мечтательность. Самопожертвованіе Богу всѣмъ сердцемъ, въ томъ одномъ чувствованіи, что то или иное дѣлается для Бога, а сами мы ничто,— всего выше, всего наиболѣе, Братія! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1846 года.

Помилуй мя, Боже, по великцѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое. Псал. 50, 1.

Безъ сомнѣнія, всякій и изъ самыхъ простыхъ православныхъ Христіанъ сколько нибудь знаетъ *Помилуй мя, Боже;* по крайней мѣрѣ всякій не разъ могъ примѣтить, сколь часто употребляется псаломъ сей въ молитвословіяхъ нашихъ. Въ настоящій предъ святымъ постомъ и въ первые великопостные воскресные дни, на утренненіи нашемъ къ Богу, онъ особенно представляется Церковію молитвенному вниманію нашему, Братія, какъ могли всѣ вы также слышать. Онъ поется теперь съ особенною, — если можно такъ выразиться, когда рѣчь идетъ о покаяніи, — съ особенною торжественностію. Ему предшествуетъ громкая покаянная пѣснь: «Покаянія отверзи ми двери, Жизнодавче,» и возслѣдствуетъ пѣснь, еще болѣе въ томъ же родѣ трогательная: «Множества содѣянныхъ мною лютыхъ помы-

шляя, окаянный трепещу страшнаго дне суднаго!» Въ сей другой пѣсни сказывается вмѣстѣ и то, почему особенно въ такіе дни съ особенностію пѣть намъ надобно псаломъ? *Помилуй мя, Боже?* Трепещу, — вопіетъ грѣшникъ, кающійся къ Богу,—трепещу страшнаго дня будущаго суда Твоего, Господи! — и далѣе: «но надѣяся на милость благоутробія Твоего, яко Давидъ вопію Ти: *Помилуй мя, Боже, по великцѣй Твоей милости!*» Итакъ псаломъ сей возвѣщаетъ намъ грѣшнымъ людямъ отраду и утѣшеніе въ страхѣ, какимъ должны быть объяты всѣ имѣющіе предстать, какъ и намъ будетъ надобно сдѣлать ето, въ грядущіе дни очищенія, предстать предъ судъ Божій еще на землѣ, предъ судъ покаянія, дабы не стать намъ грѣшниками на грозномъ судѣ Христовомъ въ вѣчности. Вникнемъ посему нынѣ, Братія мои, въ смыслъ и употребленіе во Св. Церкви псалма *Помилуй мя, Боже*, собственно по отношенію его ко времени покаянія и къ кающимся.

Псаломъ сей написанъ Пророкомъ Давидомъ и отданъ имъ ликоначальнику пѣвцовъ для пѣнія въ Скиніи Божіей, написанъ въ послѣдствіе двухъ особенныхъ Давидовыхъ прегрѣшеній, какъ молитва покаянія. И Давидъ, и онъ, *мужъ по сердцу Божію*, въ своей кроткой жизни тяжко со-

грѣшилъ нѣкогда предъ Богомъ—отнятіемъ чужой жены и назначеніемъ ея мужа въ такое опасное мѣсто, гдѣ бы онъ могъ быть убитъ и, дѣйствительно, убитъ. Какъ глубоко грѣхъ, Братія мои, прирожденъ нынѣ естеству нашему, и какъ онъ опасенъ, пагубенъ для тѣхъ въ особенности смертныхъ, которые, хотя сколько нибудь, отъ святыхъ дѣлъ званія предаются иногда досугу, какъ случилось и съ Царемъ Давидомъ! Но Богъ знаетъ сердце каждаго человѣка: Богъ тотчасъ послалъ къ Давиду другаго Пророка съ кроткимъ обличеніемъ сперва — грѣха предъ Царемъ. Давидъ немедленно произноситъ смертный приговоръ на представленный ему въ притчѣ грѣхъ, не зная, что такимъ образомъ согрѣшилъ самъ онъ. Впрочемъ, какъ скоро узнаетъ себя собственно въ зерцалѣ притчи, тотчасъ исповѣдуетъ грѣхъ свой предъ Богомъ съ такимъ полнымъ сокрушеніемъ, что тотъ Пророкъ, которому предоставлено было Богомъ быть свидѣтелемъ исповѣди,—услышавъ только слова Давидовы: *согрѣшихъ ко Господу*,—не дожидаясь ничего болѣе, тотчасъ объявилъ отъ имени Божія: *и Господь отъя согрѣшеніе твое* [1])! Кратка была исповѣдь въ словахъ; но какъ она велика въ самой вещи! Подобнымъ образомъ притчею об-

[1]) Цар. 2: 12, 13.

личалъ однажды во грѣхахъ Царя Ахаава одинъ изъ Пророковъ, а Іудеевъ—Самъ Господь Пророковъ Іисусъ Христосъ: но какъ скоро Іудеи и Ахаавъ увидѣли въ представленномъ имъ зеркалѣ самихъ себя, Ахаавъ *пошелъ прочь* [1]),—сказано далѣе въ Писаніи,—*смущенъ и разслабленъ;* Іудеи *старались схватить Іисуса Христа*. Давидъ далеко не такъ поступилъ. Онъ не только немедленно сокрушеннымъ сердцемъ раскаялся въ прегрѣшеніи своемъ; но исповѣдь свою простеръ и на всю жизнь свою, и не только на всю жизнь, но и на всѣ будущія времена, по смерти своей, до конца вѣка. Исповѣдь Давида была не въ ложницѣ его, или только предъ Пророкомъ, отъ Бога посланнымъ. И мы, спустя тысячи лѣтъ послѣ Псаломника, непрерывно слышимъ ее, читаемъ и воспоминаемъ, при томъ не въ Исторіи или при какомъ либо домашнемъ чтеніи, но въ общественныхъ собраніяхъ, въ церкви предъ Богомъ, какъ будто бы самъ Давидъ доселѣ еще каялся псалмомъ своимъ здѣсь и вездѣ, гдѣ только читается покаянный псаломъ его. Точно, кается самъ Давидъ доселѣ, Братія мои! Не безъ его воли поступилъ покаянный псаломъ его въ церковное употребленіе: сочинитель самъ отдалъ его ликоначальнику Церкви своего времени, съ

[1]) Цар. 3: 20, 43. Матѳ. 21, 46.

тѣмъ, чтобы пѣта была всенародно исповѣдь его въ Церкви. Недоумѣю, чему болѣе дивиться: тому ли, что она продолжается такимъ образомъ доселѣ, или что она возглашаема была тогда, еще при жизни самого Давида и въ присутствіи его? Какому надобно было быть слуху въ Давидѣ? какому сокрушенному, сокрушенному сердцу, когда грѣхъ и исповѣдь Царя воспоминались въ присутствіи его самого предъ всѣмъ его народомъ? Таково истинное сокрушеніе о грѣхахъ, Братія мои! столько покаяніе нужно для всякаго! Припамятываю: въ послѣдствіи времени каялся также предъ Богомъ и Первоверховный Апостолъ Петръ, каялся во грѣхѣ клятвеннаго отреченія своего отъ Господа (какихъ особливыхъ жертвъ себѣ ищетъ врагъ спасенія нашего — Петровъ, Давидовъ!). Петръ, лишь только услышалъ ничтожнаго на нашъ взглядъ обличителя своего, пѣтела, *плакася горько*, сказуетъ Евангельская Исторія. А одинъ изъ святыхъ современниковъ и учениковъ Петра, Климентъ Римскій, свидѣтельствуетъ, что Св. Апостолъ повторялъ тотъ же самый горькій плачъ и послѣ во всю жизнь свою, когда ни слышалъ голосъ пѣтела! Слово о грѣхѣ Петровомъ и плачѣ предано также всѣмъ вѣкамъ въ Евангеліи: а ученикъ его Св. Маркъ, писавшій свое Евангеліе по руковод-

ству Петра, какъ свидѣтельствуетъ благочестивая древность, упомянулъ еще, вѣроятно по наставленію Петра, что Петръ не могъ разбудиться отъ грѣха своего такъ долго, что пѣтелъ пропѣлъ уже двукратно. И когда такъ поступали мужи великіе, Богоизбранные, при своихъ временныхъ только прегрѣшеніяхъ; то что дѣлать намъ со грѣхами своими, намъ, которые влечемъ ихъ, по выраженію Писанія, *какъ уже велико?* Достаточно ли для сего тѣхъ малыхъ безчувственныхъ словъ, кои едва единожды въ годъ, а иногда и въ нѣсколько лѣтъ разъ произносимъ мы на своей исповѣди, во всей тайности нашего покаянія, при одномъ служителѣ Христовомъ?

О! какой урокъ для насъ, Братія,—урокъ о покаяніи, одно начало псалма *Помилуй мя, Боже!* Грѣшимъ-то мы всѣ: *да не похвалится всяка плоть предъ Богомъ, да будетъ весь міръ повиненъ Богови* [1]), спасется же каждый изъ насъ по единой только милости Божіей, по единой благодати Іисуса Христа;—грѣшимъ всѣ, но крайнее различіе въ томъ, что одни изъ насъ сердечно каются и прибѣгаютъ къ милосердію Божію, другіе—нѣтъ. Первые—праведники великіе; а мы — нераскаянные грѣшники, грѣшники, и

[1]) Рим. 3, 19. Кор. 1: 1, 29.

умремъ такими, и предстанемъ такими на страшный судъ Божій, если не очувствуемся!

Для сего-то часто, весьма часто, Христіане-Братія, Св. Церковь приводитъ намъ на память псаломъ покаянія Давида *Помилуй мя, Боже!* Онъ положенъ ею въ домашнихъ нашихъ молитвахъ, утреннихъ и вечернихъ; онъ первый и здѣсь, въ церковныхъ собраніяхъ нашихъ на Полунощницѣ и окончательный, по чтеніи каоизмъ, на Утрени; онъ изъ первыхъ псалмовъ на Часахъ предъ Литургіею; онъ же первый и на Повечеріи. Не говоримъ уже, что онъ первый и единственный на молитвахъ, при совершеніи Таинства Покаянія, первый и неоднократный въ молитвахъ ко Причащенію. Еще менѣе упоминаемъ, что одинъ псаломъ сей служитъ вмѣсто всѣхъ псалмовъ, какъ бы сокращеніемъ ихъ на всякомъ просительномъ молебнѣ и на панихидномъ моленіи объ умершихъ. Словомъ — онъ избраннѣйшій изъ псалмовъ при всѣхъ нашихъ молитвословіяхъ. Такъ часто встрѣчается онъ для напоминанія намъ, Братія, для напоминанія о нуждѣ въ томъ, чтобы всѣ мы, сколь можно чаще, предъ Богомъ каялись во грѣхахъ своихъ и кромѣ нарочитыхъ дней покаянія, каковы дни поста Великаго. Непрестанно грѣшимъ мы волею и неволею, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ; непре-

станное требуется и исповѣданіе или очищеніе грѣховъ нашихъ. Отъ сего-то и всѣ наши молитвы, и домашнія и церковныя, соединены наибольшею частію, какъ говоримъ, особенно со псалмомъ покаянія *Помилуй мя, Боже!* Чувство сердечнаго сокрушенія предъ Богомъ должно быть у насъ первымъ вездѣ и непрерывнымъ. Такое чувствованіе Св. Церковь внушаетъ намъ въ пѣсни, для насъ ею составленной. «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!»—учитъ она каждаго изъ насъ говорить предъ Богомъ,—«всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву, яко Владыцѣ, грѣшніи приносимъ, — *помилуй насъ!*» Иначе сказать: мы не знаемъ, что иное и говорить намъ предъ Тобою, Господи, или приличнѣе или необходимѣе, какъ «Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ!» Таково общее содержаніе наибольшей части нашихъ молитвъ въ нынѣшнемъ грѣховномъ нашемъ состояніи. И когда же наиболѣе чувство сіе должно быть живо у насъ и искренно, какъ не теперь въ особенности, когда приближаются дни всеобщаго покаянія и идутъ уже дни приготовительные къ оному, нынѣшніе?

Въ особенности упомянуть надобно къ настоящему случаю о псалмѣ *Помилуй мя, Боже*, въ той связи молитвъ нашихъ въ Церкви Бо-

жіей, какъ поется онъ въ самой срединѣ утреннихъ молитвъ нашихъ здѣсь, и съ особливою торжественностію, во дни праздничные. Извѣстно, что на Утрени всегда читается изъ Псалтири Давидовой нѣсколько каѳизмъ (не менѣе двухъ), изъ коихъ почти каждая заключаетъ въ себѣ псалмовъ около девяти. Каѳизмы въ первыя времена, при молитвенномъ *терпѣніи* древнихъ Христіанъ, были пѣты въ Церкви, какъ свидѣтельствуетъ Св. Василій Великій, а не читаны. «Гремятъ,—сказуетъ нѣгдѣ Св. Василій,—во всю почти ночь, гремятъ псалмы Давидовы на обоихъ клиросахъ по стихамъ (что и называется въ книгахъ нашихъ *стихословить* псалмы), гремятъ псалмы, и напослѣдокъ, какъ бы сокращеніе всѣхъ ихъ и вѣнецъ, воспѣвается псаломъ *Помилуй мя, Боже!*» На простодневной Утрени псаломъ *Помилуй мя, Боже*, точно такъ и употребляется сряду послѣ каѳизмъ; нынѣ и его читаютъ, а не поютъ. Но на Утрени праздничной, когда читается и Евангеліе, по содержанію праздника, или, иначе сказать, когда есть что особенно читать и изъ Евангелія по особенности дня благодати, псаломъ нашъ отдѣляется отъ обыкновеннаго чтенія Псалтири далѣе, и слѣдуетъ уже за чтеніемъ Св. Евангелія. Послѣ «Славы» и «И нынѣ» поется всегда, по крайней мѣрѣ,

начало псалма: *Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконіе мое?* Для чего такъ? Для того, какъ мнѣ всегда представлялось, что съ одной стороны все Св. Евангеліе началось именно проповѣдію о покаяніи, съ другой—всѣ тѣ люди, которые слышали живую сію проповѣдь изъ устъ благовѣстниковъ, непремѣнно были люди смиренные и кающіеся, ищущіе своего спасенія не въ своей праведности, но въ помилованіи Божіемъ. Евангеліе началось, говорю, проповѣдію о покаяніи: *Начало Евангелія Іисуса Христа,* благовѣствуетъ Евангелистъ: *бысть Іоаннъ крестяй въ пустыни, и проповѣдая крещеніе покаянія во отпущеніе грѣховъ* [1]). *Покайтеся,* вопіялъ Предтеча Христовъ, покайтеся, *приближибося царствіе небесное* [2]). *Отселѣ,* съ покаянія, *начатъ* Самъ Господь *Іисусъ проповѣдати и глаголати: покайтеся, приближися бо царство небесное.* И въ послѣдствіи Своего благовѣстія Господь Іисусъ многажды говорилъ Іудеямъ: *не пріидохъ призвати праведныя, но грѣшныя на покаяніе,* такъ какъ и *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* [3]). Въ самомъ дѣлѣ, кто были первые послѣдователи Евангелія Іисуса Христа и участ-

[1]) Мар. 1, 1. [2]) Матѳ. 3, 2. 4, 17. [3]) Лук. 5, 31. 32.

ники благодати, міру тогда возвѣщаемой? Не тѣ духовные вожди народа Божія, которые считали себя, по наружному только исполненію закона, праведными, не тѣ просвѣщенные книжники и знаменитые сановники Іудейскіе, которые разумѣли себя всезнающими и высокими,— но люди простые, сперва жители невѣжественной Галилеи, потомъ мытари, блудницы, прокаженные, слѣпорожденные, разбойники, словомъ— грѣшники. По сему-то и нынѣ, Братія мои, когда повторяется предъ нами на Утрени чтеніе Св. Евангелія, мы всѣ обращаемся, за выслушаніемъ онаго, къ Богу, Спасителю нашему, со смиреніемъ сердца и вопіемъ не гласомъ уже Псалмопѣвца, хотя повторяемъ его слова, какъ самыя древнія, но — гласомъ всѣхъ упоминаемыхъ въ Евангеліи Хананей, прокаженныхъ, мытарей и всѣхъ глубоко чувствовавшихъ нужду въ помилованіи отъ Господа Христа, — каждый за себя: *Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей! — Помилуй мя, Господи! Помилуй мя, Сыне Давидовъ! Сыне Давидовъ, помилуй мя!* вопіяли ко Іисусу Христу просившіе отъ Него помощи, какъ скоро гдѣ либо появлялся Онъ между людьми. И намъ является Христосъ до скончанія вѣка во Св. Своемъ Евангеліи: и мы тоже вопіемъ Ему нынѣ.

Да и непрерывное наше воскликновеніе въ церкви *Господи помилуй*, что̀ какъ не тотъ же самый гласъ, которымъ вопіяли ко Іисусу Христу по Евангелію искавшіе отъ Него милости? Но слово теперь въ томъ, когда же, если не теперь въ особенности, какъ мы расположиться должны и уже приготовляемся принесть Господу Богу, хотя единожды въ годъ, исповѣданіе грѣховъ своихъ,—не нынѣ ли въ особенности должны мы примѣръ упоминаемыхъ въ Евангеліи людей, смиренныхъ сердцемъ, самымъ сердцемъ и душею усвоить самимъ себѣ, и вопить ко Господу голосомъ Пророка Богоотца, каявшагося: *Помилуй мя, Боже, по великій милости Твоей?*

Для приближающагося времени всеобщаго покаянія есть еще и особое предназначеніе псалма сего въ Церкви, Братія мои! Мы видѣли, какъ онъ обыкновенно входитъ въ наибольшую часть нашихъ молитвъ: вонмите далѣе, какъ входитъ онъ особенно въ молитвы наши великопостныя. Мы слышали уже, что начало его и содержаніе съ особливою торжественностію поется послѣ Евангелія Христова въ нынѣшніе дни предъ постомъ, и услышимъ, какъ будетъ пѣться въ постъ. Вслушайтесь же и въ такъ называемый «Канонъ» трипѣсничный, покаянный,—Канонъ, или дневное правило молитвъ нашихъ въ Церкви,

вскорѣ за псалмомъ симъ слѣдующій въ числѣ молитвъ. Стихи Канона начинаются всѣ запѣвомъ: «*Помилуй мя, Боже, помилуй мя!*» Всѣ стихи Канона, всѣ недѣльныя стихиры, стиховны и прилагающіяся къ нимъ пѣснопѣнія иныхъ названій, всѣ сложены изъ сего одного предложенія: *Помилуй мя, Боже;* всѣ суть многоразличныя видоизмѣненія псалма сего, съ приложеніемъ онаго къ нашему состоянію въ Новой Благодати. Такъ будетъ и въ постъ: въ постъ будетъ болѣе. Въ четыре дня первой седьмицы ежедневно будетъ читаться на Повечеріи особливый Великій Канонъ, и весь совокупно будетъ повторяться еще въ называемое «Стояніе,» въ четвертокъ пятой недѣли поста. Кто изъ васъ не помнитъ и по прежнимъ годамъ, что на всякомъ стихѣ, кромѣ конечныхъ, будетъ повторяться тамъ запѣвъ: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя?* Кто не помнитъ, что пѣніе сіе есть душевный плачъ каждаго изъ насъ за себя самого, плачъ покаянія, плачъ кающихся? Запѣвъ стиховъ Великаго Канона потому такой, что и всѣ стихи сложены изъ него одного, какъ изъ предложенія: *Помилуй мя, Боже, помилуй мя!* Всѣ они содержатъ одинъ и тотъ же плачъ покаянія и есть какъ бы истолкованіе покаяннаго псалма Давидова, — истолкованіе въ различныхъ

опытахъ сердечнаго сокрушенія уже не одного Давида, а всѣхъ согрѣшавшихъ и спасавшихся отъ вѣка и въ Ветхой, и въ Новой Благодати.— Тамъ изображены святыя дѣла праведниковъ, упоминаемыхъ во всемъ Св. Писаніи Ветхаго и Новаго Завѣта, равно какъ исчислены и всѣ, кажется, — сказать по учебникамъ школьнымъ,— формулы, просто—образцы, виды безчисленныхъ сатанинскихъ ухищреній надъ людьми, разновидныхъ грѣховъ, согрѣшеній, прегрѣшеній нашихъ предъ Богомъ. Для чего все сіе? Для того, чтобы въ томъ или иномъ сказаніи непремѣнно узнать намъ всякому самого себя, какъ въ зеркалѣ. На сей-то конецъ по мѣстамъ Великаго Канона будетъ многажды напоминаться каждому изъ насъ, Братія, что̀ собственно каждому изъ насъ чувствовать, что̀ и намъ сказать надобно? «Виждь, душе моя, — будетъ говориться тамъ отъ собственнаго лица каждаго изъ насъ къ душѣ своей,—виждь, кому и кому уподобилася еси, окаянная душе моя! Грѣшныхъ подражала еси, душе моя, а не праведныхъ, въ Бога согрѣшши; Каину уподобилася еси, а не праведному Авелю; Ламеху подражала еси, а не Сиѳу или Еноху; Исавово женонеистовное житіе изволила еси, блудницы и мытаря покаянія не наслѣдовала еси,» и проч., и проч., что̀ все мы ушами

своими услышимъ. Словомъ,—какъ Давидъ, иногда во образѣ списавъ, яко на иконѣ, пѣснь, ею-же дѣяніе обличаетъ, еже содѣя, вопія: *Помилуй мя, Боже* [1]), такъ Преподобный Андрей Критскій, одинъ изъ особенно также каявшихся къ Богу во своихъ грѣхахъ, написалъ въ Великомъ Канонѣ всеобщее изображеніе, въ которомъ, какъ на картинѣ, всякій изъ насъ можетъ видѣть самого себя, видѣть и по различнымъ образамъ изложеннаго тамъ покаянія каяться Богу во всякомъ грѣхѣ своемъ.

Въ заключеніе всего умоляю васъ, Христіане-Братія, обратить собственное ваше вниманіе на все то, что вы въ Церкви Божіей о псалмѣ *Помилуй мя Боже*, по чину молитвъ, слышите и видите, или что особенно въ Великій постъ будете видѣть и слышать. Безъ того, безъ собственнаго вашего участія сердечнаго нельзя довольно изъяснить силу онаго. Самимъ вамъ каждому изучить, или лучше усвоить себѣ духъ истиннаго покаянія надобно. Аминь.

[1]) Вел. Кан. пѣс. 5, ст. 1.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ БЛУДНАГО.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1845 года.

Востав҃ъ иду ко отцу моему и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою. Лук. 15, 18.

Вотъ сіи-то самыя расположенія души имѣть надобно намъ, Братія, особенно нынѣ, когда предстоитъ святой Великій постъ, призывъ къ очищенію грѣховъ! Изложеніе такихъ расположеній духа заимствую въ Евангельской притчѣ, которая въ нынѣшній недѣльный день предлагается въ церкви особенному вниманію нашему. Притча изображаетъ милосердіе Отца Небеснаго къ кающимся въ такомъ трогательномъ видѣ, что толкователи Евангелія называютъ ее чтеніемъ самымъ утѣшительнымъ для грѣшниковъ. Въ ней, какъ въ зеркалѣ, видно и то, съ чего начинается у насъ упорное закоснѣніе во грѣхахъ, отъ чего происходитъ даже удаленіе отъ Бога, до чего оно доходитъ, до какой крайности доводитъ, и какъ опять, не смотря ни на что, можетъ начинаться обращеніе наше къ Богу, раскаяніе, полное очищеніе отъ грѣховъ? А та-

кое-то именно зерцало истины и нужно намъ имѣть на виду нынѣ по сближенію дней всеобщаго покаянія, чтобы видѣть тамъ себя, себя— и путь, которымъ надобно обратиться въ покаяніи къ Отцу Небесному. Разсмотримъ же Евангельскую притчу съ нѣкоторою подробностію.

Человѣкъ нѣкій имѣ̀ше два сына, говоритъ Господь въ притчѣ. По связи съ окружающими ее иными притчами, какъ то: съ притчею о пастырѣ и одной заблуждшей овцѣ, при девятидесяти и девяти незаблуждшихъ, — съ притчею о женѣ и погибшей у ней одной драхмѣ, при девяти,—очевидно, что два сына суть два рода людей,—людей потерянныхъ или заблуждшихъ, и—людей въ добромъ состояніи находящихся. А изъ связи сказаній еще далѣе предыдущихъ и изъ прямаго указанія Господа,—что *тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія*, подъ именемъ *человѣка нѣкоего* разумѣть надобно Самого Бога, Создателя человѣковъ, или ближе,— Бога, насъ ради вочеловѣчившагося.

Человѣкъ нѣкій имѣ̀ше два сына; и рече юнѣйшій ею отцу: отче, даждь ми достойную часть имѣнія; и раздѣли имъ имѣніе. Имѣніе, какое

имѣетъ Отецъ Небесный для насъ, чадъ Его, — весьма богатое. Въ Его десницѣ вся видимая природа, всѣ дары судебъ и всѣ сокровища благодати. Господь всѣмъ намъ, Братія, раздѣляетъ сіи блага: даетъ намъ жизнь, здравіе, умъ, волю, смыслъ, склонности, по собственной нашей природѣ; и по внѣшней — даетъ всякому изъ насъ часть земли и ея плодовъ, часть водъ и ея произведеній, воздухъ, все солнце и луну, дни и ночи, различныя времена года. По распоряженіямъ судебъ Своихъ Господь предоставляетъ каждому изъ насъ званіе, состояніе, инымъ почести, другимъ богатство, инымъ счастіе, инымъ просвѣщеніе, инымъ иное. По царству благодати Господь всѣмъ намъ даруетъ небесную жизнь, средства къ ея поддержанію,—Св. Таинства Вѣры, Слово Свое, съ нимъ духовное просвѣщеніе, радости принадлежащія уже вѣку будущему. Изъ всѣхъ такихъ сокровищницъ Своихъ раздѣляетъ Господь каждому изъ насъ, Братія, по мѣрѣ пріемлемости каждаго. *Онъ солнцемъ Своимъ сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и на неправедныя.* Имѣя такого Отца всеблагаго, премудраго, всевѣдущаго, намъ всѣмъ надлежало бы, Братія мои, пользоваться Его достояніемъ безъ всякаго частнаго каждому выдѣла, пользоваться тѣмъ только и такъ, сколько, когда и какъ угодно

будетъ дать что либо Отцу, какъ живутъ дѣти и при земныхъ отцахъ. Но нѣтъ: иной изъ насъ сынъ Отца Небеснаго проситъ Отца отдѣлить его прочь отъ Себя, и дать ему могущую слѣдовать часть имѣнія въ собственное распоряженіе. Воля, Братія мои, воля, своеволіе наше причиною тому, что мы услышимъ далѣе о человѣкѣ: въ ней начало нашихъ злополучій, кои, какъ увидимъ, скоро могутъ слѣдовать за неблагоразумными нашими желаніями. Отецъ Небесный далъ намъ и волю, не отказываетъ и въ желаніяхъ, дабы наши отношенія къ Нему были не принужденны, не рабски, а проистекали бы изъ сыновней свободной любви, и дабы въ самомъ лишеніи насъ чего либо не заключалось какой либо, хотя мнимой причины къ потерѣ такой любви съ нашей стороны. И отъ чего у описываемаго въ Евангеліи сына поколебалась любовь къ отцу? *Реге юнѣйшій* сынъ, сказано тамъ,—юнѣйшій, а не старшій. Юность, глупость, легкомысліе, недальновидность, безразсудная пылкость внушаютъ намъ своеволіе и жизнь, такъ сказать, въ раздѣлѣ съ Отцемъ нашимъ Небеснымъ! Юность разумѣемъ не по одному только тѣлесному возрасту, но и по душевному. Конечно, юный возрастъ нашъ по плоти всего склоннѣе къ своеволію, къ безразсудствамъ, ко всему чувственному. Въ немъ начинаются по

большей части тѣ дурныя привычки жизни, кои составляютъ потомъ всю нашу жизнь, если мы не остережемся, или не остерегутъ насъ въ ето время родители, наставники, добрые люди, а иногда и самыя обстоятельства нашего времени. Посему-то и надобно всѣмъ намъ особенно беречь дѣтей, наипаче же приставникамъ ихъ и руководителямъ; а дѣтямъ первѣе и тверже всѣхъ уроковъ помнить должно, что своя безразсудная, еще неопытная воля есть источникъ всѣхъ будущихъ бѣдствій жизни, а послушливость – запасъ истиннаго благополучія. Не столько важно просвѣщеніе ума въ наукахъ, далеко не столько, сколько образованіе сердца, ограниченіе пылкости желаній, власть надъ высокоумiемъ, благопокорливость опытности другихъ. Гордый умъ будетъ причиною и всей жизни своевольной, а кроткое и Богобоязливое сердце сохранитъ отъ того. Такъ, говорю, виною своевольной жизни бываетъ юность наша по возрасту тѣлесному! Но есть еще юность и по возрасту душевному. Какъ есть люди, по Слову Божію, которые *всегда учатся и николиже въ разумъ истины пріити могутъ*; такъ бываютъ и старики по виду, которые вѣчно юношествуютъ. Они слѣдуютъ молодымъ своимъ чувственнымъ склонностямъ, кои, какъ скоро чувственны, плотяны, уже и слѣпы

юношамъ, а не мужамъ опытнымъ по уму и сердцу. Самою вѣрною примѣтою тому, что въ такомъ состояніи находится тотъ или иной изъ насъ, служатъ тайныя наши желанія, чтобы судьба отдала намъ дары или природы, или Провидѣнія, или благодати, или и всѣ вмѣстѣ на собственный нашъ произволъ, чтобы намъ жить, какъ намъ хочется, а не въ единеніи съ Отцемъ нашимъ Небеснымъ, не по Его святымъ внушеніямъ, не такъ только, какъ Онъ снабдѣваетъ насъ по Своему премудрому Промыслу, но въ раздѣлѣ съ Нимъ, по расчетамъ.

Такимъ образомъ жилъ и описываемый въ сегоднешнемъ Евангеліи сынъ. Но, находясь вблизи къ отцу, онъ стѣснялся иногда въ безаконныхъ воляхъ своихъ однимъ присутствіемъ отца и, можетъ быть, добраго старшаго брата, съ отцемъ жившаго. Самый домъ родителя, имя его, слухъ объ немъ могли ограничивать желанія молодаго человѣка. Сыну хотѣлось бы, напр., устроить безпутное гулянье, игры, шумное зрѣлище; но не видя сего никогда и въ окнахъ дома отеческаго, не только около себя онъ вопреки себѣ удерживалъ свои прихоти. Онъ думалъ, что отецъ услышитъ что либо своевольное у него, можетъ ему напомнить о томъ: одинъ взглядъ отца укорилъ бы всякое безпутное пред-

пріятіе. И потому что̀ же своевольный сынъ далѣе дѣлаетъ?

И не по многихъ днехъ собравъ все имѣй сынъ, отыде на страну далече. Высшій степень своеволія, — даже удаленіе отъ отца, намѣренное уклоненіе наконецъ отъ случаевъ къ своему исправленію! Какъ сто дѣлается нѣкоторыми изъ насъ, Братія, въ отношеніи къ Отцу Небесному? Такъ, что нѣкоторые въ постепенномъ своеволіи жизни иногда теряютъ наконецъ страхъ Божій въ себѣ, заглушаютъ чувство вездѣприсутствія и смотрѣнія Божія, оставляютъ и видимый домъ Божій, не станутъ ходить въ церковь, не хотятъ слушать, ни читать ничего спасительнаго и Богоугоднаго, не внемлютъ добрымъ совѣтамъ другихъ, и ни на какія обстоятельства жизни, располагающія насъ къ помышленію о Богѣ, не обращаютъ вниманія, а стремятся прочь и прочь, далѣе и далѣе отъ всего того, что́ можетъ напомнить имъ о Богѣ.

Для чего же дѣлаетъ такъ своевольный человѣкъ? Для чего онъ со всѣмъ наслѣдствомъ своимъ отъ Бога, — съ умомъ иногда великимъ, со здравіемъ крѣпкимъ, съ желаніями сильными, съ почестями, съ заслугами, съ богатствомъ, даже съ просвѣщеніемъ духовнымъ, кратко—со всѣми своими талантами и достоинствами,—для чего

онъ удаляется на страну далече? Дальняя страна, о которой говоритъ Евангеліе, есть міръ сей, Братія, или правильнѣе, — та часть міра, гдѣ всего удобнѣе жить можно безъ всякихъ помышленій о Богѣ, въ обществѣ людей забывшихъ Бога. Для чего же своевольный сынъ удаляется отъ Бога въ сію столь дальнюю страну? Чѣмъ изслѣдовать, скорѣе можно увидѣть ето на дѣлѣ. *И ту расточи имѣніе свое, живый блудно,* сказано въ притчѣ Евангельской.

Имѣніе, отъ Отца Небеснаго полученное,—дарованія природы, Провидѣнія и благодати, можно расточить людямъ въ мірѣ семъ, по своей волѣ, многоразличнымъ образомъ, безчисленными способами — и пьянствомъ, и роскошью, и игрою, и нерадѣніемъ, и горячностію. Различны и предметы міра. *Все, еже въ мірѣ*, говоритъ Слово Божіе, *похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская.* Но особенно упоминаетъ теперь Евангеліе съ той стороны, какъ изждилъ имѣніе свое несчастный сынъ, упоминаетъ объ образѣ жизни въ мірѣ блудной, распутной. Потому такъ, Братія мои, что сей образъ жизни наиболѣе нравится юности человѣческой, обыкновеннѣе овладѣваетъ людьми во всякомъ возрастѣ, и есть самый разорительнѣйшій и для вещественнаго, и для нравственнаго состоянія. Святые нравоучители Вѣры изъясняются,

что нѣтъ страсти, къ которой бы болѣе наклонны были люди, какъ чувственное вожделѣніе: никакой полъ, никакой возрастъ, никакое званіе, никакое время не свободны отъ него, если не предостеречься, если изъ дому Отца нашего Небеснаго удалиться на страну міра, который и именуется *прелюбодѣйнымъ и ерѣшнымъ*. Столько всѣмъ надобно опасаться всегда сладострастія! Столь оно опасно! *И похоть очесъ и гордость житейская* служатъ также главно и особенно *похоти плоти*. Для ней наиболѣе всего расточается всякое имѣніе, данное намъ отъ Бога Отца Небеснаго. Какъ склонность одного пола къ другому въ своихъ законныхъ правилахъ есть самый законъ къ разумноженію рода человѣческаго, что̀ впрочемъ въ послѣдствіи имѣетъ великія трудности въ содержаніи семействъ: то природа особенно разбросала цвѣты на нее, и—склонность сія, при поврежденіи природы, всего легче можетъ выходить за границы закона и счастія нашего. Посему-то наиболѣе всѣхъ иныхъ страстей и нужно остерегаться отъ нея людямъ: съ ея-то стороны наиболѣе всего и предстоятъ всѣмъ смертнымъ искушенія и бѣдствія, часто дѣлающія злополучною всю жизнь предавшихся страсти плотоугодія.

Бѣдствія! Такъ, упоминаемый въ Евангеліи сынъ, *живя блудно изжилъ все*, все свое имѣ-

ніе. Долго ли въ страстяхъ, особливо въ страсти блудной, сильной, помрачиться уму, развратиться волѣ, потеряться здоровью, затмиться чести, истратиться богатству, взяться назадъ къ Богу всѣмъ дарамъ благодати, свѣту ума, спокойствію совѣсти, чистотѣ души?

Между тѣмъ одной бѣдѣ почти обычно сопутствуетъ иная и иная. *Изжившу же ему все*, говоритъ притча о блудномъ далѣе, *бысть глада крѣпокъ на странѣ той, и той* (несчастный нашъ человѣкъ) *начатъ лишатися*. Въ мірѣ собственно мірскаго нѣтъ ничего, Братія! Міръ богатъ тогда только, какъ богаты люди,— умнъ, когда только обладатели умны; а самъ онъ совершенно ничего не имѣетъ своего, кромѣ суеты суетъ, ничтожества, гибели. Не будь у людей мірскихъ почестей, ума, здравія, счастія; и въ мірѣ нѣтъ для нихъ ничего: въ немъ одна, повторяю, пустота и крушеніе духа. Міръ не любитъ, не ласкаетъ, не принимаетъ къ себѣ неимѣющихъ ничего. Онъ, какъ гостиница, держится только избытками путниковъ и посѣтителей. Чѣмъ же въ мірѣ восполнить человѣку собственныя лишенія свои? *И шедъ прильпися единому отъ жителей тоя страны*, продолжаетъ притча о блудномъ сынѣ, *и посла его на села своя пасти свиніи: и желаше насытити чрево*

свое отъ рожецъ, яже ядяху свинія; и никтоже даяше ему. Какое плачевное состояніе для такого особенно человѣка, каковъ былъ упоминаемый въ притчѣ, пока жилъ при такомъ отцѣ своемъ, каковъ отецъ Евангельскій! Между тѣмъ не видали-ль иногда, Слушатели мои, сами вы, какъ промотавшіеся въ мірѣ люди ведутъ наконецъ жизнь свинопасовъ, и какъ они въ лохмотьяхъ, часто съ поврежденнымъ разсудкомъ, съ разбитыми лицами, съ помраченными чувствами бродятъ иногда по улицамъ около зазорныхъ мѣстъ, и готовы предаваться самымъ низкимъ, нечистымъ, скареднымъ удовольствіямъ? Но и тѣхъ удовольствій не дозволяютъ имъ. Свиньи, сколь онѣ, въ сравненіи съ человѣкомъ, ни нечисты, но какъ свиньи по природѣ своей и какъ чья либо собственность, стоятъ уже для владѣльцевъ ихъ большаго попеченія, нежели люди, *приложившіеся къ скотомъ несмысленнымъ и уподобившіеся имъ.* Въ такомъ прежалкомъ состояніи, по нравственности, человѣкъ бываетъ, по выраженію Церкви, *горѣе*, хуже *скота!* Посмотрите на душевное его состояніе, независимо отъ внѣшняго. (Слово наипаче о душевномъ нашемъ состояніи.) Раскройте мысли человѣка распутнаго, кто бы онъ ни былъ съ вида, войдите въ его понятія, вникните въ намѣренія, прой-

дите въ расположенія души: и вы тотчасъ увидите въ душѣ нравственно потерявшагося человѣка истинно свиное стадо съ Гадаринскими бѣсами, въ него вшедшими.

Что же въ такомъ состояніи нашъ упоминаемый въ Евангеліи распутный сынъ? О, слава Богу! въ немъ оставалась еще искра Богоподобной природы, еще таилась въ немъ память о небесномъ происхожденіи его: и въ одинъ день умѣлъ онъ еще воспользоваться самымъ бѣдствіемъ своимъ. *Въ себе же пришедъ, рече: колико наемникомъ отца моего избываютъ хлѣбы, азъ же гладомъ гиблю!* Сколько, подлинно, птицъ небесныхъ, — разсуждалъ онъ самъ съ собою, — и Отецъ мой Небесный питаетъ ихъ! Сколько скотовъ, рыбъ, сколько звѣрей, пресмыкающихся, — и всѣ они съ избытками насыщаются отъ трапезы Отца моего, живя изъ хлѣба, изъ найма, по которому служатъ такъ или иначе блаженнымъ Его домочадцамъ, человѣкамъ, созданнымъ по образу и по подобію Божію, служатъ кто пѣніемъ, кто ношеніемъ тяжестей, кто приготовленіемъ одѣянія и проч.! Сколько самыхъ человѣковъ, непринявшихъ благодатнаго усыновленія Богу, сколько ихъ служитъ Небесному Отцу моему, *Богу* ими *невѣдомому*, служитъ изъ найма, для полученія временнаго только

счастія въ жизни за свои работы! А я по возрожденію и благодати Іисуса Христа — Сынъ Его; между тѣмъ нахожусь въ такомъ жалкомъ положеніи! Ни одна свѣтлая мысль не озаритъ помраченнаго ума моего. Ни одно святое желаніе не обрадуетъ никогда сердца моего! Даже ухо не слышитъ никогда Слова Божія, око не видитъ ничего душеспасительнаго! Словомъ—я въ странѣ глада крѣпкаго, *глада не хлѣба, но слышанія Слова Божія,* и терплю всѣ ужасы сего страшнаго глада.

Съ познанія самихъ себя, съ обращенія вниманія на себя самихъ, на свое состояніе, начинается у насъ, Братія, всякое истинно полезное познаніе. Отъ своей вѣтренности мы бываемъ и безчувственны. *Аще бы себе разсуждали*, говоритъ Апостолъ, *не бихомъ осуждени были.* Такъ сталось и съ блуднымъ сыномъ: пришелъ онъ въ себя, обратилъ вниманіе на себя, и — по милости Божіей, тотчасъ почувствовалъ всю бѣдственность своего состоянія грѣховнаго. Такъ и всѣмъ намъ надобно входить въ свою душу, обращать вниманіе на окружающія насъ обстоятельства и пользоваться ими къ своему вразумленію.

Востав убо,—продолжаетъ грѣшный человѣкъ по Евангельской притчѣ, — востав *иду ко отцу моему, и реку ему: отче, согрѣшихъ на небо*

и предъ тобою, и уже нѣсмь достоинъ нарещися сынъ твой: сотвори мя яко единаго отъ наемникъ твоихъ. «Я согрѣшилъ противу всесвятаго величествія Твоего и противъ Тебя, единственнаго моего благодѣтеля, Отче Небесный! Но даруй мнѣ хотя то счастіе, какимъ наслаждаются наемники, рабы твои, — не то́ уже, какимъ пользовался я нѣкогда безразсудный сынъ Твой!» Такое чувство сердца кающагося грѣшника и не осталось въ одномъ только сердцѣ, или предположеніи: онъ не повздыхалъ только, не поохалъ только, какъ нерѣдко дѣлаемъ мы въ порывахъ нашихъ къ покаянію; нѣтъ, онъ тотчасъ *оставъ иде ко отцу своему.* Теперь счастливъ путь твой, жалкій до сей самой минуты человѣкъ! Пойдемъ съ нимъ и всѣ мы, Братія мои, пойдемъ всѣ; посмотримъ, какъ встрѣтится грѣшный сынъ съ отцемъ своимъ, какъ приниметъ его Отецъ Небесный?

Еще же ему далече сущу, сказуетъ Евангеліе, — одно только Евангеліе можетъ сказывать такія вещи или истины, — *еще же ему далече сущу, узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его.* Таково, дивно, непостижимо милосердіе ко грѣшнымъ Отца Небеснаго! Оно давно и непрерывно ждетъ обращенія грѣшника къ себѣ! По чело-

вѣческому изображенію, Евангельскій отецъ какъ бы непрерывно смотрѣлъ уже, давно смотрѣлъ въ ту сторону, съ которой можно было ожидать назадъ удалившагося сына, выбѣжалъ къ возвращающемуся на встрѣчу. Не только не дѣлаетъ упрека за неблагодарность, хотя бы упрека отеческаго, самаго любезнаго упрека; но не слыша еще ни одного слова раскаянія, обнимаетъ уже его и лобызаетъ сына, съ пастьбы свиной возвратившагося, недостойнаго, по нечистотѣ своей, касаться пола въ свѣтломъ и святомъ дому Божіемъ! Едва сынъ успѣваетъ проговорить нѣсколько словъ изъ приготовленной имъ исповѣди отцу, — какъ отецъ, не дослушавъ ее, приказываетъ тотчасъ рабамъ своимъ учредить торжество, и говоритъ: *изнесите одежду первую, и облецыте его, и дадите перстень на руку его, и сапоги на нозѣ: и приведше телецъ упитанный, заколите, и ядше веселимся.* Рабы Господа, по изъясненію святыхъ толкователей притчи, — или Ангелы, или Пастыри Церкви, служители Таинъ Божіихъ. Имъ, подлинно, служителямъ Таинъ Божіихъ, повелѣвается возвращать кающимся грѣшникамъ всѣ милости и права на сыновство Божіе, соединять ихъ Св. Церкви, дому Божію, украшать наилучшею одеждою, виссономъ оправданія Святыхъ, убѣленною въ крови Агнца, вземлющаго

грѣхи міра, составлять изъ Него таинственную вечерю Причащенія, преподавать имъ залогъ или обрученіе Духа Святаго, словомъ—доставлять все, что имѣетъ въ себѣ Св. Церковь утѣшительнаго, спасительнаго, небеснаго. Что же во особливости располагаетъ отца къ такимъ необычайнымъ чувствованіямъ и поступкамъ? Одно, не иное что, какъ то одно, *яко сынъ мой сей*, говоритъ отецъ, *мертвъ бѣ и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся*. Могло-бъ быть сказано теперь инымъ отцомъ, что сынъ сей былъ особенно любимый, особенно даровитый, особенно добрый, кромѣ одного бывшаго глупаго случая — ухода. Нѣтъ, довольно, что возвращается сынъ, каковъ онъ ни есть, что онъ *мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся!* Сколь всеобщее убѣжденіе, Братія мои, въ томъ, что любовь Отца Небеснаго по тому же самому чувствію Своему, не по заслугамъ нашимъ, или достоинствамъ, или умоленіямъ, возрадуется и о каждомъ изъ насъ также, готовящіеся каяться!

У Евангельскаго отца былъ при домѣ съ нимъ другой сынъ, старшій, добрый, никуда отъ него неотлучавшійся: его поразила столь необыкновенная любовь отца къ сыну, столь распутному! Но ему сказано отцемъ то же, что чувствовалъ въ себѣ самъ отецъ: *возвеселитися же и возрадовати подобаше, яко братъ твой сей*

мертвъ бѣ, и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся. Кратко, — Отецъ Небесный убѣждаетъ всѣхъ Своихъ домочадцевъ, праведниковъ и Ангеловъ къ тѣмъ же самымъ чувствованіямъ, какими Самъ исполненъ, — къ сорадованію съ Собою о покаяніи грѣшника. *Тако глаголю вамъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *радость бываетъ предъ Ангелами Божіими о единомъ грѣшницѣ кающемся!* Спасеніе язычниковъ, грѣшниковъ, всего міра сперва, подлинно, удивляло и праведниковъ Іудейскихъ и даже самыхъ Ангеловъ, какъ свидѣтельствуетъ и о послѣднихъ Апостолъ. Но и они, тѣ и другіе, послѣ торжества всеобщей благодати на землѣ, послѣ того, какъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ образѣ человѣка, въ образѣ общаго всѣхъ Отца Небеснаго, принялъ грѣшный родъ человѣческій въ царство Свое еще на землѣ, во Св. Свою Церковь, и, осыпавъ его всѣми дарами благодати Своея, до конца міра принимаетъ всѣхъ кающихся, — послѣ сего и Ангелы радуются на небесахъ о каждомъ изъ насъ кающемся.

Что кто изъ насъ думаетъ при семъ, Братія? Объ насъ слово; для насъ Евангельское торжество въ Церкви, ради насъ радости на небесахъ въ обителяхъ Отца Небеснаго, когда мы будемъ каяться здѣсь во грѣхахъ своихъ! Не оставимъ

же исполнить сего по сердцу, а не по обычаю: не остановимъ столь нарочитыхъ небесныхъ приготовленій къ праздникамъ на небесахъ; не отмѣнимъ столь великихъ торжествъ любви Божіей, тамъ въ кругу Ангеловъ и праведниковъ Божіихъ. Поступить иначе, т. е. или не хотѣть каяться, или каяться неискренно, несердечно, безъ оставленія негодныхъ своихъ навыковъ, которые доселѣ удерживали насъ въ удаленіи отъ Бога, безъ полнаго обращенія къ Богу, каяться безъ етого, значитъ — не только уничтожать своими руками собственное блаженство о Христѣ Іисусѣ, но и полагать къ тому препятствія для всей любви Господа Бога къ намъ грѣшнымъ и для торжествъ Ангельскихъ на небеси. Посовѣстимся! Аминь.

БЕСѢДА

въ недѣлю мясопустную.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1846 года.

Тогда отвѣщаютъ Ему праведницы, глаголюще: Господи! когда Тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ, или жаждуща, и напоихомъ? Когда же Тя видѣхомъ странна, и введохомъ, или нага, и одѣяхомъ? Матѳ. 25, 37. 38.

Каждодневно, и въ каждый день неоднократно молится Св. Церковь Господу, и съ нею молимся мы о томъ между прочимъ, чтобы сподобиться каждому изъ насъ, Христіане, отдать *добрый отвѣтъ на страшномъ судищѣ Христовомъ*. Сегодня представляетъ Евангеліе мысленному взору нашему и всемірное оное позорище, когда предъ престоломъ Судіи, тмою Ангеловъ окруженнаго, соберутся всѣ народы и племена, и произведется судъ въ такихъ подробностяхъ, что не только значительныя дѣла, добрыя и худыя, но и то, напитали-ль мы бѣднаго, утолили-ль жажду жаждущаго, отверзли-ль страннымъ врата дома своего, посѣщали-ль болящихъ, — и то̀ предъ лицемъ неба и земли будетъ объявлено и разсуждено. И, конечно, тотъ

добрый будетъ на семъ испытаніи отвѣтъ, Слушатели, который скажутъ предъ Богомъ праведники. А они, по засвидѣтельствованію *Испытующаго сердца и утробы праведно*, исполнивши въ жизни своей всѣ дѣла милосердія (предметъ всего болѣе на судѣ видимый), отвѣтствуютъ Ему въ изумленіи, что они ничего добраго не дѣлали!

Поучимся и мы той особенной истинѣ Евангельской, что наше предъ Богомъ оправданіе пріобрѣтается осужденіемъ себя предъ Нимъ, и что надобно исполнить сіе здѣсь же прежде страшнаго суда Божія, при самомъ дѣланіи добра.

Послѣ грѣха, другое не меньшее у насъ зло — то, что обыкновенно ищемъ мы оправдывать себя даже въ проступкахъ своихъ. Лишь только учиненъ первый въ мірѣ грѣхъ; что воспослѣдовало на первомъ судѣ Божіемъ надъ ними [1])? Адамъ слагаетъ вину грѣха на жену, какъ бы съ укореніемъ и Творца за то, что Онъ далъ ему такую жену; жена слагаетъ вину на змія, и — самооправданіе сіе кончилось всероднымъ, вѣчнымъ осужденіемъ. Кольми паче нынѣ мы, осужденное потомство грѣшника, во всякомъ случаѣ должны быть предъ Богомъ съ глубокимъ чув-

[1]) Быт. 3, 11 — 13.

ствованіемъ своей предъ Нимъ виновности. Не говоря о томъ, что само по себѣ ясно худо, будемъ разсматривать, Слушатели, и добрыя дѣла свои не по одной наружности ихъ и собственнымъ о себѣ мыслямъ; станемъ вникать въ самый источникъ ихъ, въ ту таинницу сердца, откуда исходятъ и помышленія, и слова, и дѣянія. Тамъ, безъ сомнѣнія, увидимъ глубокіе слѣды повержденія своего по природѣ. Учинено дѣло доброе? Есть самыя добродѣтели на видъ — тяжкіе по сущности грѣхи! Смотрѣть должно, съ какимъ намѣреніемъ производятся и добрыя дѣла наши? Съ совершеннымъ ли къ добру расположеніемъ, или съ другими, даже иногда нечистыми побужденіями, напр. изъ боязни, изъ корысти, изъ чести, изъ лицемѣрія, какъ находилъ все сіе Сердцевѣдецъ въ фарисеяхъ? Смотрѣть надобно и на то между прочимъ, не есть ли доброе наше дѣло естественнымъ свойствомъ сердца, или только слѣдствіемъ безсилія быть намъ въ такомъ родѣ худыми? Такой судъ съ одной стороны можетъ объять во всемъ его пространствѣ одинъ только Всевѣдущій; съ другой — трудно, невозможно человѣкамъ отдѣлить въ себѣ и въ самыхъ добродѣтеляхъ всякую примѣсь чувственнаго или земнаго. Почему съ Царствующимъ Пророкомъ надобно всѣмъ намъ просить Господа, дабы Онъ

отъ тайныхъ нашихъ и намъ самимъ неизвѣстныхъ нечистотъ *очистилъ! Не похвалится*, по слову Апостольскому, *всяка плоть предъ Богомъ*[1])! Вотъ основаніе наше, наше собственное, по Слову Божію, касательно оправданія нашего: *да будетъ весь міръ повиненъ Богови*[2])!

На сихъ развалинахъ растлѣннаго естества нашего благодать Божія зиждетъ изъ человѣка *нову тварь*[3]), производитъ таинственное освященіе того, что̀ есть въ человѣкѣ грѣховнаго, и даетъ намъ иныя неизъяснимыя силы къ добру. Но сіе-то самое и есть новымъ убѣжденіемъ для насъ къ признанію своего ничтожества. Теперь человѣкъ, разсматривая самого себя, находитъ, по указанію Апостольскому, что нѣтъ ничего въ немъ, чего бы *не пріялъ* онъ *свыше*[4]): *не доволенъ отъ себе и помыслити что, яко отъ себе*[5]). Что же представимъ мы собственнаго предъ очами Всевышняго, кромѣ своихъ немощей, худости, ничтожества?

Боже Праведный! при одномъ воспоминаніи о толикихъ дарахъ и силахъ Твоихъ, естеству нашему сообщенныхъ, наипаче же въ царствѣ благодати Твоея о Христѣ Іисусѣ непрерывно изливаемыхъ, невольнымъ образомъ ужасается

---

[1]) Кор. 1: 1, 29. [2]) Рим. 3, 19. [3]) Кор. 2: 5, 17. [4]) 1: 4, 7. [5]) 2: 3, 5.

сердце, сколь много оставлено нами внушеній Твоихъ, даровъ Твоихъ, силъ Твоихъ безъ всякаго вниманія, и даже съ укореніемъ Духа Твоего! Что-жъ, когда на вѣсахъ правосудія Твоего взвѣсятся, вмѣстѣ съ малымъ числомъ малыхъ добродѣтелей, и множества паденій нашихъ, всѣ тяжести оскорбленій Твоего величія? Минута воздыханій къ Тебѣ, и — дни, годы, жизни, проведенные для себя и міра! Сегодня едва воскриляюсь отъ земли душею, и завтра вновь падаю еще ниже прежняго!

Но и тотъ малый остатокъ добрыхъ дѣлъ, или лучше, только намѣреній, что̀ будетъ предъ Богомъ, Слушатели Благочестивые, какъ развѣ малый долгъ твари ко Творцу, Которому *всяческая работна*, — отнюдь не заслуги наши, — скудный, ни мало несоотвѣтственный плодъ благодатной Его попечительности. Ибо обо всемъ, что нами ни сдѣлано добраго, разсуждать намъ прилично не иначе, какъ напоминаетъ Господь нашъ: *Еда имать* господинъ *хвалу рабу тому, иже сотвори повелѣнная? Не мню*, говоритъ Онъ. *Тако и вы, егда сотворите вся повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы: яко еже должни бѣхомъ сотворити, сотворихомъ* [1]).

[1]) Лук. 17, 10.

Одно то, Слушатели, когда на подвигѣ добродѣтели нужны такія для насъ и подобныя убѣжденія къ смиренію, уже показываетъ недостатокъ въ насъ духа истиннаго и прямаго благочестія. Истинное благочестіе таково, что чѣмъ болѣе оно спѣетъ и умножается въ комъ либо, тѣмъ смиреннѣйшія раждаетъ въ человѣкѣ мысли. Авраамъ, отецъ вѣрующихъ, удостоенъ былъ единобесѣдованія съ Богомъ; но и онъ ничего не нашелъ приличнѣе сказать о себѣ въ то время, какъ, что онъ *земля и пепель. Пыпь начахъ глаголати ко Господу моему*, говорилъ Авраамъ; *азъ же есмь земля и пепель* [1]). Такимъ образомъ и высокія человѣческія достоинства души ничтожными дѣлаются при свѣтѣ Божества.

Предъ Нимъ и Архангельская свѣтлость исчезаетъ, и Серафимскій пламень не блистаетъ, и Херувимская чистота закрываетъ лице свое! А человѣческая правда? *Вся правда наша*, говоритъ одинъ Пророкъ, *есть яко портъ нечистыя* [2]). Въ самомъ дѣлѣ, духъ избранныхъ Божіихъ всегда былъ таковъ, что избранные Божіи старались одинъ предъ другимъ уничижать себя. Св. Павелъ Апостолъ едва ли не паче другихъ потрудился и на семъ поприщѣ — смиренія, самоуничиженія.

[1]) Быт. 18, 27. [2]) Ис. 64, 6.

Въ самой вещи, Слушатели, прежде нежели совершенно испразднится въ насъ душевный человѣкъ, нельзя безъ опасности наслаждаться ощущеніями въ себѣ и добродѣтелей. Тайный врагъ нашъ, при начинаніи оныхъ, препятствуетъ намъ дѣлать добро, а при успѣхѣ, кажется, усиливаетъ добро и превозноситъ, но съ новымъ коварствомъ, — съ тѣмъ, чтобъ низвергнуть насъ въ бездну высокомѣрія. И въ семъ-то состоитъ едва ли не труднѣйшая часть Евангельскаго терпѣнія и, такъ сказать, духовнаго воздержанія. Въ противномъ случаѣ всякое пріобрѣтеніе благочестія нждивается въ то же время самими нами безъ всякаго остатка для вѣчности, для Бога. *Аминь глаголю вамъ* [1]), — глаголалъ о фарисеяхъ Спаситель, — они *воспріемлютъ мзду свою.* Суетная мзда! — киченіе мыслей, минутное удовольствіе сердца, слабый и краткій блескъ славы въ глазахъ людскихъ! То ли плодъ священныя добродѣтели?

Съ крайнею убо осторожностію въ жизни своей должны мы, Слушатели Благочестивые, проходить подвигъ благочестія, памятуя всегда слово псаломское, или лучше, молясь имъ ко Господу: *аще беззаконія назриши, Господи, Господи, кто постоитъ* [2])*?* Однако же съ такимъ

[1]) Матѳ. 6, 16. [2]) Псал. 129.

сознаніемъ, съ симъ безпрерывнымъ покаяніемъ тѣмъ паче и паче усугубимъ, Слушатели, дѣланіе добрыхъ дѣлъ. Чувствованіе недостатковъ своихъ должно воспламенять въ насъ всегда новую ревность и усиліе, а неусыпный трудъ пусть займетъ каждаго изъ насъ такъ, чтобъ не было никому времени и подумать, сколько чего добраго у насъ сдѣлано, но было бы предъ глазами только то, что дѣлать еще безконечно многое предлежитъ впредь, — *забывая*, по примѣру Апостольскому, *задняя, въ предняя же простираяся* [1]).

Тѣмъ болѣе да возбуждаетъ насъ къ тому святое напоминаніе Апостольское, особенно настоящему дню воспоминанія будущаго страшнаго суда Христова приличное, и какъ бы особенно въ день сей сказываемое: *Коцымъ подобаетъ быти вамъ во святыхъ пребываніихъ и благочестіихъ, чающимъ и скорѣе быти желающимъ пришествія Божіяго дне* [2]). Пришествія Божіяго дне! Такъ. Небо и земля мимо идутъ, словеса же Господня безъ исполненія не останутся. И, конечно, съ продолженіемъ времени тѣмъ ближе настоитъ тотъ день и часъ, когда востребуется отъ насъ отчетъ во всей нашей жизни, во всѣхъ и тайныхъ помышленіяхъ, и даже возможныхъ движе-

[1]) Фил. 3, 13. [2]) Пет. 2: 3, 11. 12.

ніяхъ сердца. Произведемъ же прежде здѣсь сами надъ собою строгій судъ, дабы не быть осужденными тамъ на вѣки. Еще продолжается утѣшительное благовѣстіе, что Сынъ Божій спасаетъ міръ, а не судитъ мирови. Воспользуемся симъ временемъ спасенія! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ МЯСОПУСТНУЮ.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1846 года.

Егда же пріидетъ Сынъ человѣческій въ славѣ Своей, и вси святіи Ангели съ Нимъ: тогда сядетъ на престолѣ славы Своея, и соберутся предъ Нимъ вси языцы. Мато. 25, 31. 32.

Радость праведникамъ! А у грѣшника цѣпенѣетъ умъ, сжимается сердце, едва разверзаются уста, когда надобно говорить о семъ, какъ надобно сегодня, по воспоминанію Св. Церковію будущаго страшнаго суда! Св. Церковь возвѣщаетъ сегодня изъ Евангелія, какъ Самъ Господь, предсказывая о судѣ Своемъ, раскрылъ нѣкогда одинъ только край поразительнаго того позорища, и, для примѣра, выставивъ только самыя малыя дѣла человѣческія въ жизни, едва считающіяся обязанностями, каково то: насытили-ль мы алчущаго или жаждущаго, посѣтили-ль больнаго и въ темницѣ находящагося, приняли ли въ домъ свой страннаго, — по однимъ симъ дѣламъ произнесъ неимѣвшимъ ихъ осужденіе на огнь вѣчный. Что же будетъ, если потребуется тамъ отчетъ (а какъ не потребоваться?) въ

дѣлахъ нашего званія, въ неисполненіи наро-читыхъ нашихъ обязанностей, въ употребленіи всѣхъ даровъ счастія, въ принятіи всѣхъ средствъ благодати, съ чѣмъ само собою сопряжены уча-сти не того или иного человѣка изъ случайныхъ бѣдныхъ, но у многихъ сопряжены участи цѣ-лыхъ обществъ человѣческихъ, цѣлыхъ областей, званій, родовъ дѣлъ? Что будетъ съ нами, когда должны явиться тамъ, на судѣ, и безпрерывное неправосудіе наше, и сладострастіе, и мздоим-ство, и обиды, и злоба, и гордость, и зависть, словомъ—все до слова празднаго, до *тайныхъ по-мышленій*, какъ говоритъ Апостолъ, *и мыслей сердечныхъ?* Не станемъ говорить о славѣ суда; она изображена рѣзкими чертами въ пѣснопѣ-ніяхъ Церкви на день сей; довольно упомянуть теперь кратко по Евангелію, что судить будетъ Царь славы, въ присутствіи всѣхъ Своихъ не-бесныхъ Силъ. Размыслимъ нынѣ о томъ одномъ, что касается насъ собственно. Тамъ будетъ для насъ судъ внезапный, будетъ судъ всемірный, будетъ судъ справедливый, будетъ судъ рѣши-тельный на всю вѣчность.

Страшный судъ Божій будетъ судъ внезап-ный. У Бога, конечно, и время его предопре-дѣлено отъ самой вѣчности: судъ внезапенъ бу-детъ для насъ, по неизвѣстности дня его, сколь

впрочемъ ни извѣстно то, что онъ будетъ. Истина неизвѣстности времени суда столько нужна и столь много сообщена была самими Апостолами первенствующимъ Христіанамъ, что Св. Павелъ писалъ къ Солунянамъ *о лѣтѣхъ и временѣхъ, братіе, нетребъ есть вамъ писати: сами бо вы извѣстно вѣсте, яко день Господень, якоже тать въ нощи, тако прійдетъ* [1]). Такимъ же точно выраженіемъ сказалъ о немъ и Св. Первоверховный Апостолъ Петръ. Выраженіе *яко тать въ нощи* [2]) было тогда, какъ писаны священныя книги наши, народное, приточное, и употреблено въ Писаніи, какъ извѣстное всѣмъ и простымъ людямъ выраженіе совершенной внезапности. Самъ Господь Іисусъ многжицею изъяснялся о будущемъ пришествіи Своемъ, особенно также со стороны неизвѣстности времени его. *О дни же томъ и часѣ*, говорилъ Господь, *никтоже вѣсть, ни Ангели небеснїи, токмо Отецъ Мой единъ* [3]); и иногда прибавлялъ: *ни Сынъ* [4]), т. е. ни Самъ Онъ. Слово, по разуму святыхъ толкователей, не то значитъ, чтобы для сего одного предмета какъ либо ограничивалось всевѣдѣніе Сына Божія по Его Божеству, но — что, по воспріятому Имъ въ

[1]) Сол. 1 : 5, 1. 2. [2]) Пет. 2· 3, 10. [3]) Матѳ. 24, 36. [4]) Марк. 13, 32.

Лице Сыновнее человѣчеству, не дано Сыну Божію заповѣди отъ Отца объявить намъ объ ономъ. Господь сказалъ вообще о Своихъ откровеніяхъ: *Пославый Мя Отецъ, Той Мнѣ заповѣдь дадѣ, что реку и что возглаголю* [1]). Такъ впрочемъ устроено, что время страшнаго суда должно остаться неизвѣстнымъ, не потому, безъ сомнѣнія, чтобы въ неготовности застигъ насъ судъ сей, къ большему нашему осужденію. Вѣрно, или не нужно намъ ко спасенію, или не возможно знать, или и то даже, — надобно не знать о томъ. И то, и другое, и третіе вмѣстѣ, какъ изъясняетъ Слово Божіе. Не нужно знать, или лучше нужно не знать: всѣ мы и во всякое время должны быть въ духовномъ бдѣніи, исполнять добрыя дѣла, что̀ и есть самое лучшее къ суду Божію приготовленіе. Если бы мы знали о времени онаго; то и истинные подвижники благочестія могли бы ослабѣвать иногда въ подвигахъ, по надеждѣ на извѣстность времени для нихъ: самое заботливое къ тому приготовленіе въ иномъ чувствѣ, въ чувствѣ страха и принужденности, дѣлало бы всякую добродѣтель нашу рабскою. Доказывали опыты, что когда лжепророками распространялись иногда между вѣрующими противныя Слову Божію предсказанія о

[1]) Іоан. 12, 49.

времени кончины міра, и — легковѣрные принимали ихъ за истину: люди приходили только въ ужасъ и оцѣпенѣніе, въ отчаяніе безъ всякаго исправленія себя въ душѣ, по свободѣ и разуму. Что же посему сказуетъ намъ Божественное Провидѣніе, когда сокрыло отъ насъ время вѣчнаго суда Своего? *Бдите убо*, говоритъ Іисусъ Христосъ, *яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* [1]). Въ самой сей неизвѣстности предназначено еще особливое поприще благоразумія и трудолюбія. Рабу тѣмъ болѣе чести, воздаянія, что въ какую бы пору ни пришелъ господинъ его, нашелъ бы его всегда въ должныхъ занятіяхъ и въ добромъ поведеніи. Мудрыя дѣвы, продолжаетъ Іисусъ Христосъ, имѣя навсегда въ готовности елей въ сосудахъ со свѣтильниками своими, т. е. свѣтъ вѣры и добрыя дѣла, въ самую полночь готовы будутъ изыти въ срѣтеніе жениха.

И какъ же впрочемъ было бы сообщить намъ свыше опредѣленное свѣдѣніе о времени суда Божія? Для сего нужно было бы сообщить намъ самое всевѣдѣніе Божіе, безпредѣльную любовь и столь же неограниченную правду Божію. Св. Апостолъ Петръ, предвидя въ послѣдніе дни міра ругателей, которые будутъ говорить: *гдѣ*

[1]) Мат. 24, 42.

есть обѣтованіе пришествія Его (Іисуса Христа)? *Отнелѣже бо отцы успоша, вся тако пребываютъ отъ начала созданія* [1]), — Апостолъ Петръ ясно разрѣшаетъ намъ тайну, почему не должно быть извѣстно ни для кого изъ насъ второе пришествіе Христово. *Едино же сіе да не утаится васъ, возлюбленніи,* — слово къ вѣрующимъ, — *яко единъ день предъ Господемъ яко тысяща лѣтъ, и тысяща лѣтъ яко день единъ. Не коснитъ Господь обѣтованія, якоже нѣцыи косненіе мнятъ: но долготерпитъ на насъ, не хотя, да кто погибнетъ, но да вси въ покаяніе пріидутъ* [2]). Въ послѣднихъ словахъ Апостолъ ясно сказуетъ такимъ образомъ, что назначеніе времени конечнаго суда Божія сопряжено непремѣнно съ усмотрѣніемъ спасенія человѣческаго. Судъ настанетъ тогда, какъ всѣ имѣющіе спастися спасутся, всѣ до единаго; а у другихъ не останется уже и никакой надежды ко спасенію. Сего требуетъ любовь и правда Божія. Какъ же знать такое состояніе рода человѣческаго безъ всевѣдѣнія Божественнаго? Что же касается могущества Божія; то измѣреній времени для него нѣтъ никакихъ. Богъ можетъ, изъясняется Апостолъ, сдѣлать то въ одинъ день, что̀ не сдѣлалось въ тысячу, и наоборотъ, дѣ-

[1]) Пет. 2: 3, 4. [2]) 2: 3, 8. 9.

лается въ продолженіе тысячи лѣтъ то, что могло бы сдѣлаться въ одинъ день, въ одинъ изъ дней, въ одно мгновеніе. Въ такомъ точно видѣ были малые опыты частныхъ судовъ Божіихъ надъ міромъ, еще во времени, — опыты, которые, какъ говоритъ другой Апостолъ, *предлежатъ въ показаніе огня вѣчнаго суда подъемше* [1]. *Якоже бысть во дни Ноевы*, говоритъ Самъ Господь Іисусъ, *тако будетъ и во дни Сына человѣческаго: ядяху, піяху, женяхуся, посягаху, до негоже дне вниде Ное въ ковчегъ; и прiиде потопъ, и погуби вся* [2]. Провидѣніе видѣло тогда одного только праведнаго Ноя, съ семействомъ, достойнаго спасенія: для всѣхъ прочихъ людей, современниковъ его, ни къ чему уже не послужили предъизвѣщенія Праведника Божія о предстоявшей казни [3]. *Такожде и якоже бысть во дни Лотовы*, продолжаетъ Господь, *ядяху, піяху, куповаху, продаяху, саждаху, здаху: въ оньже день изыде Лотъ отъ Содомлянъ, одожди камыкъ горящъ и огнь съ небесе, и погуби вся.* Господь видѣлъ здѣсь одного только праведнаго Лота съ домочадствомъ, принадлежавшимъ къ числу спасаемыхъ, и, если говорится въ Писаніи, что Самъ Господь приходилъ въ Содомъ видѣти, аще по воплю, доходя-

[1]) Іуд. 7. [2]) Лук. 17, 26 — 29. [3]) Быт. 6, 3. 5. 9. 13.

щему до небесъ, совершаются въ немъ дѣла жительми несчастнаго города, то такъ говорилъ Господь и приходилъ воззрѣть — для того только, дабы показать намъ самые опыты, какъ поистинѣ дошло уже тамъ развращеніе до самой нисшей степени [1]). *Потому же будетъ*, заключаетъ слово Господь, *и въ день, въ оньже Сынъ человѣческій явится* [2]), т. е. внезапно застигнетъ судъ Божій людей, которые ни мало о томъ не помышляли и помышлять не будутъ, а имѣющіе остаться праведники спасены будутъ.

И такъ внезапность будущаго суда Христова, Братія мои, не просто будетъ внезапность для насъ, но вмѣстѣ и кончина вѣка, разрушеніе всего видимаго міра, въ которомъ живемъ мы нынѣ. Со стороны Судіи нашего она — отнюдь не намѣреніе, повторяю, не намѣреніе застичь насъ въ неготовности къ суду, или — что то же, — во грѣхахъ нашихъ, но — усмотрѣніе Всевѣдущаго, что уже никто въ цѣломъ мірѣ, кромѣ имѣющихъ спастися тогда, спасаться болѣе не можетъ, по своей свободной волѣ, ни при какомъ Божіемъ попеченіи, и что за симъ остается уже поступить съ цѣлымъ міромъ нашимъ такъ же, какъ нѣкогда поступлено съ Содомомъ и Гоморромъ, или съ людьми допотопными, т. е. истре-

[1]) Быт. 18, 20. 21. 19, 4. 5 — 10. [2]) Лук. 17, 30.

бить самое мѣсто ихъ пребыванія. *Въ тотъ день*, — провозвѣщаетъ Первоверховный Апостолъ Петръ, — въ тотъ день *небеса убо съ шумомъ мимо идутъ, стихіи же сжигаемы разорятся, земля же и яже на ней дѣла сгорятъ* [1]. И что же въ такое время должны чувствовать, дѣлать всѣ мы смертные человѣки? *Сими убо всѣми разоряемыми*, когда т. е. дѣла на землѣ, стихіи, небо и земля станутъ разрушаться, — продолжаетъ Св. Апостолъ слово ко Христіанамъ,—*коцѣми подобаетъ быти вами во святыхъ пребываніихъ и благочестіихъ* [2]? Чѣмъ менѣе нынѣ здѣсь помышляемъ мы о томъ; чѣмъ менѣе внемлемъ столь благимъ и благовременнымъ внушеніямъ Слова Божія: тѣмъ болѣе все то будетъ поразительно, ужасно. Что будемъ чувствовать въ то время, какъ внезапно откроется столь страшное позорище,—разрушеніе всего міра, и намъ первѣе всего представиться должно тогда дѣйственное откровеніе Самого Бога, что безпредѣльное долготерпѣніе Его уже кончилось, и каждый изъ насъ принадлежитъ или къ числу спасаемыхъ, или къ числу тѣхъ, которые не хотѣли, а теперь и не могутъ наконецъ пріити въ покаяніе?

Судъ будетъ всемірный. Грозные опыты судовъ Божіихъ на землѣ, временные, бывшіе до-

[1]) Пет. 2: 3, 10. [2]) 2: 3, 11.

селѣ, были опыты частные. Напр. истребляемы были огнемъ небеснымъ Содомляне: а невдалекѣ, въ горѣ Сигоръ было еще спасеніе; на всемъ прочемъ пространствѣ земли, кромѣ того, которое казнилось, оставались люди въ спокойствіи. Но на страшный судъ предстанутъ всѣ народы, всѣ племена земныя: истребляться будетъ міръ, нынѣшняя земля и небо. Предстанутъ на сей судъ не живые только, но и мертвые, мертвые,— всѣ минувшіе роды съ начала міра до скончанія его. Мѣста покоиться имъ въ нѣдрахъ земли не будетъ. Судія есть Господь живыхъ и мертвыхъ, Богъ всѣхъ народовъ, Царь царствующихъ. Труба Ангела Его призоветъ всѣхъ съ предѣловъ земли до предѣловъ ея; гласъ ея сотрясетъ и возбудитъ всѣхъ нынѣ покоящихся подъ землею. Недостаетъ нынѣ пространства въ воображеніи нашемъ для такого позорища: но тогда позорище сіе будетъ всѣмъ намъ видимо, удобообъятно во всѣхъ его частяхъ и подробностяхъ. Измѣнятся чувства и душевныя способности наши для существованія безъ такъ называемыхъ условій пространства и времени, кои самъ разумъ нынѣ считаетъ предѣлами, въ которыхъ вращаются наши познанія. Всѣ увидимъ другъ друга тогда, увидимъ всѣхъ и каждаго. Станутъ рядомъ съ нами тѣ, которыхъ мы знаемъ нынѣ

только въ Исторіи, или и совсѣмъ никакъ не знаемъ; станутъ съ нами рядомъ тѣ, которые достойны были и земнаго безсмертія, но которыхъ мы осудили-было на вѣчное забвеніе или даже на вѣчный позоръ; станутъ съ нами рядомъ тѣ, которыхъ память иногда превозносили мы здѣсь, которымъ слѣдовали, но которые были того недостойны; станутъ съ нами рядомъ наши ближніе, съ которыми мы жили и имѣли многоразличныя сношенія: нѣкоторыхъ изъ нихъ мы прямо обижали здѣсь, другихъ обманывали, иныхъ втайнѣ презирали, иныхъ свели въ могилу, иныхъ преслѣдовали даже въ ихъ потомкахъ или не щадили и въ ихъ предкахъ. «Рабъ и владыка, Царь и воинъ, богатый и убогій станутъ другъ подлѣ друга въ равномъ достоинствѣ,» какъ напоминаетъ Св. Церковь. Словомъ — всѣ тамъ станемъ вмѣстѣ безъ различій уже или преимуществъ званій, состояній, вѣроисповѣданій, племенъ, вѣковъ; станемъ со своими каждый дѣлами, со всѣми дѣлами и по званію, и по дарованіямъ, — со способностію, повторяю, видѣть каждаго и всѣхъ, всѣхъ и каждаго, равно какъ и самимъ быть видимымъ отъ всѣхъ и каждаго, отъ каждаго и отъ всѣхъ. Обыкновенныхъ нынѣ и необходимыхъ условій для познанія и мышленія,—условій, о которыхъ

говорятъ и мудрецы міра, т. е. пространства и времени, — будетъ тамъ уже не нужно: ихъ не будетъ. Тамъ—безпредѣльная вѣчность, тамъ—*небо и земля новыя*, говоритъ Апостолъ. И на семъ-то столько и такъ всемірномъ позорищѣ должны мы будемъ принять судъ Божій по дѣламъ, или состоянію каждаго! Всякій судъ и на землѣ, судъ человѣческій, наводитъ страхъ на подсудимаго: но суды человѣческіе производятся втайнѣ; они происходятъ только надъ нѣкоторыми, весьма немногими, между тѣмъ вся громада народа на свободѣ, и занимается своими текущими дѣлами, не обращая вниманія на другихъ; дѣла сіи не болѣе впрочемъ и значатъ здѣсь, какъ ничтожныя нечистоты въ морѣ или въ воздухѣ. Тамъ не такъ. Судъ будетъ для всѣхъ, для всѣхъ безъ изъятія вдругъ и, повторяю еще, съ извѣстностію для всѣхъ и каждаго!

Судъ будетъ справедливый. Ибо Судія всевѣдущъ, всеправосуденъ. Подсудимые сами всѣ будутъ въ состояніи видѣть правду суда Божія на самомъ дѣлѣ, — каждый у себя, другъ у друга, у всѣхъ сопредстоящихъ суду. *Разгнутся книги*, говоритъ Писаніе, иначе сказать — раскроются самыя совѣсти человѣческія, обнаружатся всѣ згибы тайныхъ помышленій: и всѣ

будемъ въ состояніи, повторяю, видѣть ихъ у самихъ себя, другъ у друга и у всѣхъ.

Неизъяснимое счастіе, когда откроются предъ всею вселенною, какой еще не бывало никогда видимо въ одно время очами смертнаго,—блаженство неизъяснимое, когда раскроются предъ лицемъ земли и неба добрыя наши, сокровенныя, даже еще неисполненныя и, можетъ быть, необразовавшіяся въ головѣ мысли и намѣренія, не только добрыя дѣла, кои въ настоящей жизни могли быть воспрепятствованы, извращены, перетолкованы въ противную сторону! Но что̀ должно будетъ чувствовать намъ грѣшнымъ, когда развернутся предъ лицемъ вселенной, предъ лицемъ земли и неба, всѣ наши порочныя дѣянія, здѣсь прикрывавшіяся дальностію отъ глазъ людскихъ, званіемъ, чинами, лукавствомъ, умомъ, различными покровами? И не дѣянія только обнаружатся тогда, но и желанія, мысли и намѣренія, помыслы, нынѣ совершенно тайные,—никому, кромѣ той души, гдѣ они раждаются, неизвѣстные,—часто такіе худые, что и никакъ нельзя было не скрывать ихъ здѣсь, при всемъ иногда безсовѣстіи нѣкоторыхъ. Обнаружится все, все сдѣлается безъ всякихъ покрововъ, все явится въ той самой силѣ и степени худости, какъ что есть или было по самому существу своему. Съ

тѣмъ вмѣстѣ откроются и всѣ наши способности, всѣ силы, при которыхъ мы могли бы дѣлать то или иное доброе, но поступали превратно, дѣлая злое. Въ судахъ земныхъ для преступниковъ есть еще свои надежды къ оправданію: предстоящіе суду человѣческому прикрываются обстоятельствами, которыхъ изслѣдовать нельзя, ссылаются на свидѣтелей, которые могутъ затмить истину, успокоиваются въ недальновидности судей, слагаютъ вину на недостатокъ своихъ силъ, полагаются на самое время, которое можетъ прекратить позоръ послѣдствій суда. Въ иныхъ судахъ на землѣ много помогаетъ виновнымъ или знаменитость рода, или высокость званія, или слава, связи, покровительство, богатство, умъ, возрастъ, пристрастіе самыхъ судей. Тамъ ничто не поможетъ; тамъ ни на что не посмотрятъ; тамъ ничто ето не нужно; тамъ ничего етого не будетъ. Всевѣдущій взоръ Судіи, какъ молнія, осіяетъ наши совѣсти, и онѣ, всякая сама собою, чувствовать будутъ свое состояніе, свою участь, свое назначеніе, приговоръ себѣ по всей Божественной правдѣ. Что сказали бы мы, что почувствовали бы, если бы столько раскрылись наши душевные, внутренніе виды, хотя на минуту, хотя между нами одними, между предстоящими теперь во святомъ храмѣ семъ,—теперь,

какъ мы стоимъ на мѣстѣ святомъ, какъ нарочито занимались святыми дѣлами службы Божіей? Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторымъ изъ насъ пришлось бы горѣть со стыда, и всѣмъ придти въ самое тяжкое замѣшательство!

Судъ Божій будетъ рѣшительный на всю вѣчность. Рѣшительный, Братія, — или на всю вѣчность блаженную, или на всю вѣчность злополучную, на мученія адовы. Рѣшеніе — праведное, рѣшеніе Судіи, Который видитъ все наше прошедшее, и видитъ все наше будущее, видитъ наши силы, всѣ средства къ дѣланію добра, видитъ такъ, какъ надобно Творцу, чтобы создать какое либо твореніе Свое вновь или иначе. Мы грѣшили здѣсь, — о грѣшникахъ напаче слово предъ покаяніемъ, — мы грѣшили здѣсь противъ Существа безконечнаго и вѣчнаго, оскорбляли здѣсь Бога всесвятаго и всеправеднаго, презирали здѣсь самую Любовь во всей ея полнотѣ и безпредѣльности, отвергали всѣ неистощимыя средства къ нашему спасенію, всю тайну смотрѣнія о насъ Божія въ искупленіи насъ кровію Единороднаго Сына Божія сочли за ничто! Какъ же не рѣшительно или не вѣчно быть тамъ наказанію за такіе грѣхи? И человѣческій судъ судитъ также, — что чѣмъ выше лице, противъ котораго учиненъ грѣхъ, и чѣмъ болѣе было

убѣжденій или средствъ къ недѣланію такого грѣха, тѣмъ большей казни подвергается виновный. Придите же теперь, Братія мои, приближьтесь мыслями своими, хотя сколько нибудь, на черту той безпредѣльности вѣка, которая откроется тогда самою вещію взорамъ нашимъ. Здѣсь, что ни случилось бы съ нами и самаго бѣдственнаго, — болѣзнь, страданіе, посрамленіе, изгнаніе, плѣнъ, мученіе; во всемъ еще видѣнъ предѣлъ, переходъ обстоятельствъ, часто на самыя счастливыя, по крайней мѣрѣ непремѣнно окончаніе всего рано или поздно — смерть. Тамъ не будетъ уже никакихъ предѣловъ. Мучься десять лѣтъ, мучься сто, тысячу, милліоны лѣтъ: все еще начало только мученія, средины и конца не будетъ! Ужасное состояніе, даже при нынѣшнемъ нашемъ весьма ограниченномъ сознаніи! Какъ оно покажется при тогдашнемъ, не столько ограниченномъ сочувствіи!

Не дай намъ, Боже, довести себя до столь ужаснаго и непремѣняемаго состоянія! А сего-то именно и не хощетъ Богъ, чтобы мы, Братія, довели себя до такого состоянія! *Живу Азъ*, — говоритъ Онъ, какъ бы съ клятвою, — живу Азъ, *не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися, и живу быти ему*. Но мы сами будемъ причиною своей вѣчной погибели, когда одни, даже по не-

вѣрію Слову Божію, другіе, по ожесточенію сердца во грѣхахъ, по нераскаянности, по легкомыслію, по дурнымъ привычкамъ и страстямъ, совсѣмъ уже и не мыслятъ о своемъ исправленіи, а ведутъ себя такъ только, какъ и куда влекутъ ихъ грѣховныя склонности поврежденной природы. Очувствуемся, Братія мои, покаемся! Милосердіе Божіе еще продолжается для насъ, текутъ еще времена благодати, чредуются вновь и вновь дни спасенія. И сегодня по Св. Евангелію Церковь предвозвѣщаетъ намъ слово Господа нашего Іисуса Христа о страшномъ судѣ будущемъ не съ тѣмъ, чтобы Господь или она желали подвергнуть насъ оному, но чтобы благовременно напомнить намъ о будущемъ и вразумить въ томъ самыхъ невнимательныхъ и безчувственныхъ изъ насъ къ дѣламъ Божіимъ и къ своему душевному спасенію. Се нынѣ время еще благопріятное къ покаянію! се нынѣ еще день спасенія, — грядетъ спасительный постъ, проповѣдникъ покаянія и очищенія отъ грѣховъ! Воспользуемся милостію Господнею, восплачемся предъ Богомъ здѣсь лучше во времени, чѣмъ плакать безутѣшно и мучиться въ вѣчности! Предстанемъ здѣсь тайному еще и таинственному суду, покаянію предъ Нимъ при единомъ только свидѣтелѣ суда, или паче при молитвенникѣ и наставникѣ. Не слова, впро-

чемъ, только принесемъ предъ Бога въ покаяніи своемъ, но самыя чувства, сокрушеніе сердца, обѣтъ исправленія жизни. Блудный да престанетъ отъ распутства и расторгнетъ, при помощи Божіей, навсегда пагубныя связи; мытарь корыстолюбивый да біетъ въ перси своя, и фарисей гордый да смирится духомъ предъ Господемъ; немилосердый къ меньшимъ братіямъ своимъ да смягчится сердцемъ и да помогаетъ имъ. Мы упоминаемъ теперь о такихъ людяхъ, о которыхъ приточно для всѣхъ упоминаетъ Св. Евангеліе, и изъ Евангелія — Св. Церковь, въ настоящіе приготовительные къ посту дни! Многіе изъ насъ имѣютъ еще иныя и иныя безчисленныя страсти, кромѣ плотоугодія, корыстолюбія, гордости и жестокосердія: отъ всѣхъ да очистимся всѣ покаяніемъ, и да творимъ потомъ плоды, достойныя покаянія истиннаго; да препровождаемъ жизнь по-Христіански, цѣломудренно, праведно и благочестно. А когда такъ будемъ мы располагать себя въ жизни, то и будущій страшный судъ Христовъ будетъ намъ въ истинное, полное и вѣчное утѣшеніе. *Пріидите*,—скажетъ намъ тогда Царь неба и земли,—пріидите *благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* [1]). Тамъ уже,

[1]) Матѳ. 25, 34.

тамъ только истинное благополучіе; здѣсь еще—подвиги, Братія, подвиги! Постъ и покаяніе—подвигъ; но за ними — свѣтлый день Пасхи, образъ жизни и радостей будущаго вѣка! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1846 года.

Нощь убо прейде, а день приближися; отложимъ убо дѣла темнаа и облечемся во оружіе свѣта. Рим. 13, 11. 12.

Слова изъ читаннаго сегодня Апостольскаго посланія.

Св. Апостолъ Павелъ пишетъ такимъ образомъ къ Римлянамъ: *нощію* называя время жизни ихъ въ невѣріи, а *днемъ*— состояніе въ Христіанствѣ, въ которое вступили они, бывшіе недавно Іудеи и язычники. Св. Церковь, распредѣляя свои чтенія изъ Слова Божія, по соображенію со днями, назначила чтеніе сихъ Апостольскихъ словъ въ настоящій недѣльный день въ самомъ преддверіи Великаго поста съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, дабы напомнить намъ, Братія мои, что время бывшихъ предъ симъ веселостей мірскихъ было временемъ похожимъ на нощь, а приближившійся постъ святый есть время дня и свѣта, время истиннаго дѣланія, исполненія дѣлъ благочестія. *Довлѣетъ вамъ*, — пишетъ другой Первоверховный Апостолъ ко Христіанамъ, также ново-

обратившимся изъ идолопоклонства, — довлѣетъ вамъ *минувшее время житія, волю языческую творившимъ, ходившимъ въ нечистотахъ, въ похотяхъ, въ піянствѣ, въ козлогласованіяхъ* [1]). Въ самомъ дѣлѣ, индѣ, не у васъ, бывающія на прошедшихъ дняхъ между Христіанами особенныя веселости, по мнѣнію нравонаблюдателей, суть остатки еще языческихъ обычаевъ, въ которыхъ живали древніе наши предки по плоти. Обычаемъ симъ доселѣ платятся какъ бы оброки какіе нѣсколько дней въ году, подобно какъ *оброцы грѣха смерть*, по слову Апостольскому [2]). Но теперь, говоримъ, время ихъ уже прошло и у Христіанъ: приближились другіе, святые дни Христіанскаго житія. Стоя нынѣ на предѣлѣ того и другаго времени, размыслимъ мы, Слушатели, по разуму словъ Св. Апостола, взятыхъ сегодня за основаніе бесѣдѣ, что въ самой вещи, когда бы то ни было, жизнь несообразная съ Евангеліемъ, жизнь грѣховная, подобна времени ночному, — состоянію мрака и опасностей. Сегодня, для краткости, слово только о нощи.

Во тьмѣ ночи всѣ видимые днемъ предметы скрываются отъ очей нашихъ, и ничего видѣть намъ нельзя, кромѣ того только, что слабо, изблизи освѣщается искуственными свѣтильника-

[1]) Пет. 1: 4, 3. [2]) Рим. 6, 23.

ми нашими: такъ и для ума нашего въ собственномъ его мракѣ, въ какомъ онъ бываетъ при грѣховной жизни, исчезаютъ изъ вида прекрасныя произведенія Божіи и явленія не только царства благодати, царства Божія, небеснаго, но — и видимой природы. *Невидимая бо Божія*, сказуетъ Св. Апостолъ, *отъ созданія міра творенми помышляема видима суть, и присносущная сила Его и Божество* [1]). Но мудрецы міра языческаго, продолжаетъ Св. Павелъ, *осуетишася помышленіями своими, и омрачися неразумное ихъ сердце; глаголющеся быти мудри, обьюродѣша.* Отсюда-то, еще далѣе говоритъ онъ, произошли всѣ роды языческаго нечестія, идолопоклонство до обожанія даже гадовъ, распутство до самыхъ омерзительныхъ его видовъ, разліяніе всякія неправды, злобы, зависти, рвеній, злонравія, гордости, непокорливости, пренебреженія всего святаго. Мудрецы сіи изобрѣтательны,—упоминаютъ между прочимъ слова Апостольскія,—но изобрѣтательны только на все злое. По такому изображенію языческаго міра судить можно и объ насъ Христіанахъ, когда застигаетъ нѣкоторыхъ и изъ насъ мрачная ночь нравственная, — страсти порочныя, даже иногда невѣріе, вольнодумство, растлѣніе нравовъ, продерзатель-

[1]) Рим. 1, 20. 21. 22.

ство, рѣшимость на всѣ похоти сердца и уклоненіе отъ всего священнаго. Со стороны нельзя не изумляться всему тому, нельзя не ужасаться; но преданный страстямъ ничего худаго не видитъ за собою и не чувствуетъ. «Вънощи житіе мое преидохъ присно,—говоритъ въ Великомъ покаянномъ Канонѣ очнувшійся наконецъ грѣшникъ,—тма бо бысть и глубока мнѣ мгла нощь грѣха!»

Изъ описанія грѣховнаго состоянія людей у Апостола примѣтить надобно въ особенности, Братія мои, что сколько люди въ томъ состояніи бываютъ омрачены и безчувственны для всего добраго, столько же напротивъ дѣятельны для всего порочнаго. Ночью, съ прекращеніемъ дѣйствія свѣта на наше зрѣніе, которымъ всего болѣе сообщаемся мы съ видимымъ міромъ, при нѣкоторомъ сокращеніи дѣятельности и иныхъ, кромѣ зрѣнія, тѣлесныхъ чувствъ, мы собираемся, такъ сказать, въ самихъ себя и въ тѣсный кругъ самой частной своей жизни. Ощутительно, какъ и говоритъ врачебная наука, ощутительно возвышается тогда въ каждомъ человѣкѣ жаръ крови. Природа предназначила порядокъ сей для того, чтобы приготовлять насъ къ благотворному отдохновенію во снѣ съ совершеннымъ ослабленіемъ наконецъ всей дѣятельности чувствъ и усиленіемъ въ то же время внутренняго своего

попеченія о храненіи жизни нашей въ состояніи подобія хладной смерти, какъ называютъ сонъ. Но человѣкъ, преданный страстямъ, вмѣсто того, чтобы спокойно пасть на ночь въ такое лоно матери природы, благодѣтельныя распоряженія ея къ ночи обращаетъ напротивъ въ содѣйствіе своимъ порочнымъ склонностямъ. Извѣстно, ночныя гулянки, ночныя попойки, ночныя игры, и иныя, по выраженію Писанія, *дѣла темныя* бываютъ самыя усиленныя, иногда отважныя, даже отчаянныя. *Упивающіеся, въ нощи упиваются,* замѣчаетъ Св. Апостолъ [1]). Когда же, подлинно, дѣйствуютъ прямо порочные люди, тати, разбойники, гробокопатели, какъ не по ночамъ? Свѣтъ дневный не столько мѣшаетъ, сколько стыдитъ ихъ дѣлать зло. Самыя насѣкомыя нечистыя, тайно водворяющіяся въ домахъ нашихъ,— и они изъ подполій, щелей, угловъ своихъ выползаютъ, для причиненія намъ непріятностей и иногда пакостей, въ темнотѣ ночной. Въ сіе же время и въ великомъ домѣ нашемъ, въ видимой природѣ, выходятъ на добычу изъ логовищъ своихъ звѣри плотоядные. *Бысть нощь,*— пишетъ священный Пѣвецъ Израильскій,— бысть нощь, *въ ней же пройдутъ вси звѣріе дубравніи: скимни рыкающіи восхитити и взыскати отъ Бога пищу*

[1]) Солун. 1: 5, 7.

себѣ. Возсія солнце, продолжаетъ Псалмопѣвецъ, *и собрашася, и въ ложахъ своихъ лягутъ* [1])!

При расположеніяхъ души страстныхъ что будетъ и самый сонъ, который волею-неволею одолѣваетъ насъ въ ночи? что какъ не образъ, опять, грѣховной жизни? Между тѣмъ какъ праведники Божіи, по выраженію Св. Церкви, «и соннымъ безмолвіемъ просвѣщаются зрѣніемъ судебъ Божіихъ», что́ во снѣ представляется душѣ, преданной грѣхамъ? —Или пріятныя на видъ мечтанія, или тяжкія страхованія: первыя—лживообольстительны; другія — болѣе, чѣмъ во время бдѣнія, страшны. Во снѣ представляетъ себѣ иногда міролюбивое воображеніе горы золота, царства почестей, цвѣтники прелестей: но лишь разбуждается человѣкъ,—грезы мгновенно исчезаютъ, а остается въ душѣ глубокая пустота и крушеніе духа. Мечтается ли что либо во снѣ страстное; все представляется гораздо ужаснѣе самой дѣйствительности предметовъ кажущихся. Малѣйшій шорохъ, коль скоро онъ ощущается во снѣ, обрушается на голову бѣдою; самая непримѣтная въ другое время несвободность дыханія, или минутный приливъ крови чувствуется почти удушеніемъ: событіе, которое на дѣлѣ могло-бъ быть въ минуту, тянется въ сновидѣніяхъ нѣсколь-

[1]) Псал. 103, 20. 21. 22.

ко часовъ. Подобнымъ образомъ жизнь грѣховная наяву представляетъ намъ предметы или въ прелестныхъ, или въ самыхъ ужасающихъ видахъ. Люди думаютъ тогда, что они богаты, славны, кругомъ въ наслажденіяхъ, съ вѣчными надеждами на свое благополучіе: между тѣмъ безсмертный духъ человѣческій томится всѣми недостатками въ сродныхъ ему утѣшеніяхъ, и нерѣдко, — при смерти же и непремѣнно, — чувственныя удовольствія становятся истинно *сонмли востающаго;* всѣ вдругъ исчезаютъ изъ сердца, оставляя по себѣ только скуку и мученія совѣсти, предощущеніе вѣчныхъ мученій по смерти. Случись, при такомъ состояніи, какое либо, хотя самое малое прискорбіе; грѣшникъ, не имѣя въ душѣ своей никакихъ запасныхъ силъ, ни утѣшеній, тотчасъ упадаетъ духомъ подъ всякою непріятностію: болѣзнь, лишеніе имущества, какое либо униженіе кажутся для него невыносимыми. Отсюда—ропотъ, уныніе, пренебреженіе самаго перваго дара Божія — жизни, словомъ — казни еще на землѣ адскія.

И просто сонъ въ ночи можетъ быть изображеніемъ жизни нашей, настоящему только міру приличной, если симъ даромъ природы пользоваться невоздержно, безъ осторожностей. Кто пользуется сномъ только какъ средствомъ къ

обновленію силъ природы, послѣ честныхъ трудовъ и для предстоящихъ вновь трудовъ: тотъ, безъ сомнѣнія, не грѣшитъ; тотъ пользуется самою милостію Божіею, «давшею намъ сонъ во упокоеніе немощи нашей». Но кто спитъ для того, чтобъ спать, ничего не дѣлать и только нѣжить себя лѣнью: тотъ, очевидно, поступаетъ вопреки учрежденію Божію и собственной пользѣ; тотъ только разслабляетъ себя и дѣлается неспособнымъ къ трудамъ. Когда при томъ, какъ не при всей безпечности спящихъ, какъ не въ отсутствіе всякаго бдѣнія нашего, подходятъ къ намъ тати, подкопываютъ домы и обкрадываютъ ихъ? Такъ точно бываетъ съ нами и по нравственному нашему состоянію, при нравственной безпечности, когда мы ничего худаго, повидимому, не дѣлаемъ, но не заняты также и ничѣмъ добрымъ. Въ сіи-то случаи одолѣваютъ насъ праздность, мечтательные помыслы, иногда — уныніе, охладѣніе ко всему, или напротивъ — непринадлежащіе намъ замыслы, всякая рѣшительность на дѣла порочныя. Всѣ порочныя страсти рождаются и зрѣютъ именно при такомъ состояніи безпечности человѣческой, во время душевнаго сна. Темный духъ наводитъ тогда на людей собственную сферу искусительныхъ обаяній и держитъ ихъ въ ней, какъ во мракѣ. *Бдите убо и*

молитеся, да не внидете въ напасть, говорилъ Господь ученикамъ Своимъ противу такихъ искушеній, — искушеній, хотя и временныхъ, но иногда на вѣки пагубныхъ. *Сіе же вѣдите*, внушалъ Господь въ другомъ случаѣ, *яко аще бы вѣдалъ дому владыка, въ кую стражу тать пріидетъ, бдѣлъ убо бы, и не бы далъ подкопати храма своего* [1]). *Трезвитеся, бодрствуйте*, — убѣждаетъ Св. Первоверховный Апостолъ Петръ,— бодрствуйте, *зане супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого повлотити* [2]). *Тѣмже убо да не спимъ*,—пишетъ другой Первоверховный Апостолъ,—да не спимъ, *якоже и прочіи, но да бодрствуемъ и трезвимся: спящіи бо, въ нощи спятъ*, присовокупилъ Св. Павелъ [3]). Самый сонъ безъ времени и воздержанія или умѣренности, безъ правилъ природы, есть уже пищею страстямъ, также какъ и всякія иныя невоздержанія или излишества. Въ такомъ состояніи сна нравственнаго, какъ сна, повидимому, обыкновеннаго и безпорочнаго, едва ли не всѣ мы находимся, Братія, по обыкновенной своей жизни. Прямо не дѣлаемъ мы, кажется, въ такомъ состояніи ничего худаго, особенно грубо, нагло, преступно худаго, злодѣйственнаго; но не дѣлаемъ также ничего и добраго положительно.

[1]) Матѳ. 24, 43. [2]) Петр. 1: 5, 8. [3]) Сол. 1: 5, 6. 7.

Не бодрствуемъ, не спимъ, а дремлемъ, въ полусонномъ находимся состояніи. Что ни происходитъ въ мірѣ Божіемъ великаго, назидательнаго, грознаго, благодѣтельнаго; многіе ничего того не чувствуютъ, не видятъ, ни на что не смотрятъ по своему спячему состоянію. Идутъ ли въ духовномъ царствѣ Божіемъ по святой Вѣрѣ и обыкновенныя чреды священныхъ воспоминаній, для нашего именно упражненія въ дѣлахъ благочестія и освященія душъ: многіе какъ бы не видятъ ихъ, не слышатъ въ сонномъ своемъ спокойствіи. Если нѣкоторые обращаютъ и вниманіе на то; обращаютъ не съ тѣмъ однако же, чтобы принять истинное, живое участіе, какъ въ дѣлѣ прямо каждаго касающемся. По Церкви, напр., идетъ время приготовленія къ посту и всеобщему покаянію: у многихъ тѣ же игры, тѣ же шумныя веселости, тотъ же разливъ удовольствій, — еще теперь наиболѣе, нежели когда либо. Наступаетъ святой великій постъ: на столахъ у православныхъ Христіанъ и въ постъ тѣ же яствы, что и во всякое другое время, прямо противъ правилъ Вѣры. Спѣшатъ въ постное время православные Христіане во храмы Божіи на утреннюю молитву: нѣкоторымъ еще некогда было и пробудиться послѣ вечернихъ забавъ. Вотъ будутъ во храмахъ Божіихъ

сонмы кающихся и приступающихъ ко святому Причащенію: придутъ и тѣ нѣкоторые, кои жили все прочее время въ воляхъ сердецъ своихъ; но какъ? — Съ тѣмъ же, если еще не съ большимъ хладнокровіемъ въ сердцѣ, съ мірскою борзостію по наружности, какъ вели себя всегда и не въ день годичной Исповѣди или Причащенія страшнымъ Христовымъ Тайнамъ. Они сами знаютъ, разбуждалась ли когда либо и въ сіи великіе дни, каковъ день Исповѣди и святаго Причащенія, разбуждалась ли совѣсть ихъ отъ грѣховнаго усыпленія? Сотрясались ли, хотя на минуту, страхомъ сердца? А о томъ, оставили-ль они безпечность свою по жизни впредь, страсти, привычки, соблазны, прегрѣшенія, кратко — безпробудный сонъ грѣховный? — о томъ едва и упоминать можно. Кажется, самыя священныя обязанности Христіанскія, едва въ годъ только разъ исполняемыя, отправляются многими, какъ во снѣ, въ полусонномъ, по крайней мѣрѣ, состояніи. Что же посему дѣйствительнаго или истинно спасительнаго, Братія мои, принесутъ намъ всѣ наши и такія дѣйствія по святой Вѣрѣ? Продолженіе вновь того же глубокаго, еще больше крѣпкаго сна грѣховнаго, по меньшей мѣрѣ сна безпечнаго, какой былъ и кромѣ времени благочестныхъ, повидимому, упражненій! Совѣсть человѣче-

ская при такихъ случаяхъ болѣе и болѣе жестѣетъ еще время отъ времени. Что же и сказать о прочемъ времени жизни нашей или житейскихъ нашихъ занятій, по соотношенію оныхъ со святою Вѣрою?!

Пусть, впрочемъ, такъ было бы навсегда, навсегда продолжилось бы одинаково время на землѣ, въ етой *области темной*, какъ сказалъ Господь. Но вотъ въ чемъ дѣло: время непрерывно идетъ все далѣе и далѣе впередъ; ночь стаетъ глубже и глубже: что же будетъ съ нами, какъ настанетъ уже самая полночь такого времени? А объ ней-то особенно предупредилъ сказать намъ, Братія, Господь Іисусъ Христосъ, что то время требуетъ наибольшаго вниманія нашего, хотимъ ли мы или не хотимъ входить въ него. Въ полночь, въ ту страшную полночь разбудитъ всѣхъ насъ труба Архангела, и не насъ только живыхъ, но и всѣхъ спящихъ донынѣ во гробахъ смертнымъ сномъ. Сіе самое спокойствіе, въ какомъ живемъ мы по своему нравственному состоянію, ведетъ, ведетъ насъ далѣе по времени, которое и вообще называется у Апостола *днями лукавыми*, и доведетъ до того, что истинная Вѣра Христова, по слову Христову, совершенно оскудѣетъ на землѣ, и Господу Богу останется только закрыть весь нынѣш-

ній порядокъ жизни судомъ Своимъ праведнымъ надъ всѣми нами, кончиною самаго міра. Для сего Самъ Онъ паки пріидетъ на землю, — и пріидетъ, какъ Самъ извѣщаетъ во Евангеліи, тогда, когда воздремлютъ всѣ люди и будутъ спать, т. е. истинная Христіанская дѣятельность прекратится. Въ семъ отношеніи *уподобися царство небесное*, сказалъ Господь, *десятимъ дѣвамъ*, кои должны готовиться къ срѣтенію жениха. *Коснящу же жениху*, — продолжаетъ Господь, — *воздремашася вся и спаху: полунощи же вопль бысть, се женихъ грядетъ, исходите въ срѣтеніе его!* Пять мудрыхъ дѣвъ, — души Христіанскія, имѣя въ готовности елей и горящіе свѣтильники, т. е. свѣтъ вѣры и елей добрыхъ дѣлъ, срѣтили Его: пять буіихъ, хотя и имѣли также свѣтильники, вѣру во Христа, но свѣтильники погасавшіе, за неимѣніемъ елея, т. е. добрыхъ дѣлъ, не удостоились быть на бракѣ съ небеснымъ Женихомъ. *Бдите*, — окончилъ приточное слово объ нихъ Господь, обращая рѣчь къ душамъ нашимъ, Братія, — бдите, *яко не вѣсте дне, ни часа, въ оньже Сынъ Человѣческій*, Самъ Онъ *пріидетъ* [1]). *Да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящіи*, — напоминаетъ Господь всѣмъ почти безъ притчи, — *и вы*

[1]) Матѳ. 25, 1 — 13.

подобни человѣкомъ, чающимъ Господа своего. Блажени раби тіи, присовокупилъ Господь, *ихже пришедъ Господь обрящетъ бдящихъ* [1]). Иначе: всякаго безпечнаго раба, незанимающагося даннымъ ему отъ Господа порученіемъ, *растещетъ его, и часть его съ невѣрными положитъ* [2])! Такой-то участи, сей-то страшной полунощи грѣховной убоимся, Братія мои! Время сіе будетъ нечаянно, потому что во грѣховной своей жизни люди уже не станутъ обращать и вниманія своего на дѣла и судьбы Божіи; безпечность грѣховной жизни будетъ безпробудная.

Господь Богъ, одинъ Господь Богъ знаетъ сіе время. А намъ, само собою, извѣстно только то, что съ теченіемъ лѣтъ оно близится къ намъ, а не далѣе становится. Достовѣрно знаемъ и то, что для каждаго изъ насъ, почастно, полночь сія весьма близка: для каждаго изъ насъ настаетъ она смертію; а смерть у всякаго порознь и у всѣхъ насъ вмѣстѣ — очень не далеко, у нѣкоторыхъ, можетъ быть, уже за плечами, слѣдуетъ по пятамъ. *Пріидетъ же нощь, егда никтоже можетъ дѣлати* [3]), говоритъ Господь. Ето — нощь смерти, послѣ которой мы уже не можемъ ничего сдѣлать къ своему спасенію. *Еда повѣсть кто во гробѣ милость Твою,*

[1]) Лук. 12, 35. 36. 37. 46. [2]) 12. [3]) Іоан. 9, 4.

Господи! вопіетъ Царепророкъ: *во адѣ же*, въ могилѣ, *кто исповѣстся Тебѣ* [1])? И потому-то, не смотря на разсужденія, кои касаются всѣхъ людей вообще, всего рода человѣческаго, всего нынѣшняго міра, надобно намъ, Братія мои, озабочиваться каждому въ особенности за себя самого. Кругъ такихъ разсужденій для себя собственно не можетъ быть слишкомъ обширенъ или необозримъ: напротивъ, онъ долженъ быть весьма близокъ къ сердцу и ко глазамъ каждаго изъ насъ. Очнемся, не покрыла ли насъ тма грѣховная? Не тяготѣетъ ли на насъ тотъ сонъ, истинный образъ хладной смерти, какъ называли сонъ и мудрецы вѣка, — тотъ сонъ, которымъ спятъ, по выраженію Апостольскому, *мертвые прегрѣшеніи* [2])? Воспрянемъ, да не застигнетъ насъ въ такомъ состояніи и самая смерть, да не покроетъ насъ въ немъ сѣнь смертная, гробовая доска и земля. За гробомъ — или невечерній, никогда не смеркающійся день, день царствія небеснаго, или — безконечная ночь, тма, *тма кромѣшная*, по слову Господа: *ту будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ*, присовокупилъ Христосъ [3]). Пока мы еще здѣсь, пока текутъ дни покаянія и спасенія; озаботимся, Братія, по убѣжденію Слова Божія, заблаговременно *не пріобщаться*

[1]) Псал. 87, 12. [2]) Ефес. 2, 1 5. [3]) Матѳ. 25, 30.

къ дѣломъ неплоднымъ тмы еще настоящаго міра, *паче же и обличать* [1]) ихъ, обличать въ себѣ особенно, въ себѣ единственно, не осуждая никого изъ ближнихъ своихъ, т. е. считать дѣла порочныя за порочныя, не иначе, и непремѣнно исповѣдываться въ нихъ, если по неосторожности или слабости своей и впадемъ иногда въ такія *дѣла темныя. Востани спяй!* — взываетъ слово Апостольское къ каждому изъ насъ [2]), Братія, призывая къ покаянію и исправленію жизни, — востани спяй, *и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя*, осіяетъ свѣтомъ Своимъ *Христосъ!* Аминь.

[1]) Ефес. 5, 11. [2]) 5, 14.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1834 года.

«Постъ! — Завтра уже постъ!» Примѣтьте каждый у себя, Братія мои, какъ слово сіе падаетъ на слухъ вашъ и сердце? Такъ ли, какъ слово уже ожидаемое, или какъ будто нечаянное? Такъ ли, какъ слово радостное, или какъ прискорбное? То или иное ощущеніе свидѣтельствовать будутъ духовный вкусъ нашъ, расположеніе души ко внушеніямъ святой Вѣры! Въ другихъ случаяхъ не говорятъ о вкусахъ такъ, чтобы одинъ вкусъ охуждать, въ другомъ настаивать; но въ настоящемъ случаѣ нужно сказать, что постъ всѣмъ намъ, Христіане, долженъ быть по вкусу, пріятенъ.

Приведемъ себѣ, хотя нынѣ, на мысль истинныхъ подвижниковъ Вѣры, которые непрерывный постъ считали для себя собственною своею стихіею, подобно какъ, напр., птицамъ стихія— воздухъ, или рыбамъ — вода. Съ наступленіемъ поста для всѣхъ чадъ Церкви и внѣ Обителей общаго, имъ казалось, что самая природа вещей

для всѣхъ тогда перемѣнялась. Воздухъ, кличами празднующихъ, самымъ круговращеніемъ ликующихъ смущаемый, вся буря суетъ міра теперь становится *въ тишину велію:* поваренныя безпокойства, бѣганья при столахъ, хлопоты прислужниковъ, многоразличныя трудности самыхъ пирователей теперь умолкаютъ. Самыя животныя, произволомъ людей суетѣ подвергнутыя, въ покоѣ радуются теперь, и, мнится, благодарятъ Бога за перемѣну дѣлъ между людьми. Такъ или подобнымъ образомъ говорили Св. Василій Великіе и ему подобные, — тѣ, которые, хотя не радовались вмѣстѣ съ міромъ, но при радости міра, безпокойными дѣлами міра, по выраженію Апостольскому, *мучились душею своею* за него [1]).

Мы, Христіане, хотя каждый за себя возчувствуемъ нынѣ тишину въ душахъ своихъ, въ домахъ, и на стогнахъ, съ успокоеніемъ себя отъ шумныхъ обязанностей жизни мірской. Есть всякой вещи время подъ солнцемъ, говоритъ преиспытанный въ удовольствіяхъ Мудрецъ [2]). Было и намъ по состоянію нашему время веселитися. Богъ предоставилъ намъ и такое время: Онъ далъ множество средствъ *исполняться пищею и веселіемъ сердцамъ нашимъ* [3]) изъ всей обильной сокровищницы земныхъ благъ Его. Нынѣ на-

[1]) Пет. 2: 2, 8. [2]) Еккл. 3, 1. [3]) Дѣян. 14, 17.

стаетъ иное время, когда надобно упразднiться каждому для Самого Господа и для собственной души своей, которая, при торжествованiи плоти, казалось, забыта была. Станетъ ли еще кто и на сiе иное время сѣтовать, какъ бы желая, чтобы душу свою вовсе оставить навсегда безъ вниманiя и позабыть даже Самого Бога, благодѣтеля своего? Не сами ли вы, давая дѣтямъ своимъ время для отдохновенiй и утѣшенiй, назначаете опять время и для дѣлъ, отзывая ихъ отъ занятiй только пріятныхъ? Вонмите нынѣ сами гласу Отца Небеснаго, и гласу святыя Матери Церкви, — гласамъ, коими убѣждаютъ Они насъ перестать уже забавляться, а заняться дѣлами душеполезными! Скорбѣть ли еще и на то, почему не попущены мы Отцемъ своимъ на все безъ вниманiя? Почему печется Онъ, и Самъ располагаетъ времена для добрыхъ дѣлъ нашихъ? Не была ли бы такая скорбь похожа на скорбь дѣтей, которые, имѣя добрыхъ родителей или воспитателей, отвлекаются отъ забавъ прочь, тогда какъ на стогнахъ остаются еще сверстники, которые не имѣютъ такихъ попечителей, кои напомнили бы имъ о дѣлахъ, — дѣти счастливые только своеволiемъ, между тѣмъ и по наружности, не только по невѣжеству своему и будущему состоянiю несчастные? *Чадца!* — когда же

наконецъ послушаемъ мы внушенiй Господнихъ, если не нынѣ: — *чада! не любите міра, ни яже въ мірѣ? Все бо, еже въ мірѣ, похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская* [1]*)!*

Се нынѣ время благопріятно, Братiя, *се нынѣ день спасенiя* [2]*). Помажемъ главы своя, и лица свои умыемъ*, по слову Господа нашего, когда вступаемъ въ постъ, — *не сѣтующе* [3]*). Въ другое время, когда бы мы сами избрали постъ, былъ бы оный только постъ, а — нынѣ и послушанiе, которое еще паче поста и молитвы. И послушанiе въ чемъ? О томъ ли сѣтовать, что *нощь убо прейде, а день приближися?* — что *время отложить дѣла темная, и яко во дни, ходить благообразно* [4]*)?* Пусть такъ, въ началѣ не безъ горести для поврежденной природы нашей всякое доброе предпрiятiе къ ея исправленiю; но сiе-то и есть признакъ начала нашего благополучiя, когда лѣнивая наша природа чувствуетъ направленiе склонностей своихъ не туда, куда онѣ превратно влекутъ ее. Больной не съ сладостью принимаетъ врачество, тѣмъ менѣе, когда оно дѣйствуетъ, потрясаетъ болѣзнь его въ самомъ корнѣ, но внутренно утѣшается желанiемъ получить здравiе. Такъ дѣлается и со

[1]) Іоан. 1: 2, 12. 15. 16. [2]) Кор. 2. 6, 2. [3]) Матѳ. 6, 16. 17. [4]) Рим. 13, 12. 13.

всѣми нами нынѣ: пусть немощная плоть содрогается отъ горькихъ подвиговъ поста; но духъ, бодрый духъ долженъ предчувствовать спасительное дѣйствіе его, и заранѣе уже восхищаться о своемъ истинномъ благополучіи.

Между тѣмъ священная добродѣтель потому и цѣнна, что она сопряжена съ трудностію и принужденіемъ склонностей нашихъ. *Царство Божіе нудится*, говоритъ Спаситель, *и тѣ, кои нудятъ себя, восхищаютъ оное* [1]). А оно, по слову Апостольскому, *нѣсть брашно и питіе*, — кромѣ коихъ многіе не знаютъ иныхъ источниковъ наслажденія, — *но правда и миръ и радость о Дусѣ Святѣ* [2]). Что́, подлинно, сравниться можетъ съ тою легкостію тѣла, съ тою ясностію чувствъ, съ тою чистотою мыслей, съ тою непорочностію желаній, съ тѣмъ восхищеніемъ сердца, какія чувствуютъ люди, которые, по выраженію священному, *наслаждаются воздержаніемъ?* Чудное наслажденіе! — наслаждаться тѣмъ, чтобы удержаться отъ всякаго земнаго удовольствія или по крайней мѣрѣ ограничить себя, сколь можно болѣе! *Брашна треву, и трево брашномъ; Богъ же и сіе и сія упразднитъ*, говоритъ Св. Апостолъ о небесномъ нашемъ состояніи [3]). И по сей-то мѣрѣ, Братія, какъ *внѣшній человѣкъ*

[1]) Матѳ. 11, 12. [2]) Рим. 14, 17. [3]) Кор. 1: 6, 13.

тлѣетъ, внутренній обновляется, по сей-то мѣрѣ, какъ душа наша упраздняется отъ земныхъ удовольствій,— исполняется она благами небесными и сама возносится превыше земнаго. Такое состояніе уже давно не есть только умозрѣніе, но опытъ, опытъ безчисленнаго множества подвижниковъ святыя нашея Вѣры, которые постомъ, бдѣніемъ и молитвами прошли весь путь, не часть только, настоящей жизни, весь путь до неба.

Если за помощію Божіею, и мы сколько нибудь, хотя по временамъ, понудимъ себя къ тому же; скоро и у насъ можетъ обратиться то въ удовольственное стремленіе, что̀ въ началѣ кажется нѣкоторою тяжестію. А окончаніе сего подвига близко и извѣстно — всерадостный праздникъ Воскресенія Спасителя! Такъ будетъ и за окончаніемъ всѣхъ нашихъ земныхъ подвиговъ по Вѣрѣ, — невечерній день царствія на небеси для всѣхъ тѣхъ, кто здѣсь подвигомъ добрымъ подвизаться будетъ. Нынѣ же, какъ бы въ сближеніе уже съ Господемъ нашимъ и со святыми Его Угодниками, нынѣ же въ началѣ поприща постнаго, послѣ за Вечернею, будемъ мы лобызать святыя ихъ изображенія. Да сподобитъ насъ Господь Богъ явиться къ Нему во время свое и лицемъ къ лицу, вмѣстѣ съ ними! Аминь.

Б Е С Ѣ Д А

ВЪ НЕДѢЛЮ СЫРОПУСТНУЮ, НА ВЕЧЕРНИ.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1829 года.

Всѣмъ ли извѣстно, Братія мои, что̀ теперь мы сдѣлали? Что за обычай Церкви въ нынѣшній вечеръ — лобызать святыя иконы и прощаться другъ съ другомъ? Обычай ето древній и назидательный! Онъ начался у древнихъ святыхъ подвижниковъ благочестія по тому въ особенности случаю, что нѣкоторые изъ нихъ, для большаго безмолвія, съ настоящаго вечера удалялись изъ общихъ Обителей во внутреннѣйшія пустыни, и тамъ препровождали все время Великаго поста до послѣдней недѣли. Время не малое, и для подвиговъ духовныхъ особенное! Посему, разставаясь съ Обительми и братіею, подвижники Христовы нынѣ въ особенности испрашивали себѣ напутія и молитвъ у святыхъ Угодниковъ Божіихъ, лобызая мощи и святыя ихъ изображенія, нынѣ въ особенности просили молитвъ и прощенія другъ у друга, когда т. е. надлежало каждому наипаче во время покаянія просить прощенія во грѣхахъ своихъ у Отца Небеснаго.

Праведниковъ проникали совершенно слова Господа Іисуса Христа, сегодня во Евангеліи на Божественной Литургіи читанныя [1]): *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный. Аще ли не отпущаете человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ.* Хотя люди, о которыхъ нынѣ слово, и не были подобные намъ грѣшники; однако-жъ были подобострастны намъ, а чистота чувствій еще тѣмъ болѣе смиряла ихъ, чѣмъ выше жили Праведники. Подумаемъ же въ особенности мы, Братія, о такомъ внушеніи Евангельскомъ на святый постъ, когда каждому изъ насъ въ особенности предлежитъ, съ наступленіемъ поста, долгъ очистить свою совѣсть покаяніемъ. Обычай взаимнаго прощенія другъ друга, въ присутствіи Бога и Ангеловъ Его, пусть будетъ и у насъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ первоначально по происхожденію, — изліяніемъ чувствій сердечныхъ, искреннимъ всепрощеніемъ другъ другу!

Кто изъ насъ не пожелалъ бы себѣ прощенія во грѣхахъ отъ Господа Бога, когда будемъ каяться? А каяться во святый постъ непремѣнно всѣмъ будетъ надобно. Видите же, Господь Богъ столько готовъ даровать всѣмъ намъ прощеніе,

[1]) Мат.. 6,. 14.. 15.

что каждому вручилъ прощеніе Свое даже въ собственное наше произволеніе. Прости ты: прощено будетъ и тебѣ. Не простишь ты: нѣтъ и тебѣ прощенія, сказано въ сегоднешнемъ Евангеліи. Если бы Христосъ, Христіане, заповѣдалъ намъ для очищенія грѣховъ нашихъ что нибудь великое и многотрудное, велѣлъ бы по крайней мѣрѣ за всякій нашъ грѣхъ исполнить противоположную грѣху добродѣтель: никто изъ насъ и тогда не могъ бы не чувствовать всей справедливости и нужды въ такомъ способѣ очищенія. Но Господь далъ къ тому способъ, какъ нельзя проще и легче: отпущеніемъ обидъ другому получишь ты отпущеніе себѣ во грѣхахъ, сказалъ Онъ. Чего ближе и вожделѣннѣе такого расположенія духа, если мы точно искренно хочемъ искать его покаяніемъ и для себя у Господа? Мы должны бы такъ поступать и безъ всякаго воздаянія, кольми паче безъ столь великаго вознагражденія, каково прощеніе всего отъ Бога намъ самимъ!

А когда такъ мы расположимся другъ ко другу; то сегоднешній святый обычай древнихъ подвижниковъ, обычай прощенія, исполнится и по другой части. Намъ, Братія, удаляться со своихъ мѣстъ некуда и нельзя по образу нашей жизни. Тѣмъ однако-жъ не менѣе и на насъ ле-

житъ обязанность, и намъ есть возможность почтить наступающіе дни святаго поста особеннымъ безмолвіемъ. Спаситель, говоря объ уединеніи для послѣдователей Своихъ, собственно указываетъ на одно уединеніе, — уединеніе въ клѣти нашей, уединеніе въ сердцѣ нашемъ [1]). Всѣ можемъ имѣть сію, впрочемъ самую внутреннѣйшую, пустыню. Она въ насъ. Она откроется вся предъ душевными нашими очами, какъ скоро отпустимъ отъ сердецъ другъ другу согрѣшенія. Тотчасъ почувствуется тамъ нѣкоторый особенный просторъ, легкость, тишина и пріятность. Теперь чѣмъ наполнены наши души? Положимъ, много тамъ разнородныхъ впечатлѣній отъ всего, что̀ есть въ мірѣ, какъ говоритъ Апостолъ, — отъ похоти плоти, отъ похоти очесъ и отъ гордости житейской: но едва ли не во всѣхъ тѣхъ впечатлѣніяхъ отливаются вмѣстѣ такъ или иначе непріязненныя расположенія къ людямъ? Чѣмъ въ обращеніи по большей части занятъ *языкъ*, — *поученіе сердца*, какъ называетъ его Слово Божіе? Пересудами, укоризнами, злорѣчіемъ, осмѣяніями. — Къ чему наиболѣе отверстъ слухъ? — Къ тому же, чѣмъ наиболѣе заняты языки. А глаза какъ часто наливаются завистію, подозрѣніями, пренебреженіемъ, тщеславіемъ, гнѣвомъ

[1]) Матѳ. 6, 6.

и прочими нечистотами сердца! Исторгнемъ, Братія, съ корнемъ такія зла, отпустимъ отъ сердецъ другъ другу прегрѣшенія; они исчезнутъ, — и мы, точно, увидимъ въ душѣ своей новое пространство, исполненное безмолвія и тишины. Съ какою легкостію и удовольствіемъ тогда можемъ мы удалиться въ свою собственную пустыню, дабы по-Христіански провести въ молитвахъ и постѣ время святой Четыредесятницы! Безмолвіе на стогнахъ, безмолвіе въ домахъ, безмолвіе наипаче въ насъ самихъ! Се время благопріятное! се дни спасенія! Тогда съ сыновнею нѣжностію потечемъ мы ко Господу во святой Его храмъ: съ сыновнею надеждою и, слѣдственно, со всѣмъ утѣшеніемъ сердца вознесемъ къ Нему молитвы о себѣ, — плоды всеобщаго покаянія. Ибо во глубинѣ души будетъ уже то давно дарованное Сыномъ Божіимъ увѣреніе, которое, по слову Апостольскому, есть свидѣтельство Духа Святаго [1]), что *аще отпущаете человѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ Небесный.*

Такъ, Братія мои! Не люди родили обычай сегоднешняго взаимнаго прощенія на постъ: тѣ святые древніе люди взяли обычай изъ самыхъ основаній жизни о Христѣ. Во всякое время прекрасенъ,

[1]) Рим. 8, 16.

въ наше время онъ еще, смѣю сказать, и прекраснѣе, даже приличнѣе для насъ. Послѣ того, какъ была веселость, разсѣянность, гулливость, такъ сказать, на перерывъ однихъ предъ другими, какъ все то было особенно въ предшествовавшіе дни, когда видимъ теперь въ настоящій вечеръ Христіанъ въ церкви Божіей, повергающихся предъ Богомъ, Угодниками Его и другъ передъ другомъ, мнится мнѣ, невольно у всѣхъ насъ изливается теперь одно чувствіе предъ Господемъ, какое чувствіе приносятъ Отцу дѣти, коимъ дозволено было повеселиться, но кои слишкомъ уже много развеселились. «Отецъ нашъ! Ты дозволилъ намъ утѣшеніе, самъ далъ намъ вещи и средства къ тому! По склонности нашей къ такимъ утѣшеніямъ мы болѣе и долѣе надлежащаго предались имъ. Уже собственный Твой гласъ отзываетъ насъ отъ нихъ. Прибѣгаемъ къ Тебѣ! Прости нашей неумѣренности и забывчивости; мы постараемся за то быть болѣе терпѣливыми и внимательными на дѣлѣ, которое угодно Тебѣ будетъ назначить намъ!» Когда такъ или подобнымъ образомъ скажутъ дѣти со всею простотою и любовію отцу своему: кажется, всякій отецъ проститъ ихъ. Я хочу сказать къ вамъ, Слушатели-Христіане, что Отецъ нашъ Небесный, Самъ Господь Богъ, любвеобиль-

ное сердце Свое къ намъ открылъ Словомъ Своимъ въ подобіи сердца отца земнаго, и притомъ такого отца, который любитъ и худаго сына, когда онъ, оставивъ порочную жизнь, къ нему обращается. Недавно, въ одну изъ предуготовительныхъ ко времени покаянія Недѣль, читано было Евангеліе Христово о такомъ отцѣ и такомъ сынѣ. Когда сынъ, оскорбившій отца, удалившійся отъ него, прожившій все имѣніе въ распутствѣ, доведшій себя до презрительной крайности, сдѣлалъ наконецъ еще одно доброе дѣло — возвратился къ отцу: *еще ему далече сущу*, говорится въ Евангеліи, *узрѣ его отецъ его, и милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его* [1]. Такъ поступитъ и съ нами Отецъ нашъ Небесный, Христіане,—*вѣруемъ* Слову его, *тѣмже и глаголемъ*,—если мы, дѣйствительно, съ раскаяніемъ нынѣ прибѣгаемъ отъ прежней нашей жизни и припадаемъ къ Нему.

Оставимъ же разсѣянность, изженемъ ее даже изъ мыслей своихъ: пріидите, восплачемся и припадемъ предъ Господемъ; принесемъ Ему чистосердечное покаяніе предъ служителями Таинствъ, благочестно совершимъ святую Четыредесятницу, десятину дней цѣлаго года въ очищеніе всѣхъ дней года. И кто съ искреннимъ рас-

[1]) Лук. 15, 20.

положеніемъ души желаетъ сего; тѣхъ да благословитъ Господь богатою Своею милостію, а и неимущихъ такого расположенія да привлечетъ къ Себѣ благодатію Своею! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЕРВУЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1843 года.

Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу козньмъ діавольскимъ. Ефес. 6, 11.

И на обыкновенной брани воины принимаютъ особенныя мѣры военнаго искусства, когда хотятъ наступать на противниковъ своихъ, или напротивъ видятъ ихъ наступающими. Въ томъ и другомъ положеніи, и въ наступательномъ и въ оборонительномъ, находимся нынѣ мы, Христіане-Братія, на духовной нашей брани. Мы пошли особенно нынѣ, во святое время поста, противу враговъ нашего спасенія, противъ духовъ злобы поднебесныхъ; и они сами тѣмъ наболѣе, должно быть, ожесточаются противъ насъ въ такое время, стараясь сдѣлать, дабы оно было еще и поводомъ у насъ къ новымъ съ нашей стороны уступкамъ, къ побѣдамъ враговъ надъ нами; что̀ дѣлается, когда мы и самое сіе спасительное время, поприще Христіанское, проходимъ не такъ, какъ слѣдуетъ. Ихъ мучитъ всякое наше предпріятіе къ исправленію себя, какъ Ангеловъ наоборотъ оно радуетъ. Посему нынѣ

особенно, во святый Великій постъ, предлежитъ намъ дивная духовная брань, о которой говоритъ Апостолъ: *нѣсть наша брань къ плоти и крови, но къ началомъ, и ко властемъ, и къ міродержителемъ тьмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ.* Почему нынѣ особенно нужно намъ быть готовыми къ такой брани. Слово Апостольское, напоминая о ней, подаетъ намъ и оружіе, — оружіе приличное для такого ополченія, всеоружіе, полное вооруженіе Божіе: *да возможете,* сказано при семъ, *вся содѣявше стати,* противустать, устоять, стать побѣдителями. На всякой брани, конечно, великое дѣло— оружіе; съ нимъ воинъ еще до сраженія въ духѣ мужественъ, благонадеженъ. Обратимъ же мы нынѣ особливое вниманіе свое на оружіе, которое устроилъ Самъ Богъ для нашего ополченія противу враговъ спасенія. Все оружіе пересмотрѣть вдругъ не достанетъ намъ времени, потому что *оружія воинства нашего*, какъ говоритъ Слово Божіе, *не плотская* [1]), и слѣдственно нужно разсматривать ихъ умомъ и вѣрою, а не тѣлеснымъ окомъ или испытаніемъ рукъ. Разсмотримъ такимъ образомъ, хотя одно, первое.

Станите убо препоясани чресла ваша истиною, — такъ начинаетъ исчисленіе оружій Еван-

[1]) Кор. 2: 10; 4.

гельскихъ Апостолъ. Прочія оружія суть: *броня — правды, обувеніе — готовность благовѣствованія мира, щитъ — вѣры, шлемъ — спасенія и мечъ — глаголъ Божій.* Первое — истина! Такъ: сколь первѣе всего во всякомъ оружіи нужно быть ей именно! Устрояется ли и обыкновенное оружіе и для обыкновенныхъ воиновъ; истина первѣе всего нужна въ самомъ устроеніи всякаго оружія, и непремѣнно включаться должна во всякомъ. Когда воинъ принимается за оружіе, или только избираетъ еще оружіе себѣ; онъ прежде всего смотритъ, такъ ли оно устроено, хорошо ли, прочно ли, соотвѣтственно ли назначенію? Онъ вникаетъ такимъ образомъ, есть ли въ оружіи — что? — *истина?* Ею первѣе всего, не иначе, долженъ былъ устроять оружіе и художникъ. Что сдѣлалъ бы онъ, если бы не зналъ, какъ и для чего какое оружіе устроить нужно? Что уже и говорить о самомъ дѣйствованіи оружіемъ на брани? Можно ли воину дѣйствовать имъ, не зная, къ чему, и какъ, и въ какомъ случаѣ нужно употребить оружіе въ дѣло? Итакъ, не *истина* ли, не знаніе ли, не свѣтъ ли долженъ въ самомъ дѣлѣ быть первымъ вооруженіемъ воина, — оружіемъ, какъ уже сказали мы, включающимся во всѣ иныя бранныя орудія, составляющимъ, можно сказать, силу ихъ?

Такъ, Братія-Христіане! Что можно сдѣлать и малаго, не только чего либо великаго, безъ внутренняго свѣта Божія, намъ даннаго, — безъ ума? Что можно сдѣлать даже безъ видимаго или чувственнаго свѣта, въ общей природѣ вещей разліяннаго? Особливо, что можно дѣлать безъ нихъ на брани въ военномъ искусствѣ, гдѣ не довольно и умовъ частныхъ, а надобно быть одному особливому уму, уму предводителя, и самымъ прозорливымъ, быстрымъ соображеніямъ, часто мгновенно рѣшающимъ всякія обстоятельства брани? Если воинъ пользуется иногда и темнотою ночи, или идетъ въ сраженіе, не разсуждая ни о чемъ, то тѣмъ еще болѣе въ такихъ случаяхъ дѣйствуетъ свѣтъ, знаніе; оно и самую тму, осмотрѣвши все заранѣе, употребляетъ въ оружіе истины, изъ слѣпой довѣренности составляетъ самый высокій и всеобщій умъ, предъ которымъ все падаетъ!

Когда такъ въ дѣлахъ брани обыкновенной; то тѣмъ болѣе впервыхъ нужно на брани духовной оружіе *истины*, — знаніе, свѣтъ, просвѣщеніе! Такое оружіе есть самое соотвѣтственное брани духовной, и само собою должно такъ или иначе заключаться во всемъ всеоружіи Божіемъ, во всѣхъ иныхъ оружіяхъ. Ибо брань наша, говоритъ Слово Божіе, *къ началомъ, и ко властемъ,*

и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, — тмы вѣка сего, къ міродержителемъ тмы. Прозирать ихъ ухищренія, ухищренія *духовъ злобы поднебесныхъ,* проникать намѣренія ихъ, видѣть нападенія, называемыя искушеніями, приближающіяся къ намъ, не только во всемъ окружающемъ насъ въ мірѣ, но часто въ собственной нашей плоти, беречься ихъ среди всей видимой безопасности, тогда-то еще и болѣе беречься ихъ, — о! сколько требуется для сего *истины,* свѣта, прозорливости, благоразумія!

Самый умъ, который въ другихъ случаяхъ долженъ быть первымъ нашимъ орудіемъ ко всему, что̀ намъ нужно дѣлать въ жизни, какъ напр., — видѣли мы, — участвуетъ онъ въ устройствѣ всякаго оружія для воиновъ обыкновенныхъ, самый умъ нашъ можетъ быть у враговъ нашихъ обращенъ на духовной брани нашей въ оружіе противъ насъ же собственно, и во врага самаго злоковарнаго, опаснаго. Онъ можетъ учинить засаду противу насъ въ самыхъ сокровенныхъ и средоточныхъ мѣстахъ нашей природы, въ самыхъ твердыняхъ ея, въ головѣ и сердцѣ, во всемъ естествѣ нашемъ. *И аще свѣтъ, иже въ тебѣ,* говоритъ Господь, *тма* будетъ; а *тма кольми* [1]*:* то что̀ было бы съ нами на брани

[1]) Матѳ. 6, 23.

духовной, если бы мы остались даже и съ оружіемъ *истины*, но съ однимъ собственнымъ только умомъ или познаніями, безъ свѣта свышняго, который *просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* [1]), безъ вѣры съ своей стороны, безъ вѣры, привлекающей на себя тотъ истинный свѣтъ? Какое оружіе духовное знали бы мы тогда? какъ стали бы дѣйствовать какимъ либо оружіемъ, если бы и узнали? Итакъ необходимо для насъ, Братія, оружіе *истины*, необходимо первѣе всякаго инаго, необходимо оружіе, какъ говоритъ Апостолъ, *Божіе*, свѣтъ истинный, Божій!

Но, казалось бы, оружію *истины* надлежало быть уготовану для головы, и возложену на голову; тамъ долженъ быть свѣтъ, тамъ познанія, тамъ умъ, тамъ соображенія, столь нужныя для брани: а Св. Апостолъ оружіемъ истины велитъ намъ препоясать не голову, но чресла свои! *Станите убо препоясани чресла ваша истиною*, говоритъ онъ. Слово Божіе, безъ сомнѣнія, сказало такимъ образомъ вѣрно, а недоразумѣніе наше насъ собственно касается, Братія! И потому усугубимъ вниманіе, при осмотрѣ оружія *истины*, для чего и какъ такое оружіе надобно намъ возложить не на голову, а препоясать онымъ

[1]) Ioan. 1, 9.

слѣдуетъ чресла, гдѣ надобно быть обыкновенному препоясанію по древнему обычаю.

Припомните, Братія! такимъ точно образомъ, въ препоясаніе по чресламъ употреблено въ первый разъ оборонительное оружіе противу врага спасенія нашего. Прародителю нашему, — какъ скоро узналъ онъ истиннаго врага своего — діавола и побѣду его — грѣхъ, — представилось первое къ защищенію себя далѣе оружіе — стыдъ, самое слабое, почти ничтожное въ наше время оружіе. Стыдъ — оружіе легкое: но для чувствительнаго сердца человѣческаго онъ, — сознаніе, совѣсть, внутренній свѣтъ души, — долженъ быть въ самомъ дѣлѣ всегда сильнымъ и всегда первымъ оружіемъ противу грѣха. Кто стыдится грѣха, кто понимаетъ, кто чувствуетъ въ себѣ голосъ совѣсти, внушеніе Божіе, и повинуется оному; тотъ, слава Богу! — еще въ безопасности, еще въ собственномъ своемъ оцѣпленіи. Но слово теперь въ томъ особенно, какимъ образомъ прародители наши видимо вооружились такимъ оружіемъ? Они вооружались первѣе всего имъ именно, и возложили на себя препоясаніе по чресламъ. Они препоясали себя, и чѣмъ же? (Какъ робки они сдѣлались за свою безопасность!) Они препоясали себя листвіемъ смоковнымъ, препоясали себя и все свое будущее

потомство. Дотолѣ человѣкъ облачался весь въ самую истину: нагъ былъ и не стыдился; потому что все было въ немъ такъ непорочно, что не-отъ-чего было закрываться, и въ тѣлѣ, не только въ душѣ, или частнѣе въ умѣ, былъ весь естественный свѣтъ, но и свѣтъ Божій, — *истина*. Такъ праотецъ нашъ первое надѣлъ на себя оружіе, — препоясаніе по чресламъ изъ листвія смоковнаго. Но каково же было такое оружіе противу духа злобы, — препоясаніе изъ листвія смоковничнаго? какая въ немъ защита? какое отъ него спасеніе, когда потерянъ первобытный свѣтъ разума и чистота природы? Таково оружіе противу грѣха и діавола у всѣхъ тѣхъ, Братія мои, кто хочетъ ополчаться противъ него собственнымъ своимъ естественнымъ измышленіемъ и силами! Данный потомъ законъ дѣлъ прикрылъ, правда, гораздо болѣе немощи человѣческія; но было и въ *законѣ немощное, съ немже немоществоваше плотію*, какъ говоритъ Апостолъ [1]). Прейдемъ, впрочемъ, мимо всѣ такіе доспѣхи, уже давно неупотребительные: мы стоимъ теперь надъ новыми, надъ оружіемъ *истины*, которое устроено для насъ Евангеліемъ Іисуса Христа въ приспособленіе къ самому духу нашему, къ самой существенности

1) Рим. 8, 3.

нашего состоянія. *Богъ далъ намъ законы Своя въ мысляхъ нашихъ*, говоритъ Св. Писаніе, *и на сердцахъ нашихъ написалъ ихъ* [1]). Онъ далъ намъ святую Свою истину, которую мы можемъ и должны усвоить себѣ вѣрою въ Сына Божія. *Сынъ Божій — свѣтъ міра;* Онъ — *путь и истина и животъ* [2]). Въ Его правду, въ Его крѣпость должны мы облекаться.

И если дѣло касается вмѣстѣ самихъ насъ собственно; то первое оружіе, оружіе *истины*, должны мы, подлинно, возлагать не на главу, но на чресла свои. Собственныя возношенія ума надобно намъ, по выраженію Апостольскому, *низлагать* [3]), опускать ниже. Дѣйствительный грѣхъ начался съ плоти, со вкушенія отъ древа познанія добра и зла: посему съ чрева надобно и начинать намъ укрѣпленія нашей природы. Хотя родовое мѣсто *истины* голова; но въ теперешнемъ разстроенномъ нашемъ состояніи природы бываютъ явленія и тамъ по состоянію чрева. Когда чрево не обременено брашнами; то ясно, чисто и въ головѣ. А когда оно наполнено напр. виномъ; винные пары, восходя въ голову, извѣстно, совсѣмъ тогда помрачаютъ ее и даже дѣлаютъ иногда безчувственною. Какой же тогда быть истинѣ въ головѣ? Итакъ обуздаемъ прежде

[1]) Евр. 8, 10. [2]) Іоан. 8, 12 3, 21. 14, 6. [3]) Кор. 2·10, 4.

всего чувственную природу свою; востягнемъ ее препоясаніемъ воздержанія: съ того начать надобно намъ вооруженіе себя противу враговъ спасенія! Съ того собственно начинаетъ насъ укрѣплять противу нихъ Евангеліе. Съ воздержанія начинаются, по слову Апостольскому, всѣ плоды или дѣйствія духовныя. *Плодъ духовный есть любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе*, сказалъ Апостолъ [1]). Представьте себѣ, Слушатели, слова сіи лѣстницею къ совершенству, къ любви, которая называется въ Словѣ Божіемъ [2]) *союзомъ совершенства*, совокупностію добродѣтелей; первый степень той лѣствицы, — смотрите, — *воздержаніе*. Имъ, какъ нижнимъ концемъ, духовная лѣствица доблестей утверждена у насъ на землѣ. По сравненію отношеній нашихъ ко врагу спасенія нашего и къ брани его противу насъ, воздержаніе, говоримъ, должно быть первымъ нашимъ на такой брани оружіемъ. Такъ: сколь обыкновенно и обыкновенные воины должны быть въ такомъ вооруженіи, — въ воздержаніи? Не воздержаніе ли, не терпѣніе ли часто возноситъ ихъ превыше всѣхъ трудныхъ обстоятельствъ браннаго времени? Но что и говорить о воинахъ, когда даже любители мудро-

[1]) Гал. 5, 22. [2]) Кол. 3, 14.

сти міра, Пиѳагоры, Сократы, Зеноны, какъ свидѣтельствуетъ древняя исторія, съ высотою умосозерцаній непремѣнно соединяли строгость надъ чувственною природою своею? А сколь обыкновенно истинные подвижники Евангельской жизни за первое средство къ списканію истиннаго во Христѣ просвѣщенія, къ побѣжденію враговъ спасенія оружіемъ истины, считали воздержаніе плоти, тому свидѣтельствомъ — жизни всѣхъ ихъ, тому свидѣтельствомъ — всѣ ихъ опыты. Подвижники обыкновенно для сего оставляли такъ или иначе міръ, часто убѣгали въ уединенія, въ мѣста лишенія и скорбей. Міръ и плоть наша — ето самые тѣсные союзники враговъ нашего спасенія, *міродержителей тмы вѣка сего*. Обыкновенно такъ и считаютъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ — «міръ, плоть и діаволъ».

Знать надобно, Слушатели, что въ восточныхъ обычаяхъ препоясаніе, или поясъ означалъ особенно санъ воинскій. Въ жизнеописаніяхъ Мучениковъ нерѣдко встрѣчается выраженіе, что такой-то, или такой изъ Мучениковъ «принялъ на себя, возложилъ, или сложилъ съ себя воинскій поясъ;» а ето значитъ, что тотъ или иной изъ Мучениковъ вступилъ въ службу воинскую, или оставилъ ее. Знаменитымъ и заслуженнымъ воинамъ поясъ, какъ отличительный знакъ воин-

скаго достоинства, даванъ былъ самими царями, разумѣется, съ богатыми украшеніями. Даже по обыкновенной жизни въ восточныхъ обычаяхъ *препоясаться* поясомъ значитъ быть готову къ какому либо особливому дѣлу, какъ видѣть можно изъ самыхъ сказаній Евангельскихъ. Спаситель, говоря въ притчѣ о томъ, какъ надобно послѣдователямъ Его быть въ готовности къ срѣтенію Его, Господа нашего, упоминая о бдѣніи для сего, сказалъ между прочимъ: *да будутъ чресла ваша препоясана, и свѣтильницы горящіи* [1]).

Въ довершеніе же слова нашего долженъ я сказать вамъ, Братія, что понятія, какія изложены вамъ нынѣ о словахъ Св. Апостола изъ читаннаго сегодня посланія: *станите убо препоясани чресла ваша истиною*, не произвольно нами набраны, но всѣ заимствованы изъ истиннаго истолкованія Слова Божія, изъ самаго Слова Божія. Что истина въ упоминаемыхъ словахъ Апостольскихъ есть свѣтъ, знаніе, вѣра, что она есть особое оружіе духовное, что оружіемъ симъ надобно препоясаться, и въ такомъ точно смыслѣ, какъ мы изъяснялись, — тому изъясненіемъ прямо служитъ слово Апостола Павла, въ другомъ мѣстѣ о томъ же предметѣ сказанное. Св. Павелъ,

[1]) Лук. 12, 35.

пиша посланіе къ Римлянамъ (мы сегодня говоримъ о словахъ изъ посланія къ Ефесеямъ) и возбуждая въ нихъ чувство священнаго удовольствія о томъ, въ какомъ прекрасномъ состояніи находятся они теперь, какъ утвердились въ вѣрѣ во Христа, въ сравненіи съ тѣмъ состояніемъ, какъ были въ языческомъ невѣріи, или только начинали еще вѣровать, и съ тѣмъ вмѣстѣ поощряя ихъ къ истинному Христіанскому поведенію, воскликнулъ между прочимъ: *Нощь убо прейде, а день приближися; отложимъ убо дѣла темная, и облечемся во оружіе свѣта. Яко во дни, благообразно да ходимъ, не козлогласованіи и піянствы, не любодѣяніи и студодѣяніи, не рвеніемъ и завистію: но облецытеся Господемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, и плоти угодія не творите въ похоти* [1]).

Чувствуете ли? Всѣ ли мы чувствуемъ, Братія мои, каково наше препоясаніе *истиною*, и что оно? Цари земные жаловали нѣкогда избранныхъ воиновъ драгоцѣнными поясами, какъ первыми знаками высокаго всегда воинскаго достоинства. Намъ всѣмъ, Христіане, Царь нашъ Небесный далъ препоясаніе съ Себя Самого, что́ свидѣтельствуетъ въ обычаяхъ человѣческихъ верхъ любви и вниманія. Нѣтъ, Онъ далъ намъ

[1]) Рим. 13, 12. 13. 14.

преподсаніе не съ Себя, но, можно сказать, изъ Себя Самого — святую Свою истину, свѣтъ Свой, которымъ одѣвается, по выраженію Пророка Псалмопѣвца, какъ ризою [1]), и которымъ, по выраженію Евангельскому, есть Самъ Онъ.

Не забудемъ же никогда, Братія мои, снискивать себѣ святое просвѣщеніе во Христѣ Іисусѣ, имѣть истинную вѣру въ Него. Что можемъ дѣлать, чего можемъ желать,— не зная? Съ тѣмъ, между прочимъ, такъ часто бываемъ мы здѣсь, во храмѣ Божіемъ, чтобы пріобрѣтать Христіанскія познанія по урокамъ здѣсь, въ училищѣ Христовомъ. Здѣсь слова и священныя дѣйствія— уроки наши. Вникните, какъ напр. сегодня Св. Церковь въ особенномъ обрядѣ, на сегодняшній день положенномъ, пастонтъ объ истинѣ, о чистотѣ Вѣры нашей, о православіи, объ истинномъ исповѣданіи догматовъ Вѣры! Столь необходимо правильное знаніе или исповѣданіе ученія Христіанскаго! Слово о томъ Церкви сегодня уже и грозное, и клятвенное: но она всякой разъ, когда собираемся мы сюда, преподаетъ намъ такіе или иные уроки свои, — слово истины. Будемъ же всегда съ полнымъ Христіанскимъ вниманіемъ ко всему, что́ здѣсь дѣлается, сказуется, обучаясь между тѣмъ высокому въ зна-

[1]) Псал. 103, 2.

ніяхъ человѣческихъ искусству,— искусству воинскому, но не для обыкновенныхъ браней, а для брани со врагами спасенія нашего и Божіими. На брани сей и вождь и оружіе — Самъ Единородный Сынъ Божій. Дома никогда не забудемъ воздержанія, станемъ упражняться въ немъ, какъ занимаются внѣ училищъ ученики или такъ называемою задачею, или приготовленіемъ себя къ новымъ урокамъ! Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ПЕРВУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1829 года.

Святый постъ, Христіане, продолжается: оставили вы мірскія увеселенія; воздерживаясь отъ пищи и питія, на сіе время запрещенныхъ, съ умѣренностію употребляете пищу и питіе постныя; съ особенною готовностію, чаще и во множествѣ посѣщаете святый храмъ. Дѣла, истинно, времени и благочестію Христіанскому приличныя! Нѣкоторые сдѣлали уже и болѣе. Какъ скоро настало настоящее благопріятное время; нѣкоторые тотчасъ поспѣшили исполнить наипаче всего приличныя настоящему времени, всегда первѣйшія Христіанскія обязанности: — исповѣдались и пріобщались святыхъ Таинъ. Церковь радовалась, видя въ томъ плоды, достойные общаго покаянія. Никто изъ васъ самихъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ зрѣлищу, какое видѣли здѣсь, когда собратія ваши приступали ко олтарю для принятія Тѣла и Крови Христовой. Во многихъ ясно примѣтно было расположеніе души, подобное тому, какое бываетъ въ алчущихъ или

жаждущихъ, когда они видятъ другихъ вкушающихъ пищу или питіе. Поспѣшите и вы, такъ блаженно алчущіе и жаждущіе, къ тому же, чего *возжадала душа ваша, — къ Богу крѣпкому, живому* [1]*)!* Источникъ безсмертный и неистощимый! Всѣ, Христіане-Братія, всѣ до единаго, смотря другъ на друга, поощряя другъ друга, сдѣлайте во время поста то же, что нѣкоторые уже сдѣлали. Для тѣхъ, которые не расположены къ сему, и которые, можетъ быть, нѣсколько годовъ уже не причащались и даже не исповѣдывались, долгомъ моимъ почитаю пастырски напомнить, что по крайней мѣрѣ единожды въ годъ и наипаче въ Великій постъ исповѣдаться и пріобщиться святыхъ Таинъ есть непремѣнный долгъ всякаго Христіанина. Сегодня побесѣдуемъ о необходимости исповѣди; въ другое воскресеніе, аще Богъ изволитъ, — о святомъ Причащеніи, съ присовокупленіемъ въ обоихъ случаяхъ, почему въ Великій постъ наипаче исполнить дѣла сіи надобно?

Извѣстно, Братія, что принявъ святое Крещеніе и съ нимъ — очищеніе отъ грѣховъ, мы обязались жить такъ, какъ требуетъ законъ Бога, во имя Котораго крестились. Но со всею точностію не можемъ мы жить такимъ образомъ, по

[1]) Псал. 41, 3.

слабости природы своей. Такъ; Господь Богъ, и по обновленіи насъ, какъ называется святое Крещеніе, оставилъ природу нашу со слабостію; но — съ намѣреніемъ премудрымъ и благодѣтельнымъ, — для того, т. е., чтобы настоящая жизнь была испытаніемъ нашихъ желаній къ добродѣтели, и трудовъ, или лучше, чтобъ она была опытомъ благодати Его, коея силы *въ немощахъ совершаются*, къ той славѣ, *да преможество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* [1]). Такое намѣреніе открылъ Самъ Богъ, когда на усильное моленіе Св. Апостола съ жалобою на пакостника плоти, который былъ и у Св. Павла, сказалъ, что причина смущенія уничтожена не будетъ: *довлѣетъ ти благодать Моя*, говорилъ Богъ Павлу: *сила бо Моя въ немощи совершается* [2]). Посему и въ тѣхъ смущеніяхъ, кои чувствуемъ, Братія, въ душѣ, и въ тѣхъ склонностяхъ, кои влекутъ насъ къ беззаконію, заключается убѣжденіе прибѣгать намъ ко Господу со смиреніемъ, подобно какъ слабость дѣтей привязываетъ ихъ къ родителямъ. Будетъ сынъ съ силами, часто и забываетъ долгъ свой къ нимъ. Не можемъ противустоять порочнымъ склонностямъ? Согрѣшаемъ въ мысляхъ, въ желаніяхъ, въ словахъ, въ поступкахъ? — Тѣмъ бо-

[1]) Кор. 2 : 4, 7. [2]) 2 : 12, 9.

лѣе убѣждаемся имѣть сокрушенное сердце; а любовь Отца Небеснаго, къ которой мы прибѣгнемъ, находитъ въ томъ еще случай являть избытокъ благодати своея. Она не только не отгоняетъ отъ себя грѣшника, но сама призываетъ его къ себѣ и обѣщаетъ прощеніе, лишь бы только грѣшникъ призналъ и исповѣдалъ свое изнеможеніе. И когда грѣхи суть нарушеніе завѣта Божія съ нами, нарушеніе обѣтовъ нашихъ, въ Таинствѣ Крещенія данныхъ; то Богъ установилъ и Покаяніе для насъ, или отпущеніе грѣховъ такъ, чтобы средство обновленія завѣта нарушаемаго соотвѣтствовало силѣ онаго. Для сего-то, для соблюденія т. е. силы Таинства Крещенія, установлено также Таинство, — Таинство Покаянія, совершаемое при посредствѣ строителя Таинъ.

Для кого, Братія, не тяжекъ, не ненавистенъ грѣхъ? Какъ не желать тотчасъ очиститься отъ него, какъ скоро грѣхъ сдѣланъ? — И есть сердца Богобоязненныя, кои не только при какомъ либо проступкѣ, но и при одномъ праздномъ словѣ, при одной нечистой мысли, приходятъ въ сокрушеніе и каются. Столько ли чувствительны мы къ своимъ беззаконіямъ? Но если бы, впрочемъ, и были мы столько чувствительны; мало было бы и такого покаянія. Кто

успѣетъ столько оплакать себя, сколько вновь и вновь имѣетъ причинъ плакать о томъ же? Другіе назначаютъ для разсмотрѣнія себя особенныя времена: съ нарочитымъ изслѣдованіемъ входятъ въ свои поступки; находя ихъ порочными, чувствуютъ отвращеніе отъ нихъ, и, вознося сокрушенное сердце къ Богу, просятъ отъ Него помилованія. И сей образъ покаянія въ нѣкоторыхъ Христіанскихъ обществахъ принимается за единственный. Хорошо,—каяться предъ Богомъ! Всѣ предъ Богомъ, не предъ людьми каемся! Есть, подлинно, въ писаніяхъ и житіяхъ Св. Отецъ такой образъ покаянія; онъ оставленъ и намъ въ правило. Святые мужи такъ велятъ намъ дѣлать, чтобы въ каждый вечеръ, при отхожденіи ко сну, повѣрять свою совѣсть, и за добрыя дѣла благодарить Бога, относя всякое добро къ Его помощи, а въ худыхъ приносить раскаяніе, съ намѣреніемъ вести себя на будущее время исправнѣе и осторожнѣе. Правило весьма полезное, соблюдаемое даже и въ дѣлахъ другаго рода, въ жизни общественной, когда т. е. занимающіеся дѣлами, имѣющими свой извѣстный оборотъ, пересматриваютъ дѣла по прошествіи дня и свѣряютъ ихъ! Польза очевидная! Поступки наши, находясь предъ глазами, лучше могутъ быть разсмотрѣны; множество ихъ не

обременитъ силы разсужденія, и удобно можно видѣть, какъ лучше поступить далѣе. Но довольно ли и такого покаянія, если бы и, подлинно, кто неупустительно исправлялъ оное? Если грѣхами, какъ сказали мы прежде, нарушается таинственный завѣтъ Крещенія; то видите, что такое покаяніе, сколь ни похвальное, недостаточно къ вознагражденію и обновленію прежняго завѣта.

Но и можемъ ли, всѣ ли можемъ, всегда ли можемъ правильно испытывать свою совѣсть, особенно, когда взять во вниманіе, сколь обыкновенно можетъ быть въ такомъ случаѣ пристрастіе къ себѣ, а при немъ порочные навыки могутъ находить себѣ у насъ самихъ извиненіе и выгодное изъясненіе? Св. Апостолъ сказалъ о собраніи первыхъ Христіанъ: *о гесомъ помолимся, якоже подобаетъ, не вѣмы* [1]): кольми паче трудно намъ знать, какъ истинно судить свою совѣсть? Судіи себя не судятъ. Больные и врачи сами себя не лечатъ, по осторожности ли отъ пристрастія къ себѣ, или лучше, по недовѣрію къ своему знанію, при возмущеніи силъ природы отъ болѣзни. Для сего-то ко врачеванію духовному у пустынниковъ есть образъ ежедневнаго собственнаго покаянія, но—при наставникѣ. Тамъ каждый братъ имѣетъ руководите-

[1]) Рим. 8, 26.

ля, которому каждодневно открываетъ свои поступки и самыя мысли, и получаетъ по роду ихъ наставленія. Правило очень полезное, достойное подражанія и для мірянъ, чтобы каждому имѣть у себя друга, не для сообщенія только чувствій по жизни обыкновенной, но наипаче для взаимнаго совѣта по встрѣчающимся случаямъ въ дѣлахъ совѣсти! Довольно ли, впрочемъ, и сего покаянія? Припомните опять, что̀ должно дѣлать покаяніе? Оно должно вознаграждать, сказали мы прежде, нарушеніе таинственнаго завѣта Крещенія: какъ же ограничиться теперь однимъ только частнымъ наставленіемъ касательно будущихъ согрѣшеній, что только и можетъ исполнять наставникъ, непринявшій дара благодати рѣшить и вязать совѣсти человѣческія? Спаситель, говоря къ избраннымъ ученикамъ Своимъ: *имже отпустите грѣхи, отпустятся имъ; и имже держите, держатся*, сказалъ къ нимъ прежде: *пріимите Духъ Святъ* [1]). *И аще кто согрѣшитъ*, говоритъ Св. Апостолъ, *ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа праведника* [2]). Но Іисусъ Христосъ установилъ для сего извѣстныхъ строителей Таинъ Своихъ: и имъ-то, какъ говоритъ Апостолъ, *далъ служеніе примиренія*, въ нихъ-то *положилъ слово примиренія* [3]).

[1]) Ioan. 20, 22. 23. [2]) Ioan. 1: 2, 1. [3]) Кор. 2: 5, 18.

Видите, Христіане, что нѣтъ еще полнаго таинственнаго Покаянія—ни въ покаяніи, извѣстномъ у нѣкоторыхъ подъ именемъ *скитскаго*, безъ священнослужителя, — ни въ покаяніи собственномъ, частномъ, хотя бы оно было и ежедневное. Такіе виды покаянія показываютъ только то наболѣе, какъ необходимо покаяніе, и какъ оно должно быть неотложно; между тѣмъ ведутъ насъ къ нуждѣ Покаянія собственно такъ называемаго, извѣстнаго въ числѣ седми Таинствъ Церкви. Извѣстно, въ чемъ состоитъ оно и какъ совершается? Здѣсь въ Духовникѣ имѣешь ты и наставника, и свидѣтеля, и посредника, и молитвенника. Служитель Тайны, держа въ рукахъ скрижали закона Божія, представляетъ ихъ кающемуся какъ зеркало, въ которомъ должно себя видѣть. Видя сокрушеніе твое, онъ приложитъ на рану пластырь утѣшенія изъ Слова Божія, или, видя твое ожесточеніе и закоснѣніе во грѣхѣ, умягчитъ душу твою страхомъ суда Божія. Какъ посредникъ между Богомъ и тобою, — посредникъ, которому вручено, по слову Апостола, *слово примиренія*, онъ объявитъ тебѣ рѣшеніе суда Божія, или лучше, по заповѣди Божіей, соединитъ свою молитву съ твоею о прощеніи тебѣ грѣховъ. *Аминь глаголю вамъ*, сказалъ о семъ Христосъ, *яко аще два отъ васъ совѣщаета на земли о*

всякой вещи, еяже аще проснта, будетъ има отъ Отца Моего, Иже на небесѣхъ [1]). Правда, Господь не имѣетъ нужды въ посредникахъ, слышитъ и тайное воздыханіе, видитъ и несодѣянное; но мы имѣемъ въ нихъ нужду. И когда угодно Ему было соединить насъ другъ съ другомъ взаимнымъ служеніемъ и въ дѣлахъ благочестія, когда и въ судьбахъ Промысла Своего *творитъ* онъ *Ангеловъ слугами Своими*, и въ Церкви Своей учредилъ служителей Своихъ и строителей Таинъ Своихъ; то мы и не можемъ назначать себѣ иныхъ способовъ къ своему спасенію, а должны держаться тѣхъ именно, какіе Самъ Онъ установилъ.

Тѣмъ паче мы, которые живемъ въ мірѣ, среди соблазновъ и искушеній, которые не имѣемъ правила или обычая каждодневно бесѣдовать съ кѣмъ либо о паденіяхъ совѣсти, которые въ суетахъ и разсѣянности не дѣлаемъ собственнаго ежедневнаго испытанія себя, тѣмъ паче мы прибѣгнемъ, хотя въ извѣстное время, къ Покаянію, къ какому призываетъ насъ Церковь. Ахъ, Братія! вмѣсто убѣжденій къ сему со стороны Церкви надлежало быть нашимъ воплямъ къ ней о своихъ грѣхахъ и испрашиваніямъ средствъ къ очищенію! Убѣждаютъ ли больныхъ желать себѣ

[1]) Матѳ. 18, 19.

здоровья? Отлагаютъ ли больные время выздоровленія, когда можно выздоровѣть тотчасъ? Какъ мало озабочиваемся мы о душѣ своей, какъ мало знаемъ состояніе душевное; когда сдѣлалось нужнымъ говорить больнымъ душею, что они больны и должны принять средства къ своему исцѣленію!

Грѣхи суть болѣзни, и болѣзни самыя лютыя, опасныя, смертныя. *Оброцы грѣха смерть*[1]). Не смотрите на то, что вы чувствуете себя какъ бы въ благосостояніи и съ силами для исполненія дѣлъ вашихъ. И во всякой болѣзни обыкновенной есть у больныхъ силы, и силы часто большія во своемъ родѣ. Не говоря о томъ, что болѣзненный жаръ или оскудѣніе ума придаютъ тѣлу особенную дѣятельность и крѣпость, самое лежаніе больныхъ въ изнеможеніи показываетъ у нихъ избытокъ нѣкоторыхъ силъ, потому что здоровый, когда силы его устремляются на истинную дѣятельность, не можетъ лежать съ такою продолжительностію. Такъ судить надобно и о душевномъ состояніи. Повидимому, здоровы наши чувства, не поврежденъ умъ, сердце спокойно, душевныя склонности въ порядкѣ: но повѣримъ себя не по тѣмъ дѣламъ, кои дѣлаемъ, а по тѣмъ наипаче, кои должно дѣлать. Кто

[1]) Рим. 6, 23.

изъ васъ не считаетъ напр. должнымъ ходить во храмъ Божій? Но часто нога не спѣшитъ сюда, все тѣло чувствуетъ тяжесть, душа не расположена: не признаки ли ето слабости душевной для дѣла Божія? Надобно здѣсь съ сердечнымъ участіемъ выслушать внушеніе о пользѣ душевной, пробыть службу Божію со вниманіемъ ко всему тому, что читается и поется на ней, и съ чувствіями или сокрушенія о себѣ, или благодаренія Богу, или прославленія величія Его; но слухъ столько тяжекъ для такихъ впечатлѣній, что никакъ не можетъ удерживать или и принимать ихъ; очи и умъ далеко уклоняются отъ предметовъ благочестія: не разслабленіе ли ето чувствъ для дѣла Божія? Вопіетъ обиженный, проситъ безпомощный, представляется страждущій: равнодушіе, съ которымъ взираютъ на всѣхъ ихъ, не охлажденіе ли ето души для ближняго? Одно слово другаго воспламеняетъ иногда гнѣвъ, одинъ взглядъ разжигаетъ тотчасъ вожделѣніе; не огневица ли ето душевная? Осужденіе ближняго, злорѣчіе, сообщеніе мыслей порочныхъ, соблазнъ во всѣхъ его видахъ, — не проказа ли ето прилипчивая? Какъ и исчислить всѣ роды душевныхъ нашихъ болѣзней, кои врачевалъ Спаситель, какъ видимъ въ Евангеліи, первѣе тѣлесныхъ, такъ какъ тѣлесныя проистекаютъ

отъ душевныхъ? Послѣдствія всѣхъ ихъ—смерть. *Оброцы бо грѣха — смерть,* говоритъ Слово Божіе, и смерть не тѣлесная, какая бываетъ за болѣзнями тѣлесными, но душевная и вѣчная. Итакъ самое равнодушіе, съ которымъ нѣкоторые живутъ въ разсужденіи душевнаго состоянія, должно убѣждать ихъ вникнуть въ себя и разсуждать такъ или подобнымъ образомъ: «Отъ чего я такъ беззаботенъ о душѣ своей? Отъ чего такъ мало думаю я о погрѣшностяхъ своихъ, о коихъ другіе, святые люди, сокрушалися? Отъ чего я такъ легко сужу о томъ, что Слово Божіе ставитъ великою опасностію? Можетъ ли отецъ хулить поведеніе сына, когда оно хорошо? Такъ ли взыскателенъ Отецъ Небесный, что умножаетъ мои вины предъ нимъ излишнею строгостію закона Своего?» Ахъ, Братія! безчувственность во грѣхахъ, пренебреженіе средствъ къ очищенію отъ нихъ есть самое жалкое состояніе, съ признанія котораго первѣе всего надобно начать намъ покаяніе! Во святомъ Апокалипсисѣ говоритъ нѣгдѣ Господь, *свидѣтель вѣрный и истинный,* къ человѣку, живущему со всѣмъ равнодушіемъ къ своему состоянію. *Вѣмъ твоя дѣла, яко ни студенъ еси, ни теплъ: не да студенъ бы былъ, ни теплъ! Тако яко обуморенъ еси, и ни теплъ ни студенъ, изблевати*

тя отъ усть Моихъ имамъ. Зане глаголеши, яко богатъ есмь, и обогатихся, и ничтоже требую: и не вѣси, яко ты еси окаянень, и бѣденъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣщаю тебѣ купити отъ Мене злато разжжено огнемъ, да обогатишися; и одѣяніе бѣло, да облечешися; и да не явится срамота наготы твоея; и коллуріемъ помажи очи твои, да видиши. Азъ ихже аще люблю, обличаю и наказую; ревнуй убо и покайся [1]).

Отъ чего же у насъ такое отупѣніе чувствъ для ощущеній самыхъ живыхъ, каковы ощущенія грѣха въ совѣсти? — Отъ того, Слушатели, что долго мы не повѣряемъ ее покаяніемъ. Недужный отъ одной продолжительности времени считаетъ наконецъ состояніе болѣзненное за обыкновенное. Есть во грѣхѣ, по слову Апостольскому, *лесть*, которою *ожесточается сердце* [2]), когда бы не предостеречься отъ первыхъ ея дѣйствій. Представьте себѣ душу, какъ изображаетъ ее Слово Божіе подъ именемъ внутренняго человѣка, человѣкомъ видимымъ. Когда мы обыкновенно умываемся, наблюдаемъ чистоту за собою, за одеждою, пищею, домомъ и всѣми вещами; то все у насъ и чисто. Вообразите кочеваго человѣка, который не умывается, не очищаетъ

[1]) Апок. 3, 14. 15 — 19. [2]) Евр. 3, 13.

около себя ничего такъ часто, какъ обыкновенно дѣлается у насъ; грязь, смрадъ, безобразіе его быть можетъ подобіемъ внутренняго человѣка и въ насъ, когда мы часто не очищаемъ себя отъ грѣховъ. Грѣхъ есть самая великая нечистота! *Возсмердѣша и согниша раны моя, отъ лица безумія моего,* говоритъ человѣкъ въ томъ чувствѣ, что *беззаконія его превзошли главу* [1]).

Посему, собственно говоря, и не должно быть назначеніе времени къ покаянію; во всякое время должно быть оно, какъ скоро кто тяжко согрѣшилъ предъ Господемъ Богомъ. Отлагается ли время для выздоровленія, когда кто сдѣлается боленъ? Но, по милости Божіей, предполагая, что истинный Христіанинъ, *яко рожденный отъ Бога*, по слову Апостола, *не согрѣшаетъ, но блюдетъ себе* [2]),— не согрѣшаетъ, т. е. грѣхами смертными, — Св. Церковь поставила правиломъ, чтобы хотя единожды въ годъ всѣ чада ея очистились покаяніемъ и въ тѣхъ грѣхахъ, кои происходятъ отъ обыкновенныхъ слабостей человѣческихъ. Пусть слабости, Слушатели, подобны песчинкамъ; но изъ множества и песка составляются горы! Такое точно сравненіе употребилъ нѣкто изъ святыхъ наставниковъ пустынножителей, когда видѣлъ брата, считающаго проступ-

[1]) Псал. 37, 5. [2]) Іоан. 1: 5, 18.

ки свои мелочными. Совѣсть каждаго изъ насъ должна сказать о томъ, не обременена ли она самою безчисленностію согрѣшеній? — Что же, если застанетъ кого изъ насъ какое либо душевное бѣдствіе? Что, если постигнетъ смерть въ самомъ глубокомъ усыпленіи нашемъ — во грѣхахъ, на краю бездны, къ которой приближаетъ всякаго нераскаянность?

Но и самое общество, въ которомъ живемъ, Церковь, въ нѣдрахъ коея находимся, смотритъ, какъ кто изъ насъ хранитъ свою совѣсть: кто какъ исполняетъ первыя въ жизни обязанности, обязанности Христіанскія? Когда бываетъ нужно въ судилищѣ правосудія твое слово: въ первыхъ въ основаніе вѣрности его полагается то, исполняешь ли ты Христіанскія обязанности? Очищаешь ли совѣсть Исповѣдію и святымъ Причастіемъ? Для чего? — Для того, что въ такомъ только случаѣ, когда ты вѣренъ Богу, можешь быть вѣренъ и человѣкамъ; когда боишься Бога, побоишься солгать и человѣкамъ. Тогда всякій съ безопасностію можетъ положиться на Христіанскую совѣстность. И безъ такихъ случаевъ Церковь ожидаетъ всякаго сына къ судилищу Покаянія. Чѣмъ удостовѣрится ей въ твоей къ ней искренности, когда ты избѣгаешь спасительныхъ средствъ къ твоему назиданію? Не отъ сего ли наконецъ усиливается

уклоненіе отъ нея, что нѣкоторые время отъ времени теряютъ съ нею связь въ открытіи ей совѣсти своей и принятіи отъ нея очищенія? Сынъ скоро забудетъ отца или матерь, когда будетъ терять искренность къ нимъ и упованіе на ихъ благословеніе!

А когда же лучше намъ принести исповѣдь, какъ не въ святое время поста Великаго, которое и называется временемъ очищенія, временемъ покаянія? Все нынѣ способствуетъ къ тому. Удаленіе мірскихъ увеселеній, воздержаніе отъ пищи и питія, воздержаніе наипаче отъ страстей, взаимное другъ другу прощеніе, должны произвесть въ душахъ нашихъ нѣкоторую ясность, при которой лучше видно состояніе ихъ. Пары изъ чрева, которое не обременяется брашнами и питіемъ, не поднимаются въ голову и не помрачаютъ ее. Соблазны не бросаются въ глаза и не помрачаютъ чистоты оныхъ. Зовъ Церкви возбуждаетъ въ тебѣ мысль о какомъ-то ея сѣтованіи, раждаетъ и въ тебѣ *печаль, яже по Бозѣ*. Приходите вы сюда, и слышите, о чемъ сѣтуетъ Церковь?—о нашихъ согрѣшеніяхъ. Пѣніе, чтеніе, священнодѣйствія, все внушаетъ намъ чувствія покаянія. Что она дѣлаетъ?—Отверзши покаянія двери, ждетъ каждаго на покаяніе. Что она дѣлаетъ? — Въ чтеніи, въ пѣніи, въ священнодѣй-

ствіяхъ показываетъ образы покаянія. На одной первой седмицѣ двукратно повторялась за службою Псалтирь, высочайшій образецъ человѣка, сокрушающагося о грѣхахъ, кающагося и переходящаго къ утѣшенію. Повторенъ и будетъ еще повторенъ великій плачъ покаянія, какимъ каялся одинъ изъ помилованныхъ на самомъ краю бездны погибели. Въ семъ правилѣ исчислены всѣ древніе, въ Словѣ Божіемъ описанные примѣры благочестія и нечестія, съ тѣмъ, чтобы каждый изъ насъ столько кратъ говорилъ душѣ своей, какъ тамъ говорится: «Виждь, душе, кому уподобилася еси? Кому подражала еси, окаянная душе моя!» На концѣ поста читаться будетъ все Евангеліе Христово. Вмѣсто ветхозавѣтныхъ пророческихъ убѣжденій, возгласитъ во уши наши Самъ Спаситель первое его къ людямъ возваніе: *покайтеся, приближися бо царство небесное!* Откроется въ Евангеліи зрѣлище, какъ мытари, блудницы, прокаженные, бѣсные приходили въ сокрушеніе о грѣхахъ, и дѣлались сынами царствія Христова. Напослѣдокъ придетъ время и воспоминанія страданій Христовыхъ. Можешь ли ты остаться и тогда столько хладнокровнымъ, чтобы не представить, сколько и за твои грѣхи страждетъ Спаситель міра? Не слышитъ тотъ Евангелія о страданіяхъ Хри-

стовыхъ, не знаетъ распятаго Господа, кто не чувствуетъ, что и за его грѣхи распинается Господь, и кто не прибѣгаетъ къ покаянію въ нихъ. Какъ такой Христіанинъ послѣ будетъ праздновать и Пасху Божію, не очистивъ ветхаго кваса своихъ беззаконій? Церковь повторитъ слова Св. Павла: *Пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ. Тамже да празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ, ни въ квасѣ злобы и лукавства, но въ безквасіихъ чистоты и истины* [1]). Пусть лучи радости Воскресенія Христова озарятъ все, проникнутъ на время сердце и спящее, и почти *умершее прегрѣшеніи* [2]): но тотъ ли только, по намѣренію Господа, возлюбившаго насъ до смерти, долженъ быть плодъ Его воскресенія — временное и преходящее только восхищеніе сердца, какое только и можетъ быть, когда во глубинѣ сердца будетъ хладъ нераскаянности, когда смрадъ грѣховъ застарѣлыхъ будетъ проникать сквозь самую чистую радость праздника? Она и продлится для тебя не долго. Скоро исчезнетъ, когда *сердце чисто не созиждется, и духъ правый не обновится во утробѣ твоей.*

И что же со стороны нашей для предотвращенія скорбей души и для пріобрѣтенія душевной

[1]) Кор. 1: 5, 7. 8. [2]) Ефес. 2, 1.

чистоты требуется?—трудное ли?—великое ли?—долговременное ли? — многоцѣнное ли?.... Что-жъ показали бы мы; если бы Богъ назначилъ ежегодное испытаніе намъ въ другомъ родѣ, если бы онъ сказалъ: «дайте отчетъ въ томъ, что вы сдѣлали чрезъ годъ великаго и спасительнаго? Столько ли дали вы движенія талантамъ Моея благодати, сколько было можно?» —Вотъ, подлинно, было бы трудное для насъ испытаніе! Но чего Онъ требуетъ? — Одного только искренняго исповѣданія, исповѣданія худыхъ нашихъ дѣлъ! Правда, оно должно быть отъ души, не на языкѣ только; ибо Господь знаетъ грѣхи наши и безъ насъ: ждетъ исповѣданія, какъ мы сами знаемъ ихъ? Но самое время говѣнія, по благодати Божіей, расположитъ къ тому, когда мы пожелаемъ и будемъ просить сего у Господа. Что значитъ недѣля въ нашихъ занятіяхъ и промыслахъ для того, чтобы пріобрѣсть душевную чистоту, спокойствіе совѣсти, увѣренность во спасеніи? Тѣ, которые отлагаютъ сіе далѣе и далѣе, за недостаткомъ якобы времени при другихъ упражненіяхъ, едва ли когда исполнятъ долгъ свой самымъ дѣломъ. Одно такое неусмотрѣніе въ цѣломъ году одной недѣли для души своей показываетъ что-то странное. Ето долженъ быть какой нибудь сокровенный извѣтъ самой души,

которая боится свѣта покаянія, *да не обличатся дѣла ея, яко лукава суть* [1]), да не обличатся предъ нею самою, такъ, что должно будетъ разстаться съ ними.

Если убо вожделѣнно вамъ душевное спасеніе; поспѣшите неотложно, Братія, снять съ пути покаянія всѣ препятствія. Другъ друга предупредите въ томъ. Слово Божіе особенно ублажаетъ тѣхъ, кто первѣе другихъ исполняетъ дѣла добрыя. Остальные изъ одного стыда не захотятъ остаться безъ исповѣди. Имъ будетъ стыдно дать другимъ понятіе о себѣ, что или они *не якоже прочіи человѣцы* [2]), или хотятъ быть во грѣхахъ. Нѣдра Церкви отверсты къ принятію. Отверсты объятія Отца Небеснаго. Ангелы ждутъ той радости, какую будутъ имѣть, когда увидятъ, что не одинъ грѣшникъ, — множество насъ, всѣ каемся. Сами всѣ мы возрадуемся о спасеніи своемъ. *И елицы правиломъ симъ жительствовать* будутъ, *миръ на нихъ и милость,* [3]) — благословеніе Божіе! Аминь.

[1]) Іоан. 3, 20. [2]) Лук. 18, 11. [3]) Гал. 6, 16.

БЕСѢДА

ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1829 года.

Желаете сегодня, Слушатели благочестивые, собесѣдовать о святомъ Причащенiи. Когда есть такое желаніе; то оно уже показываетъ расположенность вашу къ исполненiю того, о чемъ бесѣдовать надобно, къ самому т. е. причащенiю святыхъ Таинъ. И нѣтъ предмета столько для Христiанъ извѣстнаго и такъ всегда близкаго, какъ Таинство святаго Причащенiя. Когда ни бываете вы здѣсь за Божественною Литургiею; бываете при совершенiи Таинства Причащенiя, видите его и, безъ сомнѣнiя, столько же случаевъ имѣете размышлять о немъ. Ибо Литургiя не иное что есть, какъ совершеніе сего Таинства. Въ немъ состоитъ существенное наше Богослуженіе; прочiя молитвословiя, хотя также и въ церкви, въ вечеръ или утро исполняемыя, суть службы приготовительныя. Отъ чего же такъ существенно Таинство Евхаристiи въ Христiанскомъ Богослуженiи?—Отъ того, что сущность самаго Христiанства есть со стороны Божiей избавленіе рода человѣческаго отъ вѣчной смерти

смертію Единороднаго Сына Божія, а со стороны нашей исповѣданіе сего великаго таинства, — благодарное исповѣданіе всѣхъ великихъ благодѣяній къ намъ Божіихъ, запечатлѣнныхъ наипаче тою Божіею любовію, по которой Богъ *не пощадилъ и Единороднаго Сына Своего, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* [1]). А Таинство Причащенія заключаетъ въ себѣ воспоминаніе такого Божія благодѣянія, и должно быть благодареніемъ нашимъ, какъ то и называется оно иначе — *Евхаристіею*, что̀ на подлинномъ священномъ языкѣ значитъ *благодареніе*. Многими именами оно называется. Всѣ взяты съ дѣйствія Самого Спасителя нашего, когда Онъ совершилъ и предалъ Церкви Своей сіе Таинство. Извѣстно вамъ, что предъ страданіемъ Своимъ на послѣдней съ учениками вечери Іисусъ Христосъ принялъ въ пречистыя Свои руки хлѣбъ, показавъ оный Богу и Отцу, благословилъ, благодарилъ, освятилъ, преломилъ и подалъ ученикамъ Своимъ, какъ то самое Тѣло, которое вскорѣ раздроблено страданіями на крестѣ. Потомъ подалъ Онъ также и чашу съ виномъ, какъ чашу крови Своея. Почему и называется священнодѣйствіе Тѣла и Крови Христовой приношеніемъ, благословеніемъ, благодареніемъ, Святыми Тайнами, Преломле-

[1]) Рим. 8, 32.

ніемъ хлѣба и Причащеніемъ. Въ исполненіи сихъ самыхъ словъ, взятыхъ съ перваго дѣйствія Учредителя Тайны, состоитъ обрядъ Литургіи. Приносится Богу хлѣбъ и вино растворенное водою, въ изображеніе того хлѣба и вина, какіе приняты были въ пречистыя руки Спасителя и вознесены предъ Бога, какъ даръ. Надъ сими дарами, какъ надъ веществомъ, которымъ поддерживается истинная жизнь наша во Христѣ Іисусѣ, совершаемъ хвалу Богу въ пѣснопѣніяхъ нашихъ здѣсь. Надъ сими дарами благодаримъ Бога за всѣ Его благодѣянія, оказанныя въ сотвореніи насъ, въ помилованіи послѣ грѣхопаденія, въ дарованіи вещей, для бытія нашего потребныхъ, въ доставленіи средствъ, для души нашей нужныхъ, каковы напр. Божественное Откровеніе, служеніе Ангеловъ и пр., наипаче же— въ дарованіи намъ Единороднаго Сына Своего и въ удостоеніи насъ самаго сего служенія. Все исчисляется въ молитвахъ, кои приноситъ священнослужитель послѣ возглашенія къ вамъ: *благодаримъ Господа!*

Подлинно, когда мы, по выраженію Слова Божія, вмѣсто того, чтобы сказать, что имѣемъ или дѣлаемъ доброе, можемъ говорить, что то принимаемъ свыше; чувствіе благодаренія къ Богу должно быть безпрерывное и есть самое

приличное. Имъ начинали Св. Апостолы въ посланіяхъ своихъ всякое Христіанское ученіе [1]). Но что же было бы и всякое наше благодареніе предъ Богомъ, если бы мы приносили его сами по себѣ? Пріятно ли и намъ приношеніе отъ человѣка намъ враждебнаго? Вѣчная Святость не можетъ имѣть общенія съ грѣшниками. Но Единородный Сынъ Божій Самъ сдѣлался посредникомъ между Богомъ и нами; Самъ Себя принесъ въ жертву умилостивленія Богу, умершн за весь родъ человѣческій, или лучше, симъ священнодѣйствіемъ человѣчества Своего отъ источника жизни Божества Своего подалъ жизнь всему роду человѣческому. Что-жъ убо истинное Христіанское благодареніе или Богослуженіе? — Воспоминаніе, Братія, того спасительнаго священнодѣйствія Христова, благодареніе наше за сей наипаче даръ, съ которымъ открыто сопряжена увѣренность, что если Богъ *Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Имъ вся намъ дарствуетъ* [2])? И воспоминаніе, Слушатели, такъ приблизилъ ко всѣмъ намъ Божественный Спаситель, что время не удаляетъ и насъ отъ самаго источника спасенія нашего. И теперь, какъ

[1]) Пет. 1: 1, 3. Рим. 1, 8. Кор. 1: 1, 4. Ефес. 1, 3. Кол. 1, 3. Фил. 1, 3. Сол. 1: 1, 2. [2]) Рим. 8, 32

первымъ послѣдователямъ Своимъ, представителямъ помилованнаго человѣчества, вопіетъ Онъ: *пріимите, ядите: сіе есть Тѣло Мое. Пійте отъ нея вси: сія есть Кровь Моя — во оставленіе грѣховъ. Сіе творите въ Мое воспоминаніе. Елижды бо аще сте хлѣбъ сей, и чашу сію піете*, изъясняетъ Св. Апостолъ, принявъ также отъ Самого Господа, *смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ* [1]). Кратки слова: но они, какъ видите, составляютъ существо всего нашего Богослуженія, существо Христіанства. Принимаемъ ли мы слова сіи такимъ образомъ, Христіане, находясь при Богослуженіи? Чувствуемъ ли, что ко всѣмъ изъ насъ вопіетъ Спаситель: *пріимите, ядите, пійте отъ нея вси — во оставленіе грѣховъ?* Что душа твоя чувствуетъ въ каждый разъ, при такомъ приглашеніи? Воспоминаетъ ли она спасительное страданіе Христово и за тебя? Когда не выходишь ты отсюда съ оглашенными, и однако-жъ не приступаешь къ Таинству съ вѣрными; причащаешься ли въ каждый разъ хотя произволеніемъ или желаніемъ, какъ говоритъ Св. Златоустый? Жалѣешь ли по крайней мѣрѣ о своей неготовности? Освящаешься ли, какъ говоритъ тотъ же святый учитель, самыми

[1]) Кор. 1: 11, 24. 25. 26.

молитвами, при совершеніи Таинства приносимыми?

А были времена, Христіане, когда всѣ присутствующіе во храмѣ при Божественной Литургіи, всѣ безъ изъятія приступали ко святой Тайнѣ. Быть на Литургіи значило быть у святаго Причастія, какъ видно изъ описанія собраній Христіанскихъ у Св. Павла въ посланіи къ Коринѳянамъ [1]), и лишеніе Причастія было истиннымъ наказаніемъ. Св. Мученикъ Іустинъ, писатель втораго вѣка, говоритъ, что были у Христіанъ, кромѣ особенныхъ случаевъ, непремѣнныя собранія всѣхъ въ городѣ и по селамъ въ каждый воскресный день, что всѣ причащались Св. Евхаристіи, что она, по окончаніи Богослуженія, Діаконами относима была и къ тѣмъ изъ Христіанъ, которые не могли быть въ собраніи, находясь въ темницахъ или на одрахъ болѣзни. То же обыкновеніе продолжалось въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ столѣтіи, какъ видно изъ писаній Св. Отцевъ Церкви, хотя въ большихъ городахъ, каковъ наприм. Константинополь, конечно, по разсѣянности жизни, и упадало уже сіе святое обыкновеніе, какъ нерѣдко имѣлъ случай съ жалобою говорить Св. Златоустъ. Впрочемъ, изъ бесѣдъ сего святаго учителя видно, что Хри-

[1]) Кор. 1: 11, 17, 20, 22, 33.

стіане приступали ко святому Причащенію по крайней мѣрѣ въ великіе праздники, какъ и упоминается у Св. Златоуста о томъ при праздникѣ Крещенія Господня, Св. Пасхи, Великаго Четвертка. Памятникомъ необходимости и учащенія святой Евхаристіи остается донынѣ Литургія, такъ называемая *Преждеосвященныхъ*, въ среды и пятки Великаго поста совершаемая. Поелику время Великаго поста не дозволяетъ въ другіе дни, кромѣ праздничныхъ, совершать Литургіи полной, такъ какъ во время духовнаго сѣтованія или покаянія, каково есть время поста, не можетъ быть дозволено даже и духовное торжествованіе, каковымъ по справедливости почитается Литургія въ полномъ ея чинѣ; а молитвенное терпѣніе Христіанъ требуетъ частѣйшаго духовнаго подкрѣпленія хлѣбомъ жизни: то и установленъ съ самыхъ Апостольскихъ временъ обрядъ Причащенія святыми Тайнами *Преждеосвященными*.

Такъ говоритъ исторія Христіанства. Мы говоримъ нынѣ къ вамъ, Христіане, что единожды въ годъ всѣ вы должны пріобщиться святыхъ Таинъ. Представьте же себѣ: если бы кто возвратился въ нашъ вѣкъ изъ скончавшихся въ первые вѣки Христіанъ, и услышалъ у насъ такое ученіе; онъ изумился бы и сказалъ: «Господи

Боже! что теперь говорятъ въ церквахъ? Говорятъ, чтобы единожды въ годъ Христіанамъ пріобщаться? Сообразно ли такое ученіе съ древнимъ, когда требовалось столь частое пріобщеніе?» Такъ, Братія мои, сдѣлалъ бы древній Христіанинъ упрекъ самому ученію нашему къ вамъ. Но мы вынуждены были бы сказать ему, что и однократнаго въ году пріобщенія исполнить не могутъ, не хотятъ нѣкоторые изъ нынѣшнихъ Христіанъ, а нѣкоторые и совсѣмъ не имѣютъ въ Богослуженіи своемъ святаго Причастія. Что же тутъ за Христіанство?—сказалъ бы мужъ праведный, разумѣющій всю важность дѣла.

Дѣйствительно, Слушатели, сколь ни тяжко слово сіе, къ сожалѣнію, оно было бы самое справедливое. *Аще кто духа Христова не имать, сей нѣсть Егова*, не Христовъ, не Христіанинъ, говоритъ Св. Апостолъ [1]). Трупъ безъ души уже не живетъ. Какъ же духъ Христовъ можетъ пребывать въ насъ и оживотворять? — о семъ Самъ Спаситель сказалъ такъ: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ* [2]). Далѣе изъясняетъ Господь слово Свое подобіемъ пищи и питія, т. е. какъ пища и питіе поддерживаютъ обыкновенную жизнь человѣка, и неупотребленіе ихъ неминуемо вело бы

[1]) Рим. 8, 9. [2]) Іоан. 6, 56. 53. 54. 55.

къ прекращенію жизни: такъ *плоть Моя*, говоритъ Христосъ, *истинно брашно есть, и кровь Моя истинно есть питіе. Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день. И хлѣбъ егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть. Аминь, аминь глаголю вамъ*, подтверждаетъ Христосъ, *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ.* Ясно. Говорить болѣе нѣтъ нужды, когда вы вѣруете словамъ Господа. Иначе значило бы сказывать людямъ, что, если вы хотите быть живыми, то употребляйте пищу и питіе; въ противномъ случаѣ вы умрете. Нужно ли ето доказывать? Такъ излишне было бы доказывать и то, что сказалъ Спаситель о брашнѣ и питіи духовномъ, о Тѣлѣ и Крови Своей. Тѣ, которые хотятъ опредѣлять все и въ дѣлахъ Божіихъ собственнымъ умомъ, не примѣчаютъ, *како могутъ сія быти* [1])?— и недоумѣваютъ, *како можетъ Сей намъ дати плоть Свою ясти* [2])? Возлюбленный! Спасителю лучше нашего представлялось затрудненіе для разума въ семъ и подобныхъ установленіяхъ: посему не могъ ли бы Онъ не подвергнуть тебя такимъ недоумѣніямъ, если бы не было дѣло сообразно истинной пре-

[1]) Іоан. 3, 9. [2]) 6, 52.

мудрости Божіей? Почему не спросишь ты: не могъ ли бы Господь такъ устроить природу нашу, чтобы она не требовала поддержанія ее и тѣми простыми способами, кои требуютъ изнурительнаго труда и безпрерывнаго возобновленія? Однако же, когда тотъ законъ питанія положенъ не въ камняхъ, не въ другихъ какихъ либо неиждиваемыхъ вещахъ, но въ пищѣ слабой; кто сталъ бы разсуждать, почему ето такъ? Наипаче же въ дѣлахъ духовной нашей природы мы не можемъ опредѣлять, чему какъ быть? Въ томъ ли недоумѣніе, что духовное брашно и питіе подаются подъ видами обыкновенными? Сего требовала немощь собственныхъ нашихъ чувствъ, кои не могли бы принять пищи и питія не въ видѣ брашна и питія. Записанъ въ исторіи случай, что нѣкто желалъ явственно того, какъ виды сіи называются: явилось тѣло; но причастникъ не могъ принять его, и съ раскаяніемъ о своей дерзости просилъ Бога о преложеніи Тѣла въ тотъ самый видъ, въ какомъ угодно Господу преподавать намъ Тѣло Свое, и потомъ съ радостію причастился, когда сдѣлалось по молитвѣ все въ томъ видѣ, въ какомъ быть Причастію назначено. Требуютъ иные пріобщенія только духовнаго: все въ тебѣ, Христіанинъ, освящено, не душа только, но и тѣло. Въ видимомъ преподано брашно,

о коемъ *глаголы духъ суть и животъ суть* [1]), брашно и для духовной и для тѣлесной природы, такъ какъ и Богъ Слово сталъ для насъ плотію, когда совершалъ тайну избавленія.

Пристойнѣе намъ и гораздо нужнѣе входить въ размышленіе о томъ наипаче, какіе спасительные плоды происходятъ для насъ отъ Таинства Причащенія? *Елиждьі аще ясте хлѣбъ сей, и чашу сію піете, смерть Господню возвѣщаете*, говоритъ Слово Божіе [2]). Воспоминаемъ во святой Евхаристіи смерть Христову. Всѣ Христіане читаютъ въ Символѣ Вѣры и знаютъ, что Сынъ Божій распятъ за насъ, страдалъ и погребенъ. Довольно ли однако-жъ устнаго или историческаго только воспоминанія о семъ, какъ напр. воспоминаемъ иныя дѣла древнія? Иныя событія могутъ быть воспоминаемы потомками, какъ древнія, какъ чужія, по крайней мѣрѣ какъ событія отеческія; воспоминать спасительное событіе искупленія рода человѣческаго такимъ образомъ не довольно: ибо всякъ изъ насъ собственною вѣрою, а не чужою спасается. Какъ ни вѣруютъ другіе, или какъ ни вѣровали первые увѣровавшіе во Христа: ихъ вѣра вмѣнилась въ правду имъ; намъ надобно имѣть свою. Гражданское спасеніе, напр. спасеніе отечества отъ враговъ, могло быть совер-

[1]) Іоан. 6, 63. [2]) Кор. 1: 11, 26.

шено предками и за потомковъ: спасеніе душевное не можетъ. Ибо каждый изъ насъ самъ по себѣ находится въ томъ состояніи, отъ котораго спасаться намъ должно, т. е. въ состояніи грѣха и смерти; если каждый самъ избыть ихъ не попечется. Для сего-то Спаситель нашъ не удовлился тѣмъ, какъ сказали мы прежде, что пролилъ за насъ кровь Свою на крестѣ: Онъ оставилъ ее для каждаго изъ вѣрующихъ, до конца вѣка быть имѣющихъ. Для сего-то, скажемъ здѣсь, дабы воспоминаніе искупленія было всегда живо и дѣйственно, мы должны приступать къ дѣйственному воспоминанію искупленія. Называется сіе Пріобщеніемъ или Причастіемъ: пріобщаемся Тѣлу и Крови Христовой, усвоиваемъ т. е. себѣ спасительныя страданія Христовы, и соединяемся съ Самимъ Іисусомъ Христомъ, такъ, какъ соединяются члены съ главою своею посредствомъ оживляющаго ихъ духа жизни. Какъ пища и питіе обыкновенныя обращаются въ питаніе тѣла; такъ брашно и питіе духовныя обращаются въ питаніе души, или какъ сказалъ Апостолъ, *творятъ возращеніе* [1]), — и не только въ собственной твоей природѣ, но и во всемъ таинственномъ тѣлѣ Христовомъ, каковымъ называется повсемѣстное общество Христіанъ [2]). Если будетъ съ живою

[1]) Ефес. 4, 16. [2]) Кор 1: 12, 12.

вѣрою воспоминаніе смерти Христовой; *вы нѣсте*, говоритъ Св. Апостолъ, *во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще же Христосъ въ васъ, плоть убо мертва грѣхи ради, духъ же живетъ правды ради* [1]). Съ тѣмъ вмѣстѣ получается живая увѣренность въ любви къ намъ Божіей и наше къ Богу дерзновеніе, въ которомъ сердце разумѣетъ Бога Отцемъ своимъ, по слову Апостольскому, съ такимъ же услажденіемъ, съ какимъ дитя привержено къ своему родителю [2]). Съ тѣмъ вмѣстѣ возвышаются наши чувства, очищаются помышленія, самую плоть проникаетъ спасительный страхъ, что мы уже не свои, но члены тѣла Христова. Слѣдственно, какъ же мнѣ взять члены Христовы, разсуждаетъ Христіанинъ, и сотворить ихъ удами неправды въ беззаконіе [3])? Всѣ же такія и подобныя дарованія или утѣшенія во Христѣ увѣнчаваются живымъ упованіемъ жизни вѣчныя.

Правда, спасительныя дѣйствія Пріобщенія бываютъ тогда, когда кто приступаетъ къ нему съ испытаніемъ себя, съ должнымъ вниманіемъ: иначе, *ядый и піяй недостойнѣ, не разсуждая* или не уважая *Тѣла и Крови Господни*, не только не получаетъ плода, но и *судъ себѣ*

[1]) Рим. 8, 9. 10. [2]) 8, 15. 16. [3]) 6, 19. 15.

ясть и піетъ, по Слову Божію [1]). Отъ сего бываетъ самое ужасное нарушеніе совѣсти; а отъ него проистекаютъ самыя плачевныя послѣдствія. Но сія-то самая внимательность, которая должна быть, уже весьма много отняла бы у насъ поползновеній ко грѣху. Съ какими чувствіями, съ какою осторожностію проводите вы недѣлю, въ которую готовитесь къ Причащенію! Сколько прошло бы недѣль въ такомъ Христіанскомъ расположеніи духа, если бы вы помышляли, что скоро будетъ день, въ который не только надобно идти въ церковь, но и приступить къ Пріобщенію! Столько ли кто будетъ дерзокъ, чтобы, по Причащеніи, не остерегся отъ грѣховъ съ особенною внимательностію, хотя на нѣкоторое время? Вотъ опять пріобрѣтено время для Бога и твоего спасенія! Въ такомъ, Слушатели, расположеніи духа проходила жизнь Христіанъ первыхъ вѣковъ, когда они часто пріобщались. Съ опущеніемъ сего стало слабѣть Христіанство въ дѣлахъ благочестія; вмѣсто духовныхъ утѣшеній умножились чувственныя. Обязанности мірскаго приличія, часто пустыя, но самыя обременительныя, заступили мѣсто исполненія обязанностей по Христіанству. Не сдѣлать поклона извѣстнымъ лицамъ въ извѣстное время сдѣлалось не

[1]) Кор. 1: 11, 27. 29.

простительнымъ упущеніемъ; а оставить принести подобающую честь и поклоненіе Господу Богу исполненіемъ спасительныхъ Его учрежденій сдѣлалось почти непримѣчательнымъ.

Приличенъ вѣку просвѣщенному союзъ взаимныхъ нашихъ отношеній другъ къ другу: но наипаче не должно терять союза между собою Христіанскаго. Внѣшній часто состоитъ только въ учтивости, покрывающей расположенія души совсѣмъ другія. Союзъ духовный, союзъ сердецъ Христіанскихъ—кто не одобрилъ бы его? Онъ созидается, держится и укрѣпляется общеніемъ нашимъ въ дѣлахъ благочестія. Когда видимъ мы другъ друга здѣсь, въ храмѣ Божіемъ, на общей молитвѣ; когда знаемъ, что тотъ или другой согражданинъ держится тѣхъ же самыхъ заповѣдей Божіихъ, какими руководствуются и другіе, чаетъ съ нами равно будущей жизни: не можемъ не чувствовать связи между собою самой крѣпкой. Сей-то союзъ въ жизни духовной составляетъ самое видимое общеніе наше, когда мы всѣ къ единой трапезѣ Христовой приступаемъ, всѣ отъ единаго хлѣба и чаши причащаемся, какъ говоритъ Апостолъ, выводя изъ того самую тѣсную Христіанскую связь и убѣждая хранить ее. Не видите ли, сказалъ бы и самый невѣрный, незнающій нашихъ Таинствъ,

что, когда Христіане приступаютъ ко святому Причащенію, всѣ составляютъ какое-то единое семейство. Сіе семейство — Отца Небеснаго, то именно собраніе людей, среди котораго присутствовалъ Самъ Христосъ и *познавался въ преломленіи хлѣба*. И Церковь увѣряется въ союзѣ твоемъ съ нею, когда видитъ тебя окрестъ трапезы сея; и всякой изъ насъ увѣряется въ братствѣ другъ со другомъ, когда видитъ другъ друга за сею трапезою, когда видитъ, что тотъ или другой изъ насъ знаетъ Христіанство, и подвергаетъ совѣсть свою суду, или лучше, оправданію Божію въ принятіи страшныхъ пречистыхъ Таинствъ Христовыхъ! Такимъ союзомъ крѣпко было первое Христіанство. Такимъ союзомъ питалась удивительная любовь и взаимная общительность въ немъ. Возникали между первыми Христіанами какія либо взаимныя непріятности (гдѣ и когда не могли онѣ быть?),— онѣ не застарѣвались, тотчасъ рушились и обращались въ случаи взаимнаго прощенія и новаго единенія, когда предъ временемъ приближенія ко святому Причастію, воспоминая слова Спасителя о прощеніи обидъ, Христіане, приступая къ Самому Іисусу Христу, повергались другъ предъ другомъ съ такимъ или подобнымъ чувствіемъ: «прости, возлюбленный братъ, мое ос-

корбленіе тебѣ, якоже и Господь простилъ обоимъ намъ!»—«Какъ приступлю къ *чашѣ общенія* и оставленія грѣховъ моихъ и я,» сказалъ бы тотъ, «когда бы не желалъ оставить тебѣ долгъ твой, который впрочемъ, по множеству собственныхъ моихъ долговъ предъ Отцемъ Небеснымъ, убѣждаетъ меня просить тебя наипаче о прощеніи мнѣ,—мнѣ, который собственною неустроенною жизнію подалъ поводъ къ твоему оскорбленію!» Представьте себѣ, Слушатели, на что̀ тогда походило собраніе Христіанъ, когда стояли въ немъ всѣ съ тѣмъ, чтобы всѣмъ пріобщиться? Послѣ возглашенія: *возлюбимъ другъ друга!*— возглашенія, которое остается у насъ только въ словѣ, едва внимаемомъ, тогда дѣйствительно всѣ обращались другъ ко другу съ лобзаніями мира и взаимными объятіями. Нарушеніе молитвенной тишины въ храмѣ Божіемъ самое прекрасное! Нѣтъ его. Оно вывелось изъ обычая; оно уже и не можетъ быть, когда нѣтъ причастниковъ! По крайней мѣрѣ, когда вы присутствуете здѣсь при жертвѣ мира, воспоминайте, Братія, ходатайство ея у васъ о взаимномъ другъ ко другу миролюбіи, воспоминая златыя времена общительности Христіанской, — и съ миромъ исходите отсюда, какъ и напутствуетъ васъ желаніемъ симъ Церковь при окончаніи Литургіи.

При такихъ благотворныхъ дѣйствіяхъ, при такихъ намѣреніяхъ учрежденія, при такой силѣ Таинства Пріобщенія, о чемъ же говоримъ вамъ, Возлюбленные? О томъ, чтобы вы хотя единожды въ годъ приступали ко святому Причащенію! Пищею обыкновенною каждодневно насыщаемся: единожды въ годъ вкусите брашно духовное. Пусть хотя единожды освятится годичное кругообращеніе времени жатвою плода духовнаго, возсіяніемъ въ душахъ вашихъ Солнца правды. Все въ видимой природѣ во свое время обновляется: зима проходитъ, земля одѣвается растеніями, дерева украшаются плодами; солнце оживляетъ все. Все ето для тебя, человѣкъ, для твоего употребленія и утѣшенія: и никто еще не сыскался, кто захотѣлъ бы отказываться отъ употребленія даровъ Божіихъ въ природѣ вещей. Но тотъ же Богъ, Который далъ столько даровъ, подалъ намъ еще единый и единственный даръ. Тотъ же гласъ, который сказалъ: *да произраститъ земля быліе травное*, — и оно произрастаетъ, тотъ же гласъ, который сказалъ: *да будетъ свѣтъ*,— и бываетъ, тотъ же гласъ сказалъ: *сіе есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя*, тотъ же гласъ сказалъ: *пріимите, ядите, пійте отъ нея вси*! Не находимъ ли времени въ цѣломъ годичномъ кругообращеніи, дѣйствительно, воспомя-

нуть тотъ малый часъ, на который какъ бы единый приходилъ на землю Сынъ Божій, — часъ смерти Его, и, вмѣсто другихъ обыкновенныхъ даровъ, принять, воспользоваться новымъ и единственнымъ даромъ, — даромъ самаго Тѣла Его и Крови? Апостолъ сказалъ о Богѣ Отцѣ, что *Иже Единороднаго Сына Своего не пощадѣ, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его, како убо не и съ Имъ вся намъ дарствуетъ?* Подобно можно сказать о Самомъ Сынѣ, что Тотъ, Кто предалъ намъ самое Тѣло и Кровь Свою, ни въ чемъ не откажетъ намъ по любви Своей!

Время для принятія единственнаго дара Божія уже найдено, Братія! Мы уже видѣли прежде, что первые Христіане принимали святые Дары Христовы во всѣ воскресные дни, потомъ въ великіе праздники, когда особеннѣйшее творится воспоминаніе чего либо изъ земной жизни Спасителя: святая Четыредесятница всегда была нарочитымъ для сего временемъ, какъ то свидѣтельствуетъ и Литургія *Преждеосвященныхъ*, въ постъ совершаемая. Говоря о покаяніи, мы сказали, какъ оно прилично настоящему времени и удобно; то же сказать надобно и въ разсужденіи святаго Причащенія. Очищаясь постомъ и молитвами, мы имѣемъ болѣе удобства приступить къ престолу благодати съ возможнымъ разсужде-

ніемъ или благоговѣніемъ. Съ Покаяніемъ соединиться должно и Причащеніе. Нельзя удовлиться только однимъ первымъ, какъ нѣкоторые думаютъ. Ибо какъ для больнаго не довольно только принять врачество противъ болѣзни; надобно принять и средства къ возобновленію или укрѣпленію силъ: такъ Покаяніе можно уподобить врачествамъ, брашно и питіе духовныя — средствамъ укрѣпленія силъ. Во святую Четыредесятницу творится нарочитое воспоминаніе страданій и смерти Христовой; предъ ними было установлено Господомъ Таинство Евхаристіи. Посему тѣмъ полнѣе сотворимъ мы воспоминаніе о установленіи при томъ Таинства и спасительной смерти Господа, когда истинно исполнимъ воспоминаніе дѣломъ! За временемъ покаянія наступитъ торжество. Вы услышите предъ Пасхою Апостольское благовѣстіе: *яко пасха наша за ны пожренъ бысть, Христосъ.* Душа Христіанская должна будетъ скорбѣть, если она не вкуситъ отъ сей истинной пасхи. *Отцы ваши*, говорилъ Христосъ Іудеямъ, *ядоша манну въ пустыни, и умроша. Но Отецъ Мой даетъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесе,—даяй животъ міру. Азъ есмь хлѣбъ животный* [1]). То же самое слово Христово еще болѣе приложить должно будетъ

[1]) Іоан. 6, 49. 32. 33.

и къ намъ, Христіане, когда пасху нашу составятъ только брашно и питіе, а не хлѣбъ животный. Впрочемъ, вы знаете, что не причаститься даже на святую Пасху — почитается въ правилахъ Св. Церкви за самое тяжкое духовное наказаніе: и самъ ли кто себѣ сдѣлаетъ такое наказаніе?

Когда говорятъ намъ о пріятностяхъ чувственныхъ; раждается отъ слушанія желаніе тѣхъ пріятностей. Чувствуете ли вы подобный позывъ, когда говоримъ о сладостяхъ духовныхъ? Если такъ; то чувство для нихъ не закрыто. Если нѣтъ; то надобно молиться Богу, чтобы Онъ раскрылъ наше чувство сердца. Примѣчено, что нѣкоторые, повидимому, и имѣютъ такое чувство, но съ чрезмѣрною, такъ сказать, нѣжностію. «Я не достоинъ!» такъ говорятъ многіе. «Какъ мнѣ приступить?» Истинно ли ты съ чувствомъ сожалѣнія о своемъ недостоинствѣ говоришь такимъ образомъ? спросилъ бы я разсуждающаго такимъ образомъ. Если нѣтъ; то ето извѣтъ, чтобъ только уклониться отъ Причащенія. Если истинно; то такое-то именно чувствіе, въ сопряженіи съ горячимъ желаніемъ Пріобщенія, и есть расположеніе души самое нужное для Пріобщенія. Нельзя сказать иначе никому никогда: «я достоинъ». Ето было бы расположеніе

души самое недостойное. *Пѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши,* говорилъ нѣкто Іисусу Христу въ Евангеліи; и Христосъ Самъ вызвался идти къ нему. Какое же иное исповѣданіе сердца и долженъ всякій изъ насъ принести предъ Причащеніемъ, если не то же, какое повторяли и Св. Василій Великіе, и Златоусты? «Пѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши; вѣмъ, яко недостоинъ причащаюся. Вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ, Сынъ Бога живаго, пришедый въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ," говорили они. Никто никогда не можетъ очиститься до такой степени, чтобы могъ соотвѣтствовать чистотѣ Божества. Конечно, страшно приступить безъ испытанія себя, не разсуждая Тѣла и Крови Господни; сіе значило бы, по слову Апостола, *судъ себѣ ясть и пить:* но, при такихъ чувствіяхъ недостоинства, когда ты желаешь очищенія; то для сего-то и приступи, чтобы очиститься и освятиться. Св. Тайны и подаются *во оставленіе грѣховъ.* При томъ, когда духовный отецъ, которому ты чистосердечно открылъ свою совѣсть, не возбранилъ тебѣ Пріобщенія, но и еще убѣждалъ къ Пріобщенію, то за симъ оставаться тебѣ еще со своимъ разсужденіемъ было бы уже грѣхъ, грѣхъ не-

вѣрія силѣ Таинства Покаянія, которое вручено свыше строителю Таинъ.

Есть люди совсѣмъ другаго расположенія, — люди, о которыхъ, подлинно, нельзя не поболѣть душею, сколько они заблуждаютъ въ мысляхъ! Удалившіеся отъ Церкви совсѣмъ не причащаются, и не имѣютъ Причастія, даже утверждаютъ, что нѣтъ его нигдѣ. Нѣтъ у нихъ, нѣтъ нигдѣ, — вотъ ихъ разсужденіе! Каково-жъ оно? Спаситель, установивъ Тайну Причащенія, заповѣдалъ совершать ее, какъ говоритъ Апостолъ, *доньдеже пріидетъ*, т. е. до самаго втораго пришествія Своего. Не говорятъ и тѣ люди, что Христосъ уже пришелъ; но говорятъ, что Св. Причастія уже нѣтъ. Кому же вѣрить? Словамъ ли ихъ, *хотя бы*, по слову Апостольскому, *и Ангелъ благовѣстилъ* оныя, или словамъ Апостола и Самого Спасителя? Какъ же, говорятъ имъ, не исполнять вамъ такого установленія Спасителева, каково Причащеніе? «Мы исполняемъ, отвѣтствуютъ опять, какъ исполняли древніе пустынники, Петръ Аѳонскій, Онуфрій Великій, Марія Египетская и другіе, которые въ уединеніи своемъ по нѣскольку лѣтъ не видалися съ людьми, принимали однако-жъ святое Причастіе отъ рукъ Ангеловъ.» Что вы говорите? Святые Отцы велятъ приступать, и сами приступали ко св. Причащенію не иначе,

какъ съ исповѣданіемъ крайняго недостоинства, съ исповѣданіемъ грѣховности своей до того, что каждый считалъ себя первымъ изъ грѣшниковъ; а вы говорите, что вы непричащеніемъ своимъ подражаете первымъ въ Христіанскомъ мірѣ по подвижничеству праведникамъ! Марія Египетская во время молитвы своей видѣна была стоящею на нѣкоторой высотѣ отъ земли, ходила ногами по поверхности водъ: сему ли Ангелу во плоти вы себя уподобляете? Но и Св. Марія предъ кончиною причастилась отъ рукъ старца, который посланъ былъ по судьбамъ Божіимъ для ея погребенія. Можно ли, впрочемъ, случаи чудесные жизни необыкновенной брать за правило для всѣхъ? Тѣ, которые удалились отъ міра, хотя отнюдь никогда не удалялись духомъ своимъ отъ Церкви, безъ пищи по многу времени жили; одинъ финикъ питалъ инаго: такъ ли мы живемъ? Напротивъ, не лучше ли бы намъ брать примѣръ для себя, хотя также великій, однако-жъ наиболѣе обыкновенный, — брать примѣръ съ тѣхъ пустынниковъ, которые, удаляясь въ уединеніе отъ общежитія, за правило имѣли приходить на праздничные дни въ собраніе собратства для общей молитвы и для принятія святаго Причастія!

Но едва не уклонился я отъ васъ, любезные Собратія мои, въ чувствѣ моего попеченія и о тѣхъ, которые не суть отъ двора сего, которые не ходятъ съ нами единомыслiемъ въ домъ Божій, и живутъ безъ хлѣба животнаго, одобряя свою мертвенность даже для другихъ! Впрочемъ, и всѣмъ намъ забывать такихъ людей не надобно, наипаче, когда, соединясь со Іисусомъ Христомъ при чашѣ общенія, не видите здѣсь нѣкоторыхъ ближнихъ своихъ, нѣкоторыхъ собратій своихъ. Паче же всего сами, Православные, да приступаемъ всѣ ко святому Причастію неопустительно. Собственнымъ примѣромъ, когда т. е. и чуждающіеся насъ увидятъ, что всѣ мы до единаго причащаемся ежегодно, внушимъ имъ понятіе о необходимости такого долга Христіанскаго. Наша холодность еще болѣе укоренитъ ихъ въ ихъ равнодушіи. Пусть сдѣлается у насъ общимъ чувствомъ то, что нельзя быть Христіанину безъ Причащенія. Такое чувствіе можетъ возбудить и въ удаляющихся отъ Церкви сперва вниманіе, потомъ и подражаніе. А Господь Богъ всегда готовъ съ Божественною Своею радостію принять и удалившихся, и подать всѣмъ вамъ за любовь къ нимъ благословеніе Свое. Аминь.

БЕСѢДА

ВО ВТОРУЮ НЕДѢЛЮ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1842 года.

Глаголаше имъ слово. Мар. 2, 2.

Возвратитесь вниманіемъ вашимъ, Братія, къ Божественному слову, которое предложено было сегодня въ Евангельскомъ чтеніи,—къ слову объ отпущеніи грѣховъ. Во время общаго покаянія особенно нужны намъ такіе уроки. Даже по нѣкоторой особенности случая, описываемаго тамъ, нельзя было не обратить намъ къ нему такого вниманія, которое тотчасъ, думаю, готово возвратиться къ чтенію. Сказывалось о несчастномъ человѣкѣ, о разслабленномъ, котораго носили чужія руки, и для котораго рѣшилась сострадательность послужить наконецъ необыкновеннымъ, даже страннымъ образомъ.

«Господь Іисусъ, пришедъ въ Капернаумъ, предлагалъ въ домѣ слово Свое къ народу, котораго тотчасъ, лишь стало быть извѣстно о томъ, собралось такъ много, что нельзя было всѣмъ помѣщаться и при дверяхъ: вдругъ сверху на среду

собранія опускаютъ лежащаго на одрѣ больнаго. Люди, которые носили разслабленнаго, не имѣя возможности пройти дверью, поспѣшили взобраться на верхъ дома, и сдѣлавъ отверстіе въ крышѣ, свѣсить человѣка оттуда предъ лице Врача душъ и тѣлесъ.» Что же дѣлаетъ, что говоритъ при семъ случаѣ Господь Іисусъ? Какъ смотрѣли на то бывшіе при семъ люди? Какое должны извлекать изъ событія назиданіе мы, Христіане,— вотъ предметъ, въ который надобно, говорю, намъ вникнуть нынѣ ближе.

Видѣвъ же Іисусъ вѣру ихъ, — написано во святомъ Евангеліи далѣе сказаннаго теперь,—*глаголa разслабленному: чадо, отпущаются тебѣ грѣси твои.* Не того, кажется, желали недужный и носившіе его; не того ждали и присутствовавшіе тогда люди. Всѣ, безъ сомнѣнія, ожидали исцѣленія отъ болѣзни; а Врачъ сказалъ недужному почти такъ: «успокойся въ совѣсти твоей, и съ твердою, съ чистою душею надѣйся лучшей жизни въ иномъ мірѣ!» Слово о кончинѣ, Братія, конечно, таково, что оно сегодня, или завтра, или когда нибудь не вдолгѣ должно непремѣнно со всякимъ исполниться; но нѣкоторые изъ бывшихъ въ домѣ книжниковъ, слыша, что такимъ рѣшительнымъ и властнымъ образомъ говорилось теперь о душевной судьбѣ человѣка, по-

думали про себя объ Іисусѣ Христѣ: *что сей тако глаголетъ хулы? Кто можетъ оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ?* Думали про себя такимъ образомъ люди, которые еще не вѣровали тогда въ Господа Іисуса Христа, какъ Бога. Что же Господь? — *И абіе разумѣвъ Іисусъ духомъ Своимъ,* сказуется далѣе, *яко тако тіи помышляютъ въ себѣ, рече имъ, что сія помышляете въ сердцахъ вашихъ?* При такихъ словахъ слушатели Христовы невольно уже должны были почувствовать, что говорилъ теперь, дѣйствительно, Сердцевѣдецъ. Господь продолжалъ: *что́ есть удобѣе, рещи разслабленному: отпущаются тебѣ грѣси, или рещи: востани, и возми одръ твой, и ходи?* Если бы вопросъ сей касался въ самомъ дѣлѣ человѣка или человѣковъ; то одно другаго въ немъ, подлинно, было бы неудобнѣе. Сказать, конечно, легко все; но что слово безъ дѣла? Что въ словѣ: *востани, возми одръ твой и ходи;* когда-бъ разслабленный не могъ встать и начать ходить? «Но вы сами думаете,—какъ бы такъ говорилъ теперь Господь къ слушателямъ Своимъ еще далѣе,—вы сами думаете, и думаете справедливо, что никто, кромѣ Бога, не можетъ отпускать грѣховъ. А грѣхи-то и причиною того несчастія, въ какомъ видите вы лежащаго предъ вами человѣка. Почему я и обращаюсь прямо къ

самому источнику злополучія, къ уничтоженію грѣховъ. Можно-бъ, даже надобно бы и удовлетвориться врачеваніемъ ихъ собственно, оставя тѣло, какъ и сказано было сейчасъ людямъ, которые столько полагали во Мнѣ надежды, столько трудились для разслабленнаго, взносили его на крышу, разбирали покровы дома, съ тѣмъ, чтобъ больный получилъ исцѣленіе тѣлесное. О цѣленіи душевномъ никто не помышлялъ и не думаетъ, между тѣмъ какъ грѣховное состояніе по душѣ несравненно тяжестнѣе всякаго видимаго тѣлеснаго недуга, и есть, повторяю, причиною самой болѣзни. Впрочемъ, дабы вы не остались въ тѣхъ мысляхъ,—еще изъясненіе словъ Господа, — что слово Мое: *отпущаются грѣси*, безъ силы и дѣйственности, Я присовокупляю и врачеваніе тѣлесное, въ свидѣтельство и опытъ исцѣленія душевнаго. *Но да увѣсте*, написано слово въ слово въ Евангеліи, *яко власть имать Сынъ Человѣческій на земли отпущати грѣхи: глаголя разслабленному: тебѣ глаголю, востани и возми одръ твой, и иди въ домъ твой.*» Извѣстно, Слушатели мои, что слово сіе было тотчасъ дѣломъ. *И воста абіе, и вземъ одръ, изыде предъ всѣми*, сказано о разслабленномъ въ заключеніе: все кончилось общимъ отъ всѣхъ прославленіемъ Бога и Господа нашего Іисуса Христа.

Таковъ общій смыслъ читаннаго сегодня Евангелія: и какія въ немъ полезныя для насъ, утѣшительныя истины, Братія! Прежде всего Таинство Покаянія, къ которому прибѣгаемъ мы въ нынѣшнее постное или въ иное какое либо время, представляется для насъ при настоящемъ случаѣ во всей своей Божественной и спасительной силѣ, въ опытѣ! Ему именемъ Своимъ повелѣлъ быть навсегда въ Церкви, въ немъ отпущеніе грѣховъ совершаетъ чрезъ служителей Своихъ Тотъ, Кто говорилъ нѣкогда: *отпущаются грѣси, востани, возми одръ,* — и неподвижные больные тотчасъ вставали, ходили; Кто говорилъ прокаженнымъ: *хощу, очистись,* — и прокаженные очищались; Кто говорилъ даже мертвецамъ, разъ четвородневному, во гробѣ смердѣвшему: *востани! гряди вонъ!* — и они воскресали. Съ какою же посему живою вѣрою должны мы обращаться къ Таинству очищенія грѣховъ безъ всякаго недоразумѣнія, *можетъ ли* Божественный Учредитель онаго *отпущати грѣхи?* Усомнишься о посредникахъ, которымъ Господь вручилъ благодать отпущенія грѣховъ? Но для принесенія благодати сея міру Господь Самъ прежде сдѣлался человѣкомъ, терпѣлъ уже невѣріе людей, дабы ты не колебался принимать ее, когда небесная струя течетъ и послѣ чрезъ уста че-

ловѣческія. Но препираться ли еще намъ, что средство уничтоженія грѣховъ такъ легко и просто, послѣ того, впрочемъ, какъ оно основано на смерти за насъ Сына Божія, и проистекаетъ изъ Его крови!—Одолѣваютъ нѣкоторыхъ понятія чувственныя?—Смотрите и на предметы чувственные: не все ли и въ природѣ вещей также только — посредства Божіи? Не воздухомъ ли, напр., поддерживаетъ дыханіе наше Господь? Не хлѣбомъ ли Самъ Онъ питаетъ? Не водою ли очищаетъ? Что же дивнаго, что Творецъ присовокупляетъ еще къ средствамъ Своимъ видимымъ и иныя, высшія, или соединяетъ ихъ съ обыкновенными? Для исцѣленія отъ проказы, однажды, еще въ Ветхой Благодати, велѣно было нѣкоторому знаменитому Сиріянину, Нееману, погрузиться седмь разъ въ водахъ рѣки Іордана. Нееманъ ждалъ для цѣленія столь важной своей немощи какихъ либо великихъ способовъ благодатнаго врачеванія, и уже гнѣвался-было на Пророка, который именемъ Господнимъ велѣлъ только омыться въ Іорданѣ, не употребивъ ничего другаго, ни даже устной молитвы и слова. «Что̀ за средство къ очищенію проказы Іорданъ? разсуждалъ Сиріянинъ. Не лучше ли его и всѣхъ водъ земли Израильской—рѣки Дамаска, моего отечества? Не лучше ли бы уже въ нихъ омыться, когда сред-

ство врачеванія состоитъ только въ водѣ?» Совопроснику напомнили, что, когда средство врачеванія столь просто и легко; то потому-то и принять его надобно. Больной послушался и тотчасъ получилъ исцѣленіе [1]). Если же и вещи неодушевленныя бываютъ, Братія, у Бога сосудами или орудіями особенной силы Божіей; если и всѣ онѣ, даже въ обыкновенномъ своемъ состояніи для обыкновенныхъ потребъ нашихъ, суть только виды благодѣяній Божіихъ, и вся мудрость человѣческая не можетъ объяснить, какъ всякая изъ нихъ дѣйствуетъ въ тайнѣ природы своей, а всѣ видимъ только дѣйствія, что напр. вода очищаетъ, сѣмена питаютъ и пр.: то какому недоумѣнію можетъ быть мѣсто въ томъ, что Господь служителями и строителями Таинъ Своихъ для высшей нашей природы, для душъ нашихъ, употребляетъ разумныя созданія Свои, хотя и слабыя, но такія, коихъ въ видимой природѣ нѣтъ уже ближе къ Нему? И сколько же, напротивъ, еще болѣе было бы затрудненій нашихъ и причинъ къуклоненію отъ очищенія грѣховъ своихъ, если бы средство къ тому было какое либо возвышенное, многотрудное, а не такое, какое нынѣ?

Убѣжденія нужны еще и еще къ тому развѣ, Братія, чтобы мы неопустительно пользовались

[1]) Цар. 4: 5, 9.

средствомъ благодати столь спасительнымъ, каково Таинство очищенія грѣховъ, величайшее въ настоящемъ нашемъ состояніи благодѣяніе Господа нашего, послѣ Крещенія самое необходимое для возрастныхъ, какъ средство возобновленія завѣта Божія, столь обыкновенно нарушаемаго всѣми! Ахъ, какъ между тѣмъ мало знаемъ мы то, что столь особенно касается насъ! Когда случится съ нами какое либо чувственное злополучіе, напр. болѣзнь тѣлесная; сколько тогда заботъ противъ ней! Подобно упоминаемымъ въ Евангеліи Капернаумлянамъ, мы готовы тогда не только искать врача, какого бы ни прочули гдѣ лучшаго, но и взлѣзать на всѣ крайности, разрушать, какія ни представятся, преграды къ полученію исцѣленія; а не отъ болѣзни ли души немощи наши, не о такихъ ли собственно болѣзняхъ надобно и заботиться всегда и наиболѣе,—о томъ едва и думаетъ большая часть изъ насъ безъ крайностей. Но грѣхи-то именно, въ какомъ бы ни находились мы положеніи по прочему, въ благополучіи или несчастіи, суть истинное и единое зло наше. Всѣ прочія бѣдствія, и болѣзнь, и нищета, и безчестіе, и самая смерть — злоключенія только условныя; они—злоключенія въ томъ только предположеніи, если они сопряжены со грѣхомъ. Слово кажется страннымъ.

Положитесь, Братія, на опытъ, дѣйственный глаголъ Божій. Вы знаете, что бѣдствій и не существовало въ мірѣ, пока не находилось грѣха между нами. Они собственное наше произведеніе, а не твореніе Бога всеблагаго. Правда, они приражаются нынѣ, иногда обрушаются и на праведниковъ; на нихъ еще чаще и болѣе. Даже единственный Праведникъ, Тотъ, Который *грѣха не сотворилъ*, подвергался злорѣчію, преслѣдованіямъ, страданіямъ, смерти: но Онъ—за грѣхи міра. Что-жъ до праведниковъ человѣковъ; то злополучія и у нихъ были также всегда противъ грѣха именно. Злополучія служили праведникамъ средствами или къ предохраненію отъ грѣховъ, или къ очищенію отъ нихъ, или къ возвышенію себя надъ ними въ нравственномъ усовершеніи души. Посему избранные Божіи не только не страшились злоключеній видимыхъ, но обыкновенно считали ихъ благодѣтельными Божіими попущеніями. Мы обыкновенные люди чаще сѣтуемъ въ нихъ, — отъ чего? Отъ того, что заняты только тѣлеснымъ и временнымъ своимъ состояніемъ. При такихъ расположеніяхъ духа, злоключенія, конечно, идутъ на насъ,—мнится намъ тогда, — какъ препятствія нашимъ наслажденіямъ, или уже какъ наказанія, послѣдствія грѣховъ. А извѣстно, что и для тѣла вра-

чевания самыя полезныя бываютъ тѣмъ непріятнѣе, чѣмъ они дѣйственнѣе. Что-жъ до души въ прискорбіяхъ; то, при грѣховныхъ ея склонностяхъ, у насъ тогда — различныя недоумѣнія, опасенія почти безнадежныя, даже сѣтованія на нихъ, ропотъ. Такимъ образомъ несчастные случаи становятся, въ самой вещи, зломъ, но зломъ опять не иначе, видимъ, какъ отъ грѣха, который тогда проникаетъ бѣдную нашу душу и дѣлается еще пагубнѣе для ней, нежели когда либо прежде; подобно какъ въ болѣзняхъ тѣла еще вреднѣе становятся тѣ причины, отъ которыхъ такая или иная болѣзнь послѣдовала, ежели не удалять ихъ, а усиливать. Примемъ же тогда, Братія, иное расположеніе духа, — раскаяніе въ своемъ поведеніи, покорность судьбамъ Божіимъ, упованіе на милосердіе Божіе, преданность въ волю Божію, прежде всего *очистивъ себя отъ всякія скверны плоти и духа* [1]). И что-жъ тогда прискорбнаго останется въ злополучіяхъ нашихъ? Что сдѣлало Іову лишеніе имѣнія, дѣтей, здоровья, утѣшеній, когда онъ *во всѣхъ приключившихся ему ничтоже согрѣши предъ Господемъ* [2])? Что̀ болѣзнь, обыкновенно говорили и другіе истинные подвижники благочестія, какъ не очищеніе внѣшняго человѣка въ

[1]) Кор. 2: 7, 1. [2]) Іов. 1; 22.

пользу внутренняго? Что̀ изгнаніе, когда вездѣ *Господня земля и исполненіе ея?* Что́ лишеніе имѣнія, если нельзя отнять истинныхъ сокровищъ сердца? Конечно, не возможно, Братія мои, слабой природѣ человѣческой не стенать въ своихъ горестяхъ; но стенанія стенаніямъ рознь. Если стенаемъ тогда о бѣдствіяхъ только, бѣдствія растутъ, растутъ; если же о грѣхахъ въ особенности, то мало по малу исчезаютъ самыя причины несчастій; зло вырывается съ корнемъ; жала смерти, силы грѣха нѣтъ уже.

Положимъ наконецъ, что злоключенія наши, при всѣхъ добрыхъ нашихъ расположеніяхъ сердца, и не проходятъ: но пройдутъ непремѣнно, Братія! Что̀ въ мірѣ долговременно? Не гораздо ли скоротечнѣе еще наши благополучія здѣсь? Снимемъ мы съ себя во время свое почести наши, забудемъ всѣ удовольствія земли, оставимъ имѣнія вовсе, разлучимся съ присными на вѣки, все сложимъ, при гробѣ, съ тѣломъ своимъ. Останется одинъ безсмертный духъ нашъ, съ тѣмъ, что мы нынѣ собираемъ въ него, находясь въ тѣлѣ, которое должно нѣкогда соединиться опять съ душею во время предуставленное свыше. Тогда-то, увы намъ со грѣхами! — бѣдствіе, которое не кончается, а только еще

начинается тогда въ новомъ своемъ состояніи — вѣчности! Между тѣмъ о чемъ теперь всѣ наши заботы? Необходимо, конечно, заботиться и о временномъ, нужномъ въ жизни настоящей; она—первоначальный даръ Божій, которымъ дано намъ пользоваться для пріобрѣтенія всѣхъ прочихъ даровъ Божіихъ и для вѣчности: но не объ одномъ только томъ—надобно, и не съ забвеніемъ души. *Кая польза человѣку,* — непрерывно напоминаетъ намъ Евангеліе и собственный нашъ опытъ, — *аще пріобрящетъ міръ весь, душу же свою отщетитъ, — себе погубивъ* [1])? Ее наипаче, вѣчную свою собственность, сохранять надобно, Братія, ее снабдѣвать свойственными ей благами, какія преподаетъ намъ Евангеліе Іисуса Христа. Евангельскихъ благъ много; но, по свойству природы нашей, по грѣхолюбію, по самому чувству необходимаго для насъ смиренія, всѣ они въ сущности своей суть различныя средства очищенія грѣховъ, и изъ числа ихъ, слѣдственно, нужнѣйшее для насъ — самое Таинство Покаянія.

Вникните, Братія, по Евангелію, что̀ дѣлалъ и чему училъ на землѣ Іисусъ Христосъ, въ особенности касательно такъ называемыхъ бѣдствій человѣческихъ? (Благополучіе, кажется, не имѣ-

[1]) Лук. 9, 25.

ло никогда и нужды въ пособіяхъ Іисуса Христа). Исцѣлялъ ли Христосъ недужныхъ; подавалъ ли зрѣніе слѣпымъ; очищалъ ли прокаженныхъ; возставлялъ ли даже мертвыхъ: все сіе дѣлалъ не для того собственно, чтобы подавать такія только милости, но чтобы расположить чрезъ нихъ людей къ лучшей жизни, къ жизни добродѣтельной, небесной и вѣчной. Ибо вездѣ съ тѣмъ вмѣстѣ требовалъ Господь, или видѣлъ вѣру, исправленіе сердецъ, очищеніе душъ. Безъ того не подавались и цѣленія. Какое, поистинѣ, блаженное было время на землѣ, когда былъ на ней Господь видимо, когда различныя благодѣянія бѣдствующему человѣчеству лились отъ Него рѣками, и когда для сообщенія ихъ не нужно было ни вещественныхъ средствъ, ни времени, но достаточно для того было возложенія рукъ Его, слова, манія, воззрѣнія, движенія духа и — издали! И по чему-жъ бы, казалось, не продлиться такимъ дѣйствіямъ Божественнымъ въ царствѣ благодати навсегда, подобно какъ въ царствѣ природы непрерывно Богъ, по Слову Своему, *сіяетъ солнцемъ Своимъ* [1]), *велитъ произрастать землѣ былія* [2]), *изводитъ вѣтры отъ сокровищъ Своихъ* [3]), *даетъ дожди во времена свои* [4]),—

[1]) Матѳ. 5, 45. [2]) Быт. 1, 11. [3]) Псал. 134, 7. [4]) Дѣян. 14. 17.

все, что̀ когда нужно къ настоящей нашей жизни? Но въ етомъ, Братія, равно какъ и въ скоротечности жизни, въ гиблемости благъ міра настоящаго, оставилъ намъ Господь свидѣтельство Свое, что настоящая наша жизнь не составляетъ всей цѣли небеснаго о насъ смотрѣнія, а должна только вести къ другой, вѣчной жизни. И что же? Въ самомъ Евангеліи, гдѣ надобно быть описану во всѣхъ видахъ служенію Небеснаго Милосердователя человѣчеству, записано столько и такихъ только опытовъ милосердія къ страждущимъ, сколько и какіе нужны только къ изъясненію собственно спасенія душъ, вѣчнаго нашего блаженства, въ различныхъ къ намъ отношеніяхъ и видахъ. По сему-то время всякихъ иныхъ чудотвореній, кромѣ тайны спасенія душъ, и должно быть не иначе, какъ преходящимъ только явленіемъ, образомъ благъ духовныхъ во Христѣ. Оно скоро, очень скоро минуло; но истина одна и та же осталась съ нами навсегда, какъ скоро мы ищемъ отъ Господа милостей душамъ своимъ. *Господь близъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ* [1]). Онъ *съ нами*, по увѣренію Своему, *во вся дни, до скончанія вѣка* [2]), когда слово о душахъ нашихъ!

[1]) Псал. 85, 5. [2]) Матѳ. 28, 20.

Не оставимъ же, никто да не оставитъ, Братія, въ забвеніи душу свою, — предметъ всѣхъ особенныхъ попеченій Спасителя нашего! Собственная забота наша о ней должна быть, казалось бы, въ самомъ даже обыкновенномъ порядкѣ дѣлъ нашихъ. Непрерывно истощавается въ силахъ своихъ тѣлесная природа наша; и мы ежедневно возобновляемъ силы ея пищею и питіемъ, движеніемъ и покоемъ. Истощавается непрестанно и душевная наша природа, часто до изнеможенія. *Нѣсть мира въ костехъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ*, вопіялъ иногда Псалмопѣвецъ [1]). *Яко беззаконія моя превзыдоша главу мою, яко бремя тяжкое отяготѣша на мнѣ; возсмердѣша и согниша раны моя!* Посему внимательные къ себѣ Христіане, для возобновленія силъ души своея, къ непрерывному, также, прибѣгаютъ покаянію предъ Богомъ въ глубокой таинницѣ совѣсти, чѣмъ обыкновенно и оканчиваются у нихъ занятія каждаго дня. Никому нельзя не дѣлать сего по крайней мѣрѣ по временамъ, безъ опасенія потери душевнаго своего благосостоянія. Въ особенности, когда настаютъ дни очищенія, или частные, какъ напр. въ приключающихся съ нѣкоторыми изъ насъ болѣзняхъ и иныхъ какихъ либо бѣдствіяхъ, или общіе,

[1]) Псал. 37, 4. 5. 6.

какъ времена святыхъ постовъ, особенно поста нынѣшняго, Великаго; всякъ изъ насъ, Братія, прежде всего имѣетъ нужду озаботиться, чтобы исповѣдать грѣхи свои предъ Богомъ уже не во глубинѣ только совѣсти своей, что должно быть, говоримъ, чаще, ежедневно, но въ извѣстномъ Тайнодѣйствіи Вѣры.

Объ одномъ еще теперь слово по любви моей къ вамъ: надобно сдѣлать сіе не по долгу просто, кольми паче не по обычаю только, не какъ нибудь, по порядку вещей, или изъ стыда, для избѣжанія неприличія быть примѣченнымъ въ неисполненіи общихъ Христіанскихъ обязанностей, но — по совѣсти, съ искреннимъ расположеніемъ, съ говѣніемъ, съ сокрушеніемъ сердца. Можетъ ли быть надежда на уврачеваніе и тѣлесныхъ болѣзней; когда бы кто изъ недужныхъ не изъяснился о болѣзни своей, въ чемъ она? гдѣ? отъ чего и пр.? Кольми паче — въ болѣзняхъ душевныхъ, сокровенныхъ въ сердцѣ, во всѣхъ сгибахъ нашего самолюбія, не можетъ быть прямаго пользованія, безъ чистосердечнаго раскрытія состоянія своего. А чтобы лучше чувствовать себя тогда, для сего, между прочимъ, необходимо дѣйствительное пощеніе, при чемъ область души проясняется, равно какъ и необходимо съ тѣмъ вмѣстѣ усердное упражненіе въ молитвахъ, по

крайней мѣрѣ въ продолженіе седмицы. Душа у каждаго изъ насъ, Братія, стóитъ вниманія и попеченія, хотя на одно такое время въ цѣломъ году, тогда какъ на дѣла плоти идутъ годы за годами. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ КРЕСТОПОКЛОННУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Новочеркасскѣ, 1845 года.

Среди поста, времени всеобщаго покаянія нашего, се нынѣ предъ очами нашими, Братія, особенный предметъ благочестія Христіанскаго,— святый и животворящій Крестъ Господень! Церковь изнесла его сегодня изъ внутреннѣйшаго святилища своего, и приблизила ко всѣмъ вамъ на цѣлую седмицу дней. Какая отрада и утѣшеніе для кающихся Крестъ Господень, какія спасительныя внушенія дѣлаетъ онъ намъ въ исполненіи Христіанскаго долга покаянія, — вотъ о чемъ въ особенности сказать я теперь долженъ, и всѣмъ намъ, Слушатели, размыслить надобно! Побесѣдуемъ.

Когда въ извѣстномъ странствованіи изъ Египта по пустынѣ древній народъ Божій пришелъ на такое мѣсто, гдѣ крайне много было змѣй; то Моусей, вождь народа, по Божію повелѣнію, устроилъ змію мѣдяную и поднялъ ее на древкѣ воинскаго знамени, съ тѣмъ, дабы всякъ, кто

будетъ уязвленъ змѣями, тотчасъ смотрѣлъ на змѣю мѣдяную, и тѣмъ исцѣлялся бы отъ уязвленія. Такъ и было: уязвленные исцѣлѣвали, какъ скоро поступали по повелѣнію Божію [1]). Ето одинъ изъ тѣхъ непрерѣкаемыхъ опытовъ, на основаніи которыхъ народъ Израильскій доселѣ такъ твердъ въ своемъ вѣрованіи, къ общему всѣхъ удивленію. Невозможнаго, впрочемъ, и нѣтъ здѣсь ничего, а чудно, конечно, все, что̀ дѣлаетъ Богъ. Что когда повелѣваетъ Богъ, то всегда и дѣлается. *Слово* Его *живо и дѣйственно*, зиждительно. Словомъ Господнимъ и весь міръ изъ небытія пришелъ въ бытіе. *Рече Богъ: да будетъ свѣтъ,—и бысть тако*, и бываетъ такъ. Такъ и тамъ было. *Не вещію зримою*, говоритъ Премудрый къ Богу о дѣйствіи змѣи мѣдяной, не вещію зримою *обратившійся цѣлящеся, но Тобою всѣхъ Спасителемъ* [2]). Самъ Господь Іисусъ Христосъ, Братія, упомянулъ во Евангеліи, что тамъ было такъ, и что то былъ образъ инаго спасенія,—спасенія нашего душевнаго и вѣчнаго. *Якоже Моисей вознесе змію въ пустыни*, сказалъ Христосъ [3]), *тако подобаетъ вознестися Сыну Человѣческому, да всякъ вѣруяй въ Онь не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*. Такъ Онъ Самъ вознесенъ былъ на дре-

[1]) Чис. 21, 6. [2]) Прем. 16, 7. [3]) Іоан. 3, 14. 15.

во, — на древо Креста, и оставилъ намъ сіе знаменіе спасенія, Себя на Крестѣ, дабы мы, взирая на Него душевными очами, очами вѣры, не гибли душею отъ уязвляющихъ насъ нашихъ змѣй, но имѣли бы животъ, животъ душевный, вѣчный. Что̀ змѣи для душъ нашихъ? — Грѣхи наши, Братія, — грѣхи, коими приразился къ непорочному нѣкогда человѣку сатана подъ видомъ змія. Послѣ того «всѣ есмы въ бѣдахъ»: все пространство жизни нашей на землѣ, въ пустынѣ лежащей предъ небомъ, землею обѣтованія вѣчнаго, наполнено, преисполнено такими змѣями. И кто же изъ насъ не знаетъ, не чувствуетъ уязвленій ихъ? Но се намъ знаменіе спасенія,—распятый на Крестѣ Іисусъ Христосъ! Какимъ кто ни уязвленъ жаломъ грѣха; всѣ будемъ взирать вѣрою на распятаго за грѣхи наши Господа, Своею смертію дарующаго намъ жизнь вѣчную; всѣ будемъ взирать, — и всѣ спасемся отъ уязвленій грѣховъ. Уязвленъ ли кто жаломъ гордости: воззри вѣрою на Господа, смирившагося до смерти, смерти же крестныя. Уязвленъ ли кто жаломъ любострастія: воззри вѣрою на Пресвятаго, принесшаго святѣйшее Тѣло Свое и Кровь въ жертву умилостивленія Бога за насъ. Уязвленъ ли кто жаломъ зависти, сребролюбія, корысти, клеветы, лѣности, уны-

нія; словомъ — какимъ кто ни уязвленъ жаломъ страстей: воззри вѣрою на Сына Божія, *предавшаго*,—какъ всякъ изъ насъ имѣетъ право сказать съ Апостоломъ за себя самого,—*предавшаго Себе по мнѣ*. И когда же въ особенности сдѣлать все сіе надобно, какъ не нынѣ, когда мы проходимъ поприще Великаго поста, путь очищенія отъ грѣховъ, когда мы пришли на мѣсто покаянія, и непремѣнно видимъ множество грѣховъ, душевныхъ змѣй, можетъ быть впившихся уже въ нѣкоторыхъ изъ насъ,—видимъ, и желаемъ исцѣленія отъ уязвленій ихъ?

При воззрѣніи на Крестъ Господень, сколь, подлинно, близкія надежды на исцѣленіе отъ грѣховъ должны исполнять каждое сердце кающихся! Ни множество, ни великость грѣховъ не могутъ теперь приводить духъ нашъ въ сомнѣніе, тѣмъ наименѣе въ отчаяніе. Сынъ Божій принесъ Себя въ жертву на Крестѣ за всѣ, какіе ни были бы грѣхи, за грѣхи всего міра. Что въ сей безпредѣльной милости всепрощенія и величіи Жертвы избавленія, что и все множество и вся великость грѣховъ каждаго изъ насъ, Братія мои? Менѣе, чѣмъ нечистый пыхъ изо рта въ воздухѣ, капля нечистоты въ океанѣ!

О! грѣхи наши сами по себѣ и многочисленны, и велики, крайне велики; потому, что всѣ они

суть оскорбленія для Бога, Существа безпредѣльнаго и всевысочайшаго. Смотрите: они стоили, они требовали снисшествія Сына Божія на землю, позорной смерти Его на крестѣ! Никто другой не могъ и снять съ насъ тяжесть ихъ, кромѣ Сына Божія: Его токмо сила и дѣйствіе могли быть полнымъ удовлетвореніемъ правдѣ и святости Существа безпредѣльнаго. О! велики, безмѣрно велики грѣхи наши сами по себѣ! По сему-то, взирая на Крестъ, грѣшникъ, приступающій къ покаянію во грѣхахъ, долженъ всѣмъ сердцемъ своимъ, всею крѣпостію и всею мыслію своею сотрястись отъ нихъ въ страхѣ Божіемъ, сокрушиться духомъ и совѣстію, почувствовать цѣну своего искупленія, кровь, крестную смерть Господа своего!

А когда такимъ образомъ, Братія мои, будемъ мы расположены къ покаянію; то все и всякое бремя грѣховъ легко и съ дерзновеніемъ можемъ повергнуть въ бездну любви и милосердія Божія. Тамъ они ничто: тамъ одна только нераскаянность, именно одна только нераскаянность — грѣхъ; другихъ нѣтъ уже. Сомнѣвается ли кому, что Единородный Сынъ Божій могъ исходатайствовать намъ прощеніе въ нихъ отъ небеснаго Правосудія, когда Онъ Самъ объявилъ о семъ грѣшникамъ? Его ходатайство еще да-

леко, далеко, безпредѣльно болѣе тѣхъ долговъ, въ искупленіе которыхъ оно сдѣлано. Долги наши предъ Богомъ, грѣхи, всѣ грѣхи еще ограничены: а ходатайство Единороднаго Сына Божія силы безпредѣльной: Богъ безпредѣленъ. И не имѣетъ ли власти отпущать намъ грѣхи Тотъ, Кто и законъ далъ, и Евангеліе открылъ, и самыя мѣры взысканій съ насъ опредѣлилъ единою Своею властію?

Такія и подобныя размышленія должны бы успокоивать духъ нашъ и тогда, Братія, если бы намъ было только сказано Словомъ Божіимъ о прощеніи намъ грѣховъ во имя, о имени, отъ имени, именемъ Ходатая Сына Божія. Но что же для сего сдѣлано? Сынъ Божій снисшелъ на землю, принялъ наше человѣчество, явилъ безпредѣльную Божію любовь къ людямъ, избавлялъ ихъ отъ всякихъ бѣдъ, въ какихъ ни прибѣгалъ кто къ Нему, утѣшалъ смущенныхъ совѣстію,—и что же?—свидѣтельствовался во всемъ томъ Самъ, что единственно для грѣшниковъ и приходилъ Онъ въ міръ нашъ. *Не пріидохъ*, говорилъ Онъ, *призвати праведники, но грѣшники на покаяніе* [1]). Въ самомъ дѣлѣ, взирая по Евангелію, какъ былъ Онъ другомъ мытарей и грѣшниковъ, не устранялся прокаженныхъ,

[1]) Мато. 9, 13.

прощалъ явныхъ блудницъ, ясно видимъ, что Онъ особенно любитъ грѣшниковъ кающихся, и что слѣдственно проститъ и намъ все, когда и мы прибѣгнемъ къ Нему. Довольно было бы, если бы отъ Бога сказано только было намъ о семъ. Но не тѣ еще одни опыты милосердія Божія, какіе видимъ въ продолженіе всей земной жизни Сына Божія, не тѣ одни опыты снисхожденія ко грѣшникамъ представляются очамъ нашимъ здѣсь, при Крестѣ. Сынъ Божій принялъ напослѣдокъ за грѣхи и за грѣшниковъ позорнѣйшія страданія и смерть на Крестѣ. Воззрите: Христосъ распростеръ здѣсь руки, для того, чтобы собрать въ объятія любви Своей, какъ сказуетъ Св. Церковь, всѣхъ разсѣянныхъ, заблуждшихъ, удалившихся отъ Него всюду чадъ Адамовыхъ. *Тако возлюби Богъ міръ*, напоминалъ Самъ Сынъ Божій до Креста Своего, *яко и Сына Своего Единороднаго далъ есть* [1]). Послѣ Креста, сказалъ Апостолъ какъ бы далѣе: *составляетъ же Свою любовь къ намъ Богъ, яко еще грѣшникомъ сущимъ намъ за ны умре,— за нечестивыхъ умре* [2]). Какое дѣйственное увѣреніе для самыхъ чувствъ нашихъ, Христіане!

Станемъ, кающіеся, станемъ вѣрою еще ближе у Креста Христова и пріимемъ здѣсь отъ Него

[1]) Іоан. 3, 16. [2]) Рим. 5, 8. 6.

Самого «*оставительная преврѣшеній нашихъ!*» Не убоимся. Хотя у Креста сего прилично *стать* только Пречистой *Матери* Іисуса съ будущими мѵроносицами, и *ученику, егоже любляше Іисусъ*, какъ и стояли они [1]): но еще ближе къ Нему, можно сказать, были здѣсь *два злодѣя*, распятые съ Нимъ, *единъ одесную, а другой ошую*. Оба — великіе грѣшники, разбойники. Одинъ каялся Богу, каялся предъ самымъ жертвенникомъ, предъ самою Жертвою спасенія, предъ Крестомъ и Распятымъ на немъ. Кто не знаетъ изъ насъ, Христіане, что одно слово покаянія разбойника во мгновеніе даровало ему рай въ сей самый день? Что же? Погублены ли и прочіе грѣшники? Истреблены ли по крайней мѣрѣ распинатели, какъ задрожала земля отъ готовности пожрать ихъ живыми? О, нѣтъ! *Отче*,—вопіетъ съ Креста распятый Сынъ Божій на небо, въ особенности о распинателяхъ,—Отче Святый, *отпусти имъ; не вѣдятъ бо, что творятъ* [2])! Слышите, Христіане, видите — какъ возлюбилъ Богъ міръ въ Сынѣ Своемъ! Какую составляетъ Онъ любовь Свою ко грѣшникамъ, къ нечестивымъ! Съ какимъ, посему, упованіемъ на нее можемъ и всѣ мы, всѣ и каждый, пріять здѣсь оставленіе грѣховъ своихъ вѣрою въ спа-

[1]) Іоан. 19, 25. [2]) Лук. 23, 34.

сительную смерть Сына Божія, если будемъ каяться при Крестѣ Его, взирая очами вѣры на спасительную смерть Христову!

Да: предстояніе у Креста Христова, мысленное предстояніе духомъ, вѣрою, или иначе сказать, сердечныя размышленія о спасительной смерти за насъ Христовой должны во всякое время составлять для насъ поученіе ко всему доброму, Христіанскому, особенно же поученіе къ истинному покаянію. Обратите вниманіе ваше, православные Христіане, какъ для сего первѣе всего и вездѣ и со всѣхъ сторонъ окружены, или лучше, обложены мы Крестомъ! Въ крестную смерть Христову, по слову Апостольскому, крестились мы при вступленіи въ Христіанство; Крестомъ святаго Мура запечатлѣны мы по всѣмъ членамъ нашего тѣла на жизнь Христіанскую; Крестъ возложенъ тогда на выю нашу; Крестъ врученъ въ наши руки для воздвиженія его на себѣ, для изображенія на себѣ крестнаго знаменія во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, гдѣ намъ будетъ нужно Божественное огражденіе. А гдѣ оно не нужно? Нужно и при вставаніи съ одра и возвращеніи къ нему, и при воззрѣніи на свѣтъ дневный и захожденіи онаго, и при выходѣ изъ дома и вхожденіи въ домъ, и при взятіи дѣлъ въ руки и оставленіи оныхъ, и

предъ начатіемъ стола и по окончаніи, словомъ — на всякомъ шагу жизни сколько нибудь особенномъ, какъ дѣлали съ самой первой Христіанской древности, по свидѣтельству ея, Христіане. Когда такъ Крестъ долженъ быть у насъ вездѣ, то что и говорить, какъ онъ есть здѣсь, въ Церкви, въ дѣлахъ собственно Вѣры? Св. Церковь и основана на Крестѣ, и увѣнчана Крестомъ; Крестъ внутрь ея во святилищѣ, на престолѣ; Крестомъ благословляетъ она чадъ своихъ; Крестомъ совершаются и всѣ прочія ея Таинства святыя, — сверхъ вступительныхъ, Крещенія и Мvропомазанія, о которыхъ мы уже говорили. Приношеніе Тѣла и Крови Господней на Литургіи есть именно воспоминаніе Іисуса Христа, возвѣщеніе, какъ изъясняетъ Апостолъ, *возвѣщеніе смерти Христовой*, воспоминаніе дѣйственное. Видимо, Крестомъ знаменуются всѣ молитвы Церкви и наши; словомъ — въ Церкви вездѣ и все Крестъ, Крестъ. Крестомъ освящена и вся наша общественная жизнь, Христіане! Крестомъ, крестнымъ благословеніемъ устроены между вами супружескіе союзы; другіе изъ васъ Крестомъ по присягѣ вступили въ исполненіе общественныхъ должностей; Крестомъ по присягѣ всѣ сдѣлались чадами Царя и царства. Самое строеніе тѣла нашего есть крестъ. «Человѣкъ по образу Креста

сотворенъ», говоритъ нѣкто изъ святыхъ учителей Церкви: «егда бо руки распростретъ, крестъ въ себѣ изобразуетъ.» А когда Сынъ Божій принялъ нашу природу, когда тѣло Свое простеръ наконецъ на Крестѣ по всѣмъ нашимъ природнымъ протяженіямъ, дабы «всего мя, — сказать долженъ родъ человѣческій, — всего мя спасти человѣка»: то въ семъ самомъ видѣ, въ образѣ Креста и оставилъ Онъ намъ Себя до скончанія вѣка. «Крестъ во Іисусѣ почитаемъ, — говоритъ тотъ же святый учитель церковный, —Крестъ о Іисусѣ почитаемъ, и Іисуса въ Крестѣ нашего ради спасенія.» Припомните ето, когда и въ самую Пасху Крестъ будетъ образомъ Воскресшаго; въ Крестѣ явится Онъ намъ изъ гроба; въ Крестѣ будемъ всѣ покланяться Христу въ Воскресеніе, будемъ осязать Воскресшаго, не по невѣрію, но любовію, лобзаніями. Таковъ предметъ Христіанскаго благочестія—Крестъ, Братія! И не должны ли мы пройти теперь, когда хотимъ или должны каяться, пройти у себя всѣ пути нашей жизни, нашей природы, гдѣ вездѣ поставленъ Крестъ, святыня Вѣры, образъ Іисуса Христа въ самомъ особливомъ Его положеніи, въ распятіи нашего ради спасенія? Не должны ли мы осмотрѣть всѣхъ самихъ себя, внутри и окрестъ, когда хотимъ принести покаяніе Богу во всѣхъ своихъ

дѣлахъ, во всѣхъ помышленіяхъ; а тамъ вездѣ у насъ, можетъ быть, были доселѣ одни поруганія Іисусу Христу, Спасителю нашему? Слово Божіе говоритъ, что тѣ, которые *просвѣщены единою, и вкусили дара небеснаго, и причастниками сдѣлались Духа Святаго, и добраго вкусили Божія глагола и силы грядущаго вѣка, и отпали, второе распинаютъ Сына Божія себѣ* [1]). А не исполнилось ли ето со многими изъ насъ, даже отчасти со всѣми? Не всѣ ли мы просвѣщены Крещеніемъ, не всѣ ли приняли Святаго Духа въ Мvропомазаніи, не всѣ ли многажды вкушали Дары небесные, Тѣло и Кровь Іисуса Христа, не всѣ ли вкушаемъ глаголы Божіи въ ученіи Церкви? — Только одного того не сдѣлали еще мы, что не отпали: но въ такомъ случаѣ *не возможно* бы уже было, по слову Апостольскому, *и обновляти насъ паки въ покаяніе*. Между тѣмъ при одной нераскаянности своей и теперь мы едва ли не болѣе распинателей виновны предъ Богомъ. Они не знали еще Сына Божія, и оскорбляли Его *въ невѣрствіи* [2]). Мы знаемъ Его съ младенчества, освящены Его смертію, снабдѣны многоразличными дарами благодати Его, вездѣ окружены, сами устроены въ образъ Креста, во Христа облеклися; и — однако-жъ

[1]) Евр. 6, 4. 5. 6. [2]) Тим. 1: 1, 13.

столь много не внимали иногда ничему! Вездѣ *на мѣстѣ святѣ*, гдѣ долженъ быть Крестъ, святыня Вѣры, у насъ уже давно, можетъ быть,— *мерзость запустѣнія!*

Покаемся же, и о Крестѣ собственно покаемся: ибо мы въ себѣ, на себѣ и окрестъ себя противъ Креста ближе всего грѣшили! Въ немъ Самъ Іисусъ Христосъ оскорбляемъ былъ грѣхами нашими. И теперь, когда Св. Церковь торжественно изнесла предъ очи наши видимый Крестъ Господень, она сдѣлала намъ напоминаніе о Таинствѣ Креста, о самой смерти Сына Божія, о способѣ спасенія нашего крестною смертію Его! Она хочетъ, чтобы мы истиннымъ покаяніемъ возставили вездѣ окрестъ и внутрь себя образъ нашего спасенія, животворящій Крестъ Господень!

Когда мы сдѣлаемъ ето; когда чистосердечно покаемся во всемъ Господу Богу нашему: не забудемъ и послѣ во всякое время предъ очами своими имѣть вездѣ Крестъ Господень. Пусть будетъ онъ тогда оружіемъ противу враждебныхъ силъ, огражденіемъ отъ грѣховъ. Бытописанія вѣрующихъ свидѣтельствуютъ, что, когда подвижники Вѣры встрѣчались съ какими либо опасностями, тотчасъ изображали на себѣ Крестъ, и—тотчасъ же при семъ нестрашными дѣлались

смерти, теряли силу свою яды, притуплялись мечи, охладѣвалъ огонь, твердѣли воды подъ ногами, особливо — погасали внутреннія разжженія страстей, утихали бури душевныхъ волненій, исчезали самыя тонкія духовныя искушенія. «Имъ же можеши и ты, о душе моя, — да речетъ душѣ своей всякъ изъ насъ, какъ говоритъ въ великомъ канонѣ Покаянія кающійся Богу, — можеши и ты, о душе моя, Крестомъ великая совершити!» Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ТРЕТІЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1846 года.

И аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа Праведника: и Той очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и о всего міра. Іоан. 1: 2, 1. 2.

Говоритъ намъ такимъ образомъ избранный благовѣстникъ любви Божіей къ человѣкамъ, особенный наставникъ нашъ въ любви къ Богу и другъ ко другу,— возлюбленный ученикъ Іисуса Христа. Св. Богословъ, разсуждая о нравственномъ состояніи человѣческомъ, состояніи не внѣ, а уже въ нѣдрахъ Христіанства, сказуетъ, что природа человѣческая и здѣсь, хотя она и возрождена о Христѣ Іисусѣ, не можетъ еще быть безгрѣшною: мыслить кому либо иначе, значило бы обманывать себя и не имѣть истины, даже *лжа творить Бога* и не принимать святаго Слова Его. Конечно, не съ тѣмъ изъясняемъ вамъ, продолжаетъ Евангелистъ Іоаннъ, столь неизбѣжную въ человѣчествѣ дѣйствительность, чтобы такъ

и жить уже всѣмъ во грѣхахъ; отнюдь не съ тѣмъ. «*Чадца моя,* — восклицаетъ святый дѣвственникъ и другъ Христовъ, — чадца моя, *сія пишу вамъ, да не согрѣшаете!* Для сего и говорю я, говоритъ онъ, о прирожденности грѣха въ людяхъ, дабы всѣ вы, Христіане, всѣ боялись грѣха, всемѣрно остерегались бы его и избѣгать старались!» *Вѣмы,* говоритъ Богословъ на концѣ своего посланія, *яко рожденный отъ Бога, не согрѣшаетъ: но рожденный отъ Бога, блюдетъ себе, и лукавый не прикасается ему* [1]). Впрочемъ, если когда и случится, за всѣми вашими усиліями противу грѣха, впасть въ грѣхъ по слабости природы: не отчаявайся никто; — *Ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа Праведника: и Той есть очищеніе о грѣсѣхъ нашихъ, не о нашихъ же точію, но и о всего міра.* Вотъ, Братія мои, вся сила и все наше упованіе въ Таинствѣ Покаянія, къ которому мы прибѣгаемъ нынѣ во святый постъ. Вникнемъ въ сіе Божественное ходатайство Христово, вникнемъ съ той особенно стороны, какимъ образомъ каждому изъ насъ усвоять его надобно себѣ въ Покаяніи, — вникнемъ со вниманіемъ, какого требуетъ святѣйшій предметъ Христіанскаго благочестія и наше вѣчное спасеніе!

[1]) Іоан. 1 5, 18.

Какое тяжкое для чувствительности нашей дѣло, когда мы идемъ на Исповѣдь, идемъ объявить себя многовидными преступниками святаго закона Божія, между тѣмъ, какъ уже Самъ Судія нашъ отъ вѣка совершенно знаетъ, не только всѣ дѣла наши, но и желанія и самые глубокіе помыслы! Такимъ образомъ мы идемъ къ Нему для того только, чтобы принять святый приговоръ Его по грѣхамъ своимъ. Но ободритесь, утѣшьтесь, кающіеся Христіане! Въ таинницу Божію, на судъ Покаянія нашего идетъ вмѣстѣ съ нами, — или нѣтъ, давно уже присутствуетъ прежде насъ тамъ, — Ходатай нашъ, Самъ Единородный Сынъ Божій. Мы впали въ прегрѣшенія; мы повинны вѣчной смерти за нихъ: но Онъ, Ходатай нашъ, уже очистилъ преступленія наши, удовлетворилъ за нихъ Небесному Правосудію собственною Своею смертію, умеръ за насъ смертію крестною. Тайна въ Христіанствѣ первая и всѣмъ извѣстная! Итакъ, что-жъ мы идемъ теперь дѣлать, на судъ Покаянія? То только, чтобы принять, усвоить каждому самому себѣ Божественное сіе ходатайство Іисуса Христа! Усвоить чѣмъ? Не оправдываніемъ себя, не очисткою какою либо собственною, не заслугами или достоинствами; нѣтъ, — *аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прельщаемъ, и истины нѣсть*

въ насъ: но—чистосердечнымъ признаніемъ грѣховъ своихъ, глубокимъ сознаніемъ необходимости и силы смерти Искупителя нашего къ очищенію грѣховъ нашихъ. Онъ только, Искупитель Господь нашъ Іисусъ Христосъ,—*очищеніе о грѣхахъ нашихъ.* Что̀, подлинно, здѣсь, въ бездиѣ благости, любви, величія и силы Божіей частные грѣхи наши; когда Онъ, по слову Апостольскому, есть очищеніе не о нашихъ только грѣхахъ, но и всего міра?

«Такая жертва уже давно принесена Богу: и на что изъясняться намъ предъ Нимъ въ томъ, что Самъ Онъ знаетъ о насъ безъ всякаго сравненія лучше нашего?»—подумаютъ, можетъ быть, нѣкоторые изъ сыновъ вѣка, знакомыхъ съ мірскою діалектикою. Такъ, жертва принесена: но она, по заповѣди Самого Господа, въ дѣйственномъ *воспоминаніи Его* должна приноситься и нынѣ, и до конца міра приносится та же самая, поколику есть еще вновь и вновь требующіе очищенія отъ ней; а оно должно быть принято собственною каждаго изъ насъ, а не чужою, чьею бы то ни было, вѣрою. Несомнѣнно и то, что Всевѣдущій знаетъ наши прегрѣшенія, вмѣстѣ и наши силы, способности, расположенія: но всякому изъ насъ нужно познать и самому собственные грѣхи свои, возчувствовать все омерзѣніе къ нимъ, и искать

сердцемъ, всею крѣпостію души, спасительнаго очищенія отъ нихъ. Не съ камнями, не съ растеніями, не съ безсловесными животными дѣло теперь; но съ созданіями, одаренными свободою, разумомъ и словомъ. По симъ свойствамъ души цѣнится у насъ всякое дѣло, и доброе и худое,— по свободному расположенію духа, а не по врожденности или необходимости. Богоподобная душа человѣческая безъ своего произволенія и любви къ добру или отвращенія ко злу не можетъ быть и блаженною. Самыя добродѣтели ея безъ такого расположенія духа, по слову Апостольскому, были бы какъ звукъ мѣди или звяцаніе кимвала; онѣ были бы безполезны, ничтожны, хотя бы самое тѣло,—говоритъ Апостолъ,—отдано было нами на сожженіе, или глаголалъ кто либо языками человѣческими и Ангельскими [1]). По свободной природѣ впали мы въ первородный грѣхъ, и впадаемъ въ новые и новые грѣхи: по свободѣ надобно и выдти изъ нихъ.

И вынуждаемо ли ето требованіе, чтобы открывать намъ грѣхи свои на Исповѣди собственнымъ сознаніемъ? Нѣтъ, — самое естественное. «Кто чѣмъ болитъ, тотъ о томъ и говоритъ,» гласитъ народное наше присловіе. Почему, если болящій душею, проникнутый страхомъ о грѣхахъ,

[1]) Кор. 1: 13; 1: 2. 3.

пришелъ съ ними на Покаяніе: въ состояніи ли онъ не исповѣдываться со всею обстоятельностію, коль скоро ихъ чувствуетъ? Довольно ли и словъ только, при сердечномъ сокрушеніи? Не сотрясется ли вся природа человѣка, проникнутаго страхомъ Божіимъ? Возможно ли ему задержать въ груди своей воздыханія, стоны, — въ глазахъ слезы, въ устахъ рыданіе? Съ какимъ чувствомъ и какъ говоритъ всякій изъ насъ и о вещахъ жизни обыкновенной, когда кто въ бѣдѣ, въ страхѣ, съ сожалѣніемъ, съ сокрушеніемъ, съ искреннею просьбою о чемъ либо? Менѣе ли стоитъ заботы душа, внутреннее благосостояніе ея, вѣчное спасеніе? Словомъ — не раскрывать на Исповѣди самую душу свою, значитъ не исповѣдываться и не просить, даже не желать себѣ отпущенія грѣховъ отъ Бога: какой же будетъ и плодъ такой Исповѣди, когда, собственно говоря, нѣтъ ея!

Какихъ бы даровъ благодати ни просили мы отъ Бога, какъ просимъ отъ Него при покаяніи нашемъ отпущенія грѣховъ; и просить должны мы, и принять можемъ однимъ душевнымъ чувствомъ, которое называется *вѣрою*, — чувство самаго глубокаго убѣжденія въ томъ, что имѣемъ истинную нужду просить чего либо и полную надежду на полученіе просимаго. Обратимъ вни-

маніе, какъ Господь Іисусъ искалъ, требовалъ такого расположенія въ людяхъ, когда они прибѣгали къ Нему въ нуждахъ, подобныхъ нашей нынѣшней нуждѣ. — нуждѣ испросить или принять отъ Него оставленіе грѣховъ? Во время земной жизни Господа пришелъ къ Нему однажды человѣкъ съ сыномъ ужасно бѣсноватымъ, и изъясняясь, что *многажды въ огнь вверже его* бѣсъ *и въ воды, да погубитъ*, возопилъ: *но аще что можеши, помози намъ, милосердовавъ о насъ!* Господь отвѣтствовалъ ему, продолжаетъ Евангельское сказаніе: *еже аще что можеши вѣровати, вся возможна вѣрующему* [1]). Въ другой разъ Самъ Господь располагается оказать помощь разслабленному, тридцать восемь лѣтъ неподвижно лежавшему, и что же? — Прежде спрашиваетъ недужнаго, *хощетъ ли* онъ *цѣлъ быти?* Какъ не хотѣть? Но нужно было собственное въ томъ сознаніе человѣка, дабы къ сему чувству, къ сему, такъ сказать, живому мѣсту можно было привить Божественное врачество. Словомъ— безъ вѣры людей не подавались никогда силы Божіи. Кажется, самое Всемогущество ограничивалось тамъ, гдѣ недоставало вѣры человѣческой къ принятію чудесъ Его. Господь Іисусъ пришелъ нѣкогда въ отечественный городъ свой, и

[1]) Мар. 9, 17. 22. 23.

жители, вмѣсто того, чтобы воспользоваться присутствіемъ между ними Небеснаго Наставника и Врача, только блазнились о Немъ по невѣрію своему, а далѣе сказуетъ Евангельская исторія: *и не можаше ту ни единыя силы сотворити, токмо мало недужныхъ, возложь руцѣ, исцѣли. И дивляшеся за невѣрствіе ихъ* [1]). Не иначе и первые служители Вѣры Іисуса Христа о имени Его преподавали, или не почему иному не могли иногда преподавать цѣленія тѣлесныя, врачеванія душевныя, не иначе, какъ или по вѣрѣ, или по неспособности людей къ принятію даровъ благодати. Въ книгѣ Дѣяній написано, что Св. Павелъ нашелъ однажды въ Листрахъ хромороженнаго: — и *воззрѣвъ нань*, сказано далѣе, *и видѣвъ, яко вѣру имать здравъ быти*, именемъ Іисуса Христа тотчасъ поставилъ его на ноги. Примѣтьте — *видѣлъ, яко вѣру имать здравъ быти*. Всѣ такія ограниченія силъ Божіихъ, собственно, суть не ограниченія оныхъ, а только соображеніе съ свободоразумною природою нашею, которую Само Всемогущество Божіе даровало намъ, а потому и охраняетъ ее, какъ собственное свое дарованіе.

Послѣ сего можно ли думать, что подобострастный намъ служитель Таинства преподаетъ

[1]) Мар. 6, 3. 5. 6.

намъ отъ имени Божія разрѣшеніе грѣховъ, какъ ни хладнокровно, безчувственно, даже безсловесно, безвѣрно ни покаялся бы кто, или правильнѣе, какъ ни былъ бы кто на Исповѣди; когда Самъ Господь не дѣлаетъ сего безъ нашего сокрушенія? Для служителя Тайны въ особенности нужно, Братія, чтобы онъ видѣлъ на Исповѣди нашей состояніе души нашей и степень ея сокрушенія о грѣхахъ. Безъ сего онъ не можетъ сдѣлать намъ ни приличнаго по состоянію каждаго наставленія, подобно какъ не могъ бы намъ сдѣлать ничего тѣлесный врачъ, если бы не узналъ болѣзни,—безъ того служитель Тайны Покаянія не можетъ объявить намъ ни праведнаго отъ имени Божія рѣшенія о грѣхахъ. Онъ—свидѣтель нашего покаянія предъ Богомъ, и долженъ объявить по нему самую волю Божію, въ Словѣ Божіемъ и въ правилахъ святыхъ онаго служителей на всѣ обстоятельства и случаи жизни нашей вполнѣ изложенную. И если предстанемъ мы на Покаяніе съ вѣрою и сокрушеннымъ сердцемъ: онъ даже и не свидѣтель только, но молитвенникъ предъ Богомъ о грѣхахъ нашихъ, видимый образъ Того Пребожественнаго Ходатая, о Которомъ сказалъ въ утѣшеніе вѣрующихъ Св. Іоаннъ Евангелистъ: *Ходатая имамы ко Отцу, Іисуса Христа Праведника!* Служитель Тайны дѣйствуетъ по бла-

годати, данной ему отъ Іисуса Христа, молится Богу о грѣхахъ нашихъ, и священнодѣйствіемъ своимъ прилагаетъ каждому изъ насъ, сообщаетъ, преподаетъ каждому благодать Самого Іисуса Христа,—даръ оставленія грѣховъ. Такъ устроилъ Самъ Христосъ: *слово Его живо и дѣйственно*, дѣйственно и въ молитвѣ священнослужителя Тайны, и въ его словѣ. Сила не въ человѣкѣ, а въ словѣ Господа Іисуса Христа. Къ чему кого либо на землѣ уполномочилъ Царь, того слово во всемъ томъ и дѣйствительно. *Помилуй ны, Господи, Сыне Давидовъ*, возопили однажды ко Іисусу Христу десять прокаженныхъ, когда Господь былъ на землѣ видимо! *Шедше покажитеся священникомъ*, сказалъ имъ Господь. *И бысть идущимъ имъ, очистишася*, сказуетъ Евангеліе далѣе [1]). Св. Апостолъ Іаковъ, изъясняясь, чтобы Христіане въ болѣзняхъ своихъ призывали Пресвитеровъ церковныхъ, убѣждаетъ между прочимъ всѣхъ насъ, и говоритъ: *исповѣдайте убо другъ другу согрѣшенія, и молитеся другъ за друга, яко да исцѣлѣете: много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема* [2]). Молитву Пресвитеровъ называетъ Апостолъ 1) молитвою праведнаго, ибо Самъ Богъ оправдалъ ихъ, далъ право имъ молиться

[1]) Лук. 17. 13. 14. [2]) Іак. 5, 14. 16.

ва другихъ; 2) молитвою поспѣшествуемою, т. е. содѣйствуемою свыше, сильною, дѣйственною. *И раздѣленія дѣйствъ суть*, говоритъ Св. Павелъ, *а тойжде есть Богъ, дѣйствуяй вся во всѣхъ: вся же сія*, во всѣхъ т. е. дарованіяхъ духовныхъ, *дѣйствуетъ единъ и тойжде Духъ* [1]). Не иначе, не своею силою, а свышнею, Божіею дѣйствовали исполнители дѣлъ Вѣры, въ преподаяніи даровъ благодати и Апостолы. Когда Петръ и Іоаннъ мгновенно именемъ Господа Іисуса исцѣлили хромаго отъ рожденія, и народъ дивился тому:—*что чудитеся о семъ?*—воскликнулъ Петръ,—*или на ны что взираете, яко своею ли силою и благочестіемъ сотворихомъ его ходити? — Вѣра, яже Іисуса ради, даде ему всю цѣлость сію предъ всѣми вами* [2]). Такъ и всегда, Братія мои, служители Вѣры и строители Таинъ Божіихъ не своею силою или благочестіемъ совершаютъ дѣла ихъ званія, но во имя, отъ имени, именемъ Іисуса Христа; посему *и вѣра наша и упованіе* въ принятіи священнодѣйствій ихъ *да будетъ на Бога*, да будетъ, какъ говорилъ тотъ же Св. Апостолъ при случаѣ исцѣленія хромороженнаго,—*вѣрою именемъ Іисуса Христа, вѣрою Его ради* [3]); Онъ исходатайствовалъ

[1]) Кор. 1: 12, 6. 11. [2]) Дѣян. 3, 12. 16. [3]) Петр. 1: 1, 21. Дѣян. 3, 16.

намъ у Отца смертію Своею и обѣтованіе Отчее, Духа Всесвятаго, совершающаго всѣ Христіанскія Таинства. Священнодѣйствователи—не болѣе, по слову Апостольскому, какъ только служители ихъ и строители, раздаятели [1]).

Такъ: всѣ дары благодати исходатайствованы намъ, Христіане-Братія, смертію Сына Божія; всѣ священныя Тайнодѣйствія Вѣры въ ней имѣютъ свое основаніе, и отъ ней заимствуютъ свою силу. Ходатай нашъ ею собственно *очищеніе есть о грѣсѣхъ нашихъ. Не о нашихъ же точію,* присовокупилъ Богословъ, *но и о всего міра*, разумѣя именно всемірную жертву смерти Сына Божія. Очищеніе. Въ ветхозавѣтной скиніи Божіей самое священное мѣсто было *святая святыхъ*, гдѣ стоялъ кивотъ завѣта, а и при кивотѣ самый священный предметъ былъ верхъ онаго, *очистилище* такъ называемое, вѣнецъ, возложенный на кивотъ подъ распростертыми крылами *Херувимовъ славы*. На немъ *кровію кропленія* очищались грѣхи народа Божія и всего міра: надъ нимъ являлъ Господь свѣтъ Своего присутствія избраннымъ Своимъ; съ него слышался иногда гласъ Божій къ нимъ. Сюда-то *единою въ лѣто входилъ единъ Архіерей не безъ крове, юже приносилъ за себе и о*

[1]) Кор. 1: 4, 1.

людскихъ невѣжествіихъ. Сіе-то мѣсто было образомъ престола благодати [1]), скиніи небесной, совершеннѣйшей, нерукотворенной, въ которую вошелъ единственный Первосвященникъ Новаго Завѣта, Іерей вовѣкъ по чину Мельхиседекову, Архіерей грядущихъ благъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и вошелъ, какъ продолжаетъ Св. Павелъ, *ни кровію козлею, ниже телчею, но Своею кровію, вниде единою во святая, вѣчное искупленіе обрѣтый. Аще бо,* — еще далѣе слово Апостола, — *кровь козлая и телчая, и пепелъ юнчій кропящій осквернены освящаетъ къ плотстѣй чистотѣ: кольми паче кровь Христова, Иже Духомъ Святымъ Себе принесе непорочна Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ, во еже служити намъ Богу живу и истинну. И сего ради новому завѣту Ходатай есть* [2]). *Тѣмже* повторимъ и то, что̀ къ намъ собственно, къ намъ по времени, въ которое живемъ мы, относится, тѣмже *и спасти до конца можетъ всѣхъ приходящихъ чрезъ Него къ Богу, всегда живъ сый, во еже ходатайствовати о нихъ* [3]). А и кровь телчая, дѣйствительно, Братія, очищала грѣхи. Свидѣтельствовали опыты, что напр. среди язвы приносилась кровавая жертва, и — язва тотчасъ

[1]) Евр. 4, 6. [2]) 9, 11—15. [3]) 7, 25.

прекращалась, народъ умирать отъ язвы переставалъ. Кольми же паче безцѣнная кровь нашего Ходатая, Христіане, Единороднаго Сына Божія, Агнца закланнаго отъ сложенія міра, кольми паче сія Божественная кровь можетъ очистить и спасти насъ отъ смерти, когда она, она одна такъ дѣйствительна была и тамъ въ жертвахъ ветхозавѣтныхъ только тѣнію своею и прообразованіемъ! Ею только имѣли силу и жертвы ветхозаконныя. Безъ ней не было бы и тамъ ничего; и въ Христіанскихъ Таинствахъ что могли бы мы получить спасительнаго? Въ Покаяніи, напр., что получили бы мы безъ ней? Прибѣгли бы мы здѣсь къ милосердію Божію: но сколь велико оно, столько же велика и правда Божія; а она требовала бы казни грѣшника. Но милосердіе Божіе побѣждаетъ правду, какъ? — кровію Сына Божія, *милосердія ради милости* за насъ изліянною; ею любовь Божія торжествуетъ надъ всѣми иными безпредѣльными свойствами Божіими: мы спасаемся ею! По сему-то особенно за Таинствомъ Покаянія нашего слѣдовать должно другое Таинство, источникъ всѣхъ прочихъ Таинствъ, Таинство Причащенія Тѣлу и Крови Іисуса Христа, какъ основаніе и печать *во оставленіе грѣховъ*.

Для бо̀льшаго же возбужденія въ насъ чувствій вѣры къ сему всевысочайшему Таинству спасенія, Св. Церковь изъ святилища своего, называвшагося въ древнемъ храмѣ Божіемъ *святая святыхъ*, сегодня изнесла намъ предъ глаза на средину церкви, — такъ какъ *посредѣ земли содѣлалъ Господь спасеніе* наше,—изнесла Церковь самое то очистилище, на которомъ совершено кропленіе крови въ очищеніе грѣховъ нашихъ, самый тотъ жертвенникъ, на которомъ въ первый разъ принесена спасительная оная жертва о насъ, очистилище новозавѣтное— Крестъ Христовъ. Не оставимъ же воспользоваться такимъ ея напоминаніемъ о самомъ образѣ ходатайства за насъ Сына Божія. А самая та жертва — Пречистое Тѣло и Кровь Его — предъ нами всегда здѣсь, на алтарѣ Церкви. Вы уже исполнили, Братія, или исполните во святый постъ сей обѣ главныя и существенныя Христіанскія обязанности, — принесли или непремѣнно принесете покаяніе, и примете или уже приняли святое Таинство Тѣла и Крови Христовой. Когда сдѣлали вы или сдѣлаете сіе съ истинною Христіанскою вѣрою: очищеніе наше отъ грѣховъ и спасеніе несомнѣнно, какъ *вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшники спа-*

сти [1]); на чемъ основывался, успокоивался и Божественный Апостолъ Павелъ, сосудъ избранный. — Его словами мы оканчиваемъ. Аминь.

[1]) Тим. 1 : 1, 15.

БЕСѢДА

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1842 года.

Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ. Мар. 9, 29.

Ето *родъ* ужаснаго недуга, какой описывается въ читанномъ сегодня Евангеліи. Съ той ли стороны такъ говорится о немъ, что недугъ сей былъ по дѣйствію духа злобы, или съ той, что онъ былъ *изъ дѣтства* человѣка имъ одержимаго, — не сказано: впрочемъ и послѣднее понятіе, что недугъ былъ *изъ дѣтства*, въ особенности выставлено тамъ, Братія мои! Самъ Господь прежде всего выводитъ оное на видъ для нашего примѣчанія. *Колико лѣтъ есть, отнелѣже сіе бысть?* сперва спросилъ Господь, по приведеніи къ Нему несчастнаго, спросилъ не для того, безъ сомнѣнія, что Всевѣдущему якобы не было извѣстно, или Всемогущество Его могло сколько нибудь остановиться надъ одною силою времени, но — для того, чтобы свидѣтелямъ настоящаго случая привести во вниманіе, съ какого времени могло начаться столь страшное наконецъ несчастіе бѣс-

новатаго. Ето время — то, Братія мои, которое часто оставляютъ многіе изъ насъ безъ должнаго вниманія, но которое бываетъ иногда началомъ величайшихъ бѣдствій, — время дѣтства. Пусть описываемый въ Евангеліи случай крайне рѣдкій и особеннѣйшій: но онъ образцовая картина, въ которой для примѣра со всею рѣзкостію красокъ изображена въ лицахъ несчастная судьба человѣка, судьба издѣтска, съ тѣмъ, чтобы мы страшились и иныхъ какихъ либо могущихъ быть бѣдственныхъ послѣдствій съ возраста, повидимому, невиннаго. И обыкновенныя наши страсти,—сіе самое своенравіе, которое готово кидаться иногда оземь, какъ скоро ему не удовлетворяютъ, сія самая ярость, которая точитъ пѣны съ досады, вражда, которая скрежещетъ зубами, лѣность до оцѣненѣнія, сіе самое корыстолюбіе, которое идетъ даже въ воду, въ явную погибель, лишь бы пріобрѣсть что либо, сіе самое сладострастіе, которое бросается въ огонь вожделѣній (мы заимствуемъ черты сіи изъ сегодняшняго Евангельскаго сказанія), всякое такое и подобное состояніе душъ нашихъ, Братія, что̀, какъ не застарѣлыя болѣзни душъ, болѣзни, коихъ зародыши часто бываютъ еще въ дѣтствѣ, въ своеволіи нѣкоторыхъ, въ неудержаніи порывовъ неразумія, въ неограниченіи чувствъ отъ вожделѣній

и подобныхъ опасностей нашей юности? Я затрудняюсь теперь, Слушатели, о чемъ бы продолжить еще сколько нибудь слово къ благочестію вашему: объ охраненіи ли дѣтей отъ порочныхъ склонностей въ самомъ нѣжномъ ихъ возрастѣ, или о врачеваніи уже заматорѣлыхъ страстей въ насъ самихъ, Братія мои? Но пусть будетъ бесѣда на сей разъ общею и относительно дѣтей, и относительно возрастныхъ. Слово по Евангелію — о томъ именно, что и въ дѣтствѣ надобно предохранять людей отъ порочныхъ склонностей, и въ возрастныхъ искоренять, по крайней мѣрѣ обуздывать порочныя страсти можно не иначе, какъ способами благочестными, молитвою и постомъ; по крайней мѣрѣ при другихъ способахъ нельзя обойтись безъ нихъ въ особенности.

Прилѣжитъ помышленіе человѣку прилѣжно на злая отъ юности его, говоритъ намъ Слово Божіе [1]) и ежедневный опытъ, равно какъ и опытъ вѣковъ. И не противъ сего ли собственно должны быть всѣ первыя попеченія о дѣтяхъ? Попеченій уже не мало. Кому не извѣстно, сколько и какъ въ просвѣщенные вѣки стараются о направленіи дѣтей къ добру съ самаго перваго ихъ возраста? — Къ инымъ почти съ рож-

[1]) Быт. 8, 21.

денія приставляютъ бдительныхъ руководителей; иныхъ отдаютъ просвѣщеннымъ наставникамъ; иныхъ воспитываютъ въ мѣстахъ образованія; иныхъ держатъ и дома въ нѣкоторой непрерывной строгости поведенія, преслѣдуя каждый шагъ замѣчаніями; иныхъ, вмѣсто игръ, садятъ тотчасъ прямо за труды и пр. и пр. Прекрасно все: одно удаленіе праздности отъ дѣтей есть уже удаленіе отъ нихъ матери пороковъ, какъ издавна зовутъ праздность нравоучители. Но если все попеченіе о нравахъ дѣтей ограничивается тѣми только или подобными способами, о которыхъ сейчасъ упомянули мы: то средствъ сихъ для дѣтства, положимъ, и весьма достаточно; но для жизни въ зрѣлыхъ лѣтахъ очень мало, даже едва ли иногда не опасны они для ней? Братія! Вы непрерывно внушаете дѣтямъ, иногда напр. что не хорошо себя держать, иногда,— что говорятъ невѣжливо, иногда,—что поступаютъ дурно: дитя искренно слушаетъ васъ и возрастаетъ въ вашихъ правилахъ, выправляясь въ мѣру вашего образованія. Но смотрите, не образуется ли такимъ образомъ только *внѣшній человѣкъ?* Не сглаживаются ли только наросты природы въ лукавство? Не присмиряваютъ ли врожденныя склонности только до первой свободы? А дѣйствительная жизнь людей потомъ

въ самомъ дѣлѣ представляетъ тысячи опытовъ, что подъ цвѣтами и блескомъ образованія давно затаивались коварство, лесть, происки, гордость, даже наглость; что̀ все и подобное со временемъ становится уже совсѣмъ не дѣтскимъ.

Когда, впрочемъ, говорю такимъ образомъ; избави Богъ, чтобы думалъ я худо мыслить о возрастѣ невинномъ, любезномъ Самому Господу нашему Іисусу Христу. О томъ и слово мое, чтобы вы, родители и воспитатели, не отчуждали сей святый возрастъ отъ Господа одними человѣческими попеченіями; но болѣе и болѣе близили его къ Господу, и соединяли навсегда. Паче всего пусть дѣти знаютъ Отца своего Небеснаго; пусть обращаются къ Нему съ дѣтскими своими чувствованіями, находятъ особое удовольствіе въ томъ, чтобы бесѣдовать съ Нимъ въ простотѣ своего сердца; пусть призываютъ благословенія Его и въ началѣ и въ концѣ каждаго дня, предъ столомъ и послѣ стола, предъ занятіями своими и послѣ; пусть по домѣ своемъ болѣе всего знаютъ они домъ Божій и священныя здѣсь упражненія. Пусть умѣютъ они и въ домахъ своихъ соблюдать по силамъ святыя учрежденія Вѣры, имѣть къ нимъ свойственное возрасту послушаніе, привыкать сколько нибудь къ священнымъ лишеніямъ, какія Вѣра запо-

вѣдуетъ по временамъ въ самой пищѣ и питіи. Такое общеніе съ Богомъ и о Богѣ столько принесетъ имъ чистоты и свѣта, что благодать просвѣщенія, котораго сподобились они еще въ пеленахъ чрезъ святыя Таинства Вѣры, будетъ въ нихъ истинно тѣмъ, чѣмъ быть ей надобно, — *духомъ*, духомъ Евангельскимъ, Христовымъ. А сей духъ будетъ неизъяснимо охранять ихъ отъ заблужденій ума и отъ поползновеній сердца. Перемѣнится со временемъ состояніе дѣтей; они растутъ, встрѣтятся съ соблазнами міра, подвергнутся искушеніямъ всякаго рода съ развитіемъ возраста. Но когда они пріобучили себя еще заранѣе обращаться къ Спасителю Богу въ простотѣ сердца, съ испрашиваніемъ отъ Него помощи, и самую плоть свою воздержаніемъ покорять духу: они предохранятся отъ множества опасностей жизни, и, когда впадутъ въ какія либо опасности отъ общей слабости человѣчества или искушеній, не закоснятъ въ нихъ, но, при помощи Божіей, станутъ доблестно свобождаться отъ нихъ.

Безъ помощи Божіей, съ одной стороны, призываемой искреннимъ возношеніемъ сердца къ Богу и смиреніемъ духа, съ другой — безъ ограниченія плоти своей воздержаніемъ въ духѣ благочестія, возможно ли, Братія мои, природу

нашу, столь живую и пылкую, какова она особенно въ юныхъ лѣтахъ, держать чѣмъ либо инымъ въ желаемой безопасности? Но сказать при томъ надобно, что сіи-то самыя средства спасенія — молитва и постъ — никогда такъ не могутъ быть удобны и дѣйствительны, какъ въ тѣхъ лѣтахъ, когда человѣкъ еще безъ предубѣжденій, и когда на незанятомъ ничѣмъ сердцѣ легко можетъ печатлѣться все, что будетъ прикасаться его. Куда наклонится молодое дерево; туда оно и гнется далѣе въ своемъ ростѣ.

Говорю для того, что нѣкоторымъ могутъ показаться такія дѣла благочестія ранневременными для дѣтей. Нѣтъ, Братія; исторія вѣрующихъ свидѣтельствуетъ, что многіе изъ избранныхъ соблюдали извѣстные дни поста даже еще въ пеленахъ, а молитвенныя восхищенія имѣли и въ утробахъ матернихъ. Дѣти и тамъ еще могутъ и должны быть приготовляемы къ молитвамъ и посту. Когда Ангелъ благовѣстилъ женѣ добраго Маноя, одного благочестиваго мужа еще по ветхому закону, что родится отъ нея сынъ; присовокупилъ далѣе въ наставленіе будущей матери Самсона: *И нынѣ блюдися, и не пій вина и сикера, и не яжь всякаго нечистаго: яко се ты во утробѣ пріимеши, и родиши сына,— яко Назорей Божіи будетъ сіе отрока отъ чрева.*

Если же постъ и молитва столь нужны еще въ дѣтскомъ возрастѣ, даже въ утробѣ матерней, для чистоты или очищенія природы; то что сказать — для насъ возрастныхъ? Укрѣпясь въ лѣтахъ и состарѣваясь въ образѣ своей жизни, мы, конечно, обращаемся иногда, Братія, размышленіями души къ дѣламъ юности, и думаемъ, какъ было бы хорошо, если бы не было у насъ такихъ и такихъ привычекъ, коихъ вредъ и тяжесть сами въ послѣдствіи чувствуемъ съ болѣзнію сердца, и какъ просто было избавиться отъ нихъ въ то время, когда сердца наши не ожестѣли еще въ нихъ? Между тѣмъ съ теченіемъ времени изъ нашихъ навыковъ образовались позади насъ горы; горы сдвигнуть надобно, если бы мы рѣшились возвратить себѣ прежнее непорочное состояніе. И думаемъ ли мы отодвинуть такія препятствія собственными силами, если бы и захотѣли? О! кому не извѣстно совершенное наше безсиліе въ томъ по природѣ! Святое Евангеліе считаетъ исправленіе грѣшниковъ въ ряду чудесъ благодати Іисуса Христа, каковы напр. исцѣленія болѣзней неисцѣльныхъ, воскрешеніе мертвыхъ. Такъ, — и воскрешеніе мертвыхъ. Когда Предтеча Христовъ, проповѣдникъ покаянія, долженъ былъ препроводить учениковъ своихъ ко Господу Іисусу, и послалъ къ Нему нѣкоторыхъ изъ

нихъ съ вопросомъ, на который отвѣтъ нуженъ былъ для ихъ удостовѣренія: Онъ ли ожидаемый Спаситель, или ждать инаго? — скажите Іоанну, отвѣтствовалъ Господь, что̀ слышите вы и видите: *слѣпіи прозираютъ, и хроміи ходятъ, прокаженніи очищаются, и глусіи слышатъ: мертвіи востаютъ, и нищіи благовѣствуютъ* [1]). Благовѣствуютъ нищимъ,— какъ бы такъ на подлинномъ языкѣ было сказано, — *нищимъ духомъ*, тѣмъ, которые ничего добраго въ себѣ не имѣли: тѣ нынѣ счастливы и прославляютъ свое блаженство. Сіи счастливые люди, Слушатели, по изъясненію святыхъ толкователей Писанія,— грѣшники помилованные Господемъ!

И намъ, посему, для исправленія своей жизни, для искорененія въ себѣ страстей, надобно поступать не иначе, какъ прибѣгать ко Господу съ искреннимъ смиреніемъ и покаяніемъ. Онъ одинъ силенъ вновь *создать* въ насъ *сердце чистое, и духъ правъ обновить во утробахъ нашихъ* [2]). Что ни стали бы мы дѣлать безъ сего, все будетъ напрасно. Пусть даже, — сегодня возвысишься ты силою своей воли; завтра падешь еще ниже. Положимъ, истребишь одно зло, впадешь въ горшее. *Отъ Господа стопы человѣку исправляются*, говоритъ Слово Божіе [3]). *Якоже*

[1]) Матѳ. 11, 2 — 5. [2]) Псал. 50, 12. [3]) 36, 23.

розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, отдѣлясь отъ ствола, глаголетъ Господь Іисусъ, *тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете* [1]). *Безъ Мене не можете творити ничесоже.*

Съ нашей стороны довольно — одного только непрепятствованія дѣйствіямъ благодати, и при томъ съ ея же помощію, — удаленія самаго вещества, коимъ питаются, горятъ страсти, чѣмъ обыкновенно бываетъ не только излишество, но иногда и довольство пищи, питія, покоя. Дѣло совершенно похоже на врачеваніе болѣзней тѣлесныхъ. Мы прибѣгаемъ въ нихъ къ помощи врача: врачеванія и подаются; но они будутъ недѣйствительны, если не будетъ съ нашей стороны образъ жизни воздержный. *Прóсите*,—говоритъ намъ Слово Божіе относительно душевныхъ нашихъ нуждъ,—прòсите, *и непріемлете*,—а отъ чего?—*зане зль просите, да въ сластехъ вашихъ изждивете* [2]).

О чемъ, впрочемъ, бесѣдуемъ теперь, Братія, о томъ одномъ непрерывно уже давно настоитъ въ нынѣшнее особенное время общаго нашего очищенія Св. Церковь самымъ дѣломъ своимъ. Молитва и постъ, постъ и молитва — вотъ духовныя упражненія, въ коихъ особенно настоитъ

[1]) Іоан. 15, 4. 5. [2]) Іак. 4, 3.

святая Матерь наша въ то время, какъ мы должны быть заняты испытаніемъ себя, очищеніемъ и исправленіемъ. Тѣ же самыя, почти одни такія упражненія увидѣли бы мы во всякое время и на особенныхъ поприщахъ благочестія, гдѣ подвизались и подвизаются по Господу люди, единственно уже занятые своимъ спасеніемъ. Такъ существенны молитва и постъ, постъ и молитва въ жизни по Господу! Намъ живущимъ въ мірѣ надобно нынѣ, если можно, усугубить ихъ: ибо чѣмъ крѣпче, долговременнѣе и опаснѣе какіе либо недуги; тѣмъ усиленнѣе нужны врачебныя средства.

Приниемъ же ихъ съ готовностію, употребимъ съ точностію: польза несомнѣнна; не бывало человѣка, который, по милости Божіей, не получилъ бы отъ молитвы и поста душевной цѣльбы, когда кто истинно пользовался ими. Аминь.

БЕСѢДА

ВЪ ЧЕТВЕРТУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, 1831 года.

Сей родъ ничимже можетъ изыти, токмо молитвою и постомъ. Мар. 9, 29.

Обратимъ теперь, Слушатели, особенное вниманіе на слова, кои составляютъ, можно сказать, печать описываемаго въ сегоднешнемъ Евангельскомъ чтеніи событія, силу того Евангельскаго сказанія, — на слова, кои нынѣ отдѣльно взяли мы изъ чтенія. Минуя исторію о минувшемъ, повторяемъ нынѣ, Братія, относительно къ себѣ самимъ по времени настоящаго собесѣдованія, тотъ *пребывающій во вѣки* и всегда *дѣйственный глаголъ Божій*, что молитва и постъ могутъ спасать людей отъ дѣйствій духа злобы самыхъ ужасныхъ и жестокихъ; когда бы ни были средства сіи употреблены, какъ Христіанское милосердіе со стороны ближнихъ, при всемъ безсиліи тѣхъ самыхъ людей, для которыхъ Христіанское пособіе нужно. Чрезвычайные случаи ужасны, но и рѣдки! Не будемъ однако-жъ обольщать себя, Братія, и совершен-

ною безопасностію. *Супостатъ нашъ діаволъ*, говоритъ Слово Божіе, *яко левъ рыкая, ходитъ искій кого поглотити* [1]); а дѣйствія его, какъ духа, — невидимы, тонки и обольстительны. Довольно и обыкновенныхъ его козней. Въ самой природѣ у насъ остается еще множество пагубныхъ склонностей, давно засланныхъ сюда силъ врага, противу конхъ надобно намъ подвизаться. По сему-то Спаситель нашъ, Христіане, заповѣдалъ намъ молитву и постъ не на чрезвычайные только случаи жизни, но положилъ оныя въ Завѣтѣ Своемъ въ ряду постоянныхъ обязанностей нашихъ по Вѣрѣ. Нѣтъ нужды распространять здѣсь слово о необходимости и важности такихъ обязанностей: вы сами, Слушатели благочестивые, свидѣтельствуете о нихъ дѣломъ лучше всякаго слова. Многочисленныя собранія ваши въ домѣ молитвы, череды говѣющихъ на каждой седмицѣ святаго поста, сами собою съ какою-то стройностію составляющіяся, должны, какъ и надобно быть въ городѣ правительственномъ, должны послужить примѣромъ для всѣхъ предѣловъ паствы. Куда въ ней ни отлучаюсь я отъ васъ по долгу служенія [2]); вездѣ воспоминаніе мое о вашихъ здѣсь собраніяхъ сопутствуетъ мнѣ, какъ

[1]) Пет. 1: 5, 8. [2]) Слово говорено по прибытіи изъ обозрѣнія епархіи.

Ангелъ-утѣшитель, подавая поводъ приносить и нуда въ душѣ моей благожеланіе, чтобы вездѣ такъ было, какъ здѣсь! Въ бо́льшее однако-жъ соутѣшеніе общее, ваше и мое, побесѣдуемъ нынѣ — не о силѣ поста и молитвы, ни тѣмъ менѣе, о необходимости ихъ, но—только о союзѣ, какой находится взаимно между молитвою и постомъ, дабы видѣть, какъ лучше и спасительнѣе исполняются они въ совокупности, или лучше, дабы наиболѣе порадоваться о томъ, какъ хорошо уже дѣлаете вы!

Понятіе о союзѣ между молитвою и постомъ не есть примѣчаніе, какъ бы случайно извлекаемое теперь изъ одного только слова Писанія, положеннаго въ основаніе бесѣдѣ; хотя и въ одномъ какомъ либо словѣ Господа заключается достаточное основаніе всякой истинѣ. Истину, теперь примѣчаемую, ясно внушаетъ Писаніе Божіе на многихъ мѣстахъ и словами, и примѣрами. *Да пребываете въ постъ и молитвѣ*, говоритъ оно нѣгдѣ [1]): *бдите и молитеся*, убѣждаетъ индѣ [2]). Сіи же самыя понятія взаимно совокупляетъ оно въ изображеніи благочестія праведныхъ, сказывая напр., что они *постомъ и молитвами служили Богу* [3]). Тѣ же выраженія писатель книги Дѣяній Апостольскихъ употребляетъ

[1]) Кор. 1: 7, 5. [2]) Матѳ. 26, 41. [3]) Лук. 2, 37.

въ описаніи Богослуженія Апостоловъ: напр. *служащимъ имъ Господеви и постящимся, рече Духъ Святый* [1]) и пр. *Тогда постившеся и помолившеся — отпустиша ихъ* [2]) и пр. *и помоливше ся съ постомъ, предаша ихъ Господеви* [3]) и пр. Примѣръ Иліи, сколько мощнаго молитвою, которая заключала небо и отверзала, столько же крѣпкаго постомъ, который наложилъ онъ на себя и на землю; примѣръ Моисея, который въ четыредесятидневномъ единобесѣдованіи съ Богомъ столько же времени пребылъ не ядый, ни піяй; примѣръ Самого Законоположника нашего, Христіане, Господа Іисуса Христа, Который предъ вступленіемъ въ открытое служеніе роду человѣческому благоизволилъ приготовить Себя сорокодневнымъ пребываніемъ въ пустынѣ, — мѣстѣ лишеній и молитвъ: — сіи великіе примѣры научаютъ насъ, — не говоримъ уже теперь, сколь нераздѣльно соединены между собою въ истинномъ благочестіи постъ и молитва, но — сколь наиболѣе необходимо такое соединеніе ихъ для насъ, людей обыкновенныхъ, слабыхъ, требующихъ, по-истинѣ, не одной, но многихъ и соединенныхъ силъ въ служеніи Богу или устройствѣ своей жизни!

Подлинно, Братія мои, мы не только состоимъ изъ двухъ природъ, духовной и тѣлесной, но и

[1]) Дѣян. 13, 2. [2]) 13, 3. [3]) 14, 23.

видимъ, непрестанно чувствуемъ въ себѣ, — не скажу, что *духъ убо бодръ, плоть же немощна*, каковое состояніе есть уже состояніе людей, возвышенныхъ по крайней мѣрѣ одною половиною своего существа, состояніе избранныхъ Христовыхъ [1]) но, — что плоть, какъ сказано для Галатовъ, *плоть похотствуетъ на духъ, духъ же на плоть; сія же другъ другу противятся* [2]). Когда таково состояніе наше; то для усмиренія сей внутренней брани, для приведенія всего существа нашего въ стройность, что́ составляетъ на языкѣ разума совершенство, а на языкѣ сердца — благополучіе, нужно дѣйствовать вдругъ на обѣ природы наши, на душевную и тѣлесную. Къ улучшенію первой служитъ молитва, второй — постъ, къ благоустройству всего существа нашего — то и другое совокупно.

Казалось бы, что пріятнѣе, что удовлетворительнѣе для духа нашего молитвы, составляющей стихію, пищу, — все для существа происхожденія небеснаго, и къ небу стремиться всегда долженствующаго? Что изъ вещей земныхъ, составляющихъ такъ называемыя удовольствія, принесетъ самодовольство безсмертному духу нашему, когда и истощившіеся въ изобрѣтеніяхъ мудрецы, равно какъ и въ наслажденіяхъ оными счастливцы, говори-

[1]) Матѳ. 26, 41. [2]) Гал. 5, 17.

ли, что все здѣсь *суета суетъ*, одно *крушеніе духа* [1])? Думаетъ ли кто изъ насъ удачнѣе открыть истинное благополучіе тамъ, гдѣ доселѣ всѣ опыты вѣковъ находили одно самообольщеніе? — Но и не испытала ли иногда, въ златые часы или спокойствія или сокрушеній, душа каждаго изъ насъ, Братія, что настоящія блага — не для ней, не испытала ли съ такою же почти очевидностію, съ какою видимъ опыты разлученія душъ отъ тѣлесъ, непрерывныя прехожденія ихъ въ иной міръ? И потому, что̀, еще говоримъ, казалось бы, сладостнѣе и удовлетворительнѣе для души нашей того состоянія, когда она еще и въ тѣлѣ семъ, коимъ привязана къ землѣ, обращается къ небесамъ, возносится туда, и дарованными ей по образу и по подобію Божію чувствіями достигаетъ Самого Источника жизни и блаженства, и погружается въ Немъ, какъ дуновеніе въ безднахъ воздуха, или — нѣтъ! — еще бесѣдуетъ съ Богомъ то благодареніями за великія милости, то исповѣданіями своихъ согрѣшеній, то моленіями о прощеніи оныхъ, то испрашиваніями помощи для препровожденія жизни здѣшней, то славословіями величія и чудесъ Отца Небеснаго! Но *вѣмы*, скажемъ словами великаго Павла каждый за себя [2]), *вѣмы*

[1]) Еккл. 1, 2. [2]) Рим. 7, 14 — 23.

яко законъ, законъ общенія души нашей съ Богомъ, *духовенъ есть: азъ же плотянъ есмь, проданъ подъ грѣхъ. — Не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣлываю. Еже хотѣти прилежитъ ми, а еже содѣяти доброе, не обрѣтаю. Соуслаждаюся закону Божію по внутреннему человѣку: вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего, и плѣняющъ мя закономъ грѣховнымъ.* Что̀ такимъ образомъ сказалъ великій Апостолъ о человѣчествѣ, принявъ на себя какъ бы общее лице всѣхъ насъ, коимъ, дѣйствительно, каждому говоритъ такъ надобно, то̀ въ раздѣльности и собственно касательно возвышенія мыслей нашихъ къ Богу непрестанно видимъ мы на опытѣ въ себѣ самихъ. Хотимъ *утренневать къ Богу, предварить лице Его во исповѣданіи:* но сколь часто плоть не можетъ воспрянуть изъ-подъ своей тяжести! Едва раскрываются отверстія ея, для проницанія чрезъ нихъ души устроенныя; и — они снова затворяются, снова заключаютъ душу въ темнотѣ своей! Преодолѣваемъ рабу, стаемъ въ присутствіи Господа здѣсь или на всякомъ мѣстѣ владычествія Его: но сколь не рѣдко немощи плоти еще вопіютъ со своими требованіями, съ сѣтованіемъ, даже съ ропотомъ; и—молитва или чрезъ мѣру сокра-

щается, или происходитъ съ разсѣянностію, даже со скукою, въ грѣхъ, по крайней мѣрѣ безъ умиленія, безъ плода! Оставимъ уже говорить, что сіи немногіе часы, посвящаемые душѣ и Богу, далеко недостаточны освятить все остальное, — занятія наши и время, даже и то время, которое проходитъ въ бездѣйствіи, — какъ бы требовалъ такого освященія долгъ служенія Богу истиннаго. Минуты очищеній, и — сколько осквернѣній! Источникъ извѣстенъ. Сія самая слабость плоти, сія самая тягость ея, сіе самое накопленіе въ ней разнородныхъ нечистотъ роскоши, лѣности, сладострастія, гнѣва, зависти и иныхъ дѣлаютъ то, что и въ чистую стихію души, въ какомъ состояніи должна бы она быть по крайней мѣрѣ на молитвѣ, проторгается разновидный духъ или хлада или нечистоты, подобно какъ заражается и самый чистый по себѣ воздухъ отъ близости мѣстъ злосмрадныхъ или холодныхъ. Нѣкто изъ подвижниковъ, впрочемъ только такъ именующихся, спросилъ однажды подвижника истиннаго, Пимена Великаго: «какъ пріобрѣсти мнѣ страхъ Божій?» Пименъ сказалъ ему съ обычнымъ для праведниковъ смиренномудріемъ, ставя т. е. и себя въ то же состояніе, о комъ говорить нужно для другихъ: «Какъ можно намъ пріобрѣсти страхъ Божій, когда

чрево наше, какъ сырная лавка и какъ бочка съ мясомъ или съ рыбою?»

Итакъ для очищенія души, для воскриленія ея къ Богу, нужна, Братія, и чистота или легкость тѣла. Вы уже упреждаете слово мыслію, что средствомъ къ тому есть постъ. Такъ, воздержаніе производитъ ясность въ мысляхъ и сердцѣ; ни мысли не помрачаются, ни сердце не отягчается тогда излишними парами, исходящими изъ нашего чрева. Самые члены тѣла бываютъ легче, когда тѣло не обременено излишествомъ пищи или питія. Истина видимая, осязаемая, чувствуемая! Не то ли въ особенности требуется и при тѣлесномъ врачеваніи, чтобы съ лекарствами соображенъ былъ самый образъ жизни, извѣстная ограниченность въ пищѣ, питіи и покоѣ?

Поспѣшимъ видѣть, что какъ для молитвы нуженъ постъ, такъ для поста нужна молитва. Поколику воздержаніе есть дѣло нравственное, дѣло Богоугожденія, а не случая и необходимости; то оно было бы дѣломъ только плоти, истинною тяжестію для плоти нашей, и притомъ тяжестію напрасною, ежели бы не воодушевлялъ насъ въ подвигѣ поста духъ, духъ благочестія, возношенія себя къ Богу. Иначе постъ былъ бы, говоримъ, дѣломъ плоти. Кому изъ слушателей Евангелія не довелось замѣтить, какъ Господь

нашъ строгія пощенія фарисеевъ, въ иномъ духѣ исполняемыя, относилъ по внѣшности къ тѣлеснымъ токмо работамъ ихъ по закону, по внутренности — даже къ страстямъ честолюбія, гордости, скверноприбытчества и другимъ? Страсти, хотя и обольстительно, конечно, услаждали для фарисеевъ трудность пощеній. Но если онѣ-то собственно и вредятъ подвигамъ благочестія; то одни пощенія сами по себѣ, подлинно, могутъ сдѣлаться тяжкими, скучными, бременемъ для немощной нашей плоти. Но оживите ихъ духомъ истиннаго благоговѣнія, соедините труды плоти съ дѣятельностію душевною, съ возношеніемъ мыслей и сердца къ Богу; и сія слабая плоть будетъ тогда въ состояніи умножить, распространить подвиги воздержанія, даже съ удовольствіемъ особливаго рода, дѣлаясь и сама легчайшею, тѣломъ, какъ сказалъ Апостолъ, *духовнымъ* [1]). Тогда-то приходитъ въ исполненіе слово Господа, *яко не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ исходящемъ изо устъ Божіихъ* [2]). Тогда-то открываются во всей своей силѣ тѣ изумительные подвиги постниковъ, о которыхъ сказываютъ намъ священныя наши книги. Тамъ, у подвижниковъ, сокращенію трапезованій обыкновенно соотвѣтствовало распро-

[1]) Кор. 1: 15, 44. [2]) Матѳ. 4, 4.

страненіе молитвословій; что̀ предлагаетъ и намъ, Братія, нынѣ Св. Церковь во дни Великаго поста. Продолжительны церковныя службы; должны быть малы обѣды. Если бы «стоянія» здѣсь въ домѣ молитвы показались для нѣкоторыхъ длинными; то можно сказать, что и самый постъ есть не столько подвигомъ, сколько средствомъ или пособіемъ къ подвигу, состоящему собственно въ очищеніи души, въ воспитаніи человѣка внутренняго, въ возвышеніи духа нашего къ Богу. Иначе не весьма цѣненъ, повторяю, всякій плотскій подвигъ. Никакого тѣлеснаго подвига не имѣютъ безплотные духи; и однако-жъ ето не препятствуетъ однимъ изъ нихъ, Ангеламъ, быть совершенно добрыми, другимъ, демонамъ,—постоянно злыми. Словомъ,—когда подвигъ плоти, которою облеченъ духъ нашъ, подвизающійся еще въ исторженіи себя изъ зла, долженъ быть дѣломъ Богоугожденія; то онъ долженъ быть не иначе, какъ съ искреннею любовію къ Богу. Великъ онъ, но—тогда, когда, по выраженію Пророка-Царя [1]), *вся кости наши*, не одни уста, чего не одобрялъ Спаситель [2]), всѣ кости наши *рекутъ*: *Господи! Господи!* Иначе трудъ напрасенъ. *И аще предамъ тѣло мое, во еже сжещи е*, говоритъ Апостолъ, *любве же не имамъ, никая*

[1]) Псал. 34, 10. [2]) Матѳ. 7, 21. Лук. 6, 46.

польза ми есть [1]),— любве, кося истинный признакъ есть общеніе съ тѣмъ, кого любимъ.

Итакъ молитва и постъ, постъ и молитва у человѣка Христіанина то же, что у птицы крылья. Птица объ одномъ крылѣ, каково бы оно ни было, подняться на высоту не можетъ, тогда какъ при обоихъ поднимается съ удивительною легкостію и быстротою. Такъ и Христіанинъ, *полагая восхожденіе въ сердцѣ своемъ къ Богу*, тщетно сталъ бы утомляться въ подвигѣ молитвы безъ поста, если бы то было и возможно, равно какъ и — въ подвигѣ поста безъ молитвы; тогда какъ при содѣйствіи молитвы и поста со всею легкостію воспаряетъ онъ горѣ, на верхъ совершенства въ благочестіи. И потому истинный любитель благочестія долженъ помнить такой законъ взаимныхъ отношеній между средствами къ успѣху въ благочестіи, сей путь восхожденія къ Богу.— Хочешь истинно молиться, и—постись; хочешь истинно поститься, и—молись!

Извѣстно, что не рѣдко порѣваются, даже съ пламеннымъ желаніемъ, къ исполненію дѣлъ Вѣры и тѣ изъ насъ, Братія, которые разбуждаемся въ совѣсти своей только по временамъ: но гораздо рѣже того сколько нибудь подвигаемся впередъ въ исправленіи себя — отъ чего?

[1]) Кор. 1: 13, 3.

Отъ того, что ставимъ въ виду своемъ только предметъ или цѣль, и не употребляемъ средствъ, кои къ достиженію ихъ назначены отъ единаго Подвигоположника Господа Бога, или употребляемъ не такъ, какъ назначено. А кто же изъ насъ можетъ положить иныя основанія, иное устройство, иныя соотношенія между природами вещей или истинъ, кромѣ тѣхъ основаній, которыя далъ имъ Создатель, и которыя Онъ охраняетъ Своимъ Промысломъ? Иначе поступать, значитъ требовать невозможнаго, какъ то̀ не рѣдко и можно услышать при разсужденіяхъ о дѣлахъ благочестія: *кто убо можетъ спасенъ быти? У человѣкъ*, подлинно, *сіе невозможно есть*, сказалъ Спаситель; *отъ Бога же вся возможна* [1]). Начните и вы, страшащіеся подвиговъ благочестія, или сѣтующіе среди ихъ, начните дѣло такъ, какъ учредилъ Богъ, станьте на тотъ путь, который указанъ въ Его Словѣ, прибѣгните къ Его помощи, поставя даже грѣхомъ надежду на собственныя силы; и — вы не только увидите, что *иго* заповѣдей Господнихъ *благо и легко*, но и сами съ радостію *возмете* его *на себя* [2]). По крайней мѣрѣ не станемъ судить пока о немъ по собственнымъ нашимъ понятіямъ, кои отстоятъ отъ Божіихъ, какъ востокъ отъ запада.

[1]) Матѳ. 19, 25. 26. [2]) 11, 29 30.

Изъ среды васъ, Братія-Христіане, не предполагаю я ни единаго, кто не возжелалъ бы исполнять долгъ благочестія, предстоящему времени святаго поста и молитвъ принадлежащій, долгъ—и съ его правилами или средствами. Въ особенности же пастырски успокоевается духъ мой на тѣхъ изъ Христіанъ, которые постоянно раздѣляютъ въ постъ со Св. Церковію часы общественныхъ молитвословій ея, и, безъ сомнѣнія, помнятъ заповѣди поста въ домахъ своихъ,—на васъ, кто считаетъ за непремѣнное и въ сей годъ принесть истинный плодъ покаянія—исповѣдаться и пріобщиться святыхъ Таинъ во освященіе души и тѣла. *Елицы правиломъ симъ жительствуютъ*, скажу съ Апостоломъ, *миръ на нихъ и милость, и на Израиля Божія* [1])! Аминь.

[1]) Гал. 6, 16.

БЕСѢДА

ВЪ НЕДѢЛЮ ПЯТУЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Донскомъ каѳедральномъ соборѣ, въ Новочеркасскѣ, 1-го Апрѣля 1845 года.

Отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много. Лук. 7, 47.

Въ нынѣшній недѣльный день, по уставу Св. Церкви, сверхъ Воскресенія, празднуется Преподобной Матери нашей Маріи Египтянынѣ. Въ настоящій годъ привелась на сей день и рядовая память ея по мѣсяцеслову. Утѣшительное воспоминаніе для кающихся—память Маріи Египтяныни! Въ одинъ изъ дней минувшей седмицы на Утрени повторенъ былъ нами вдругъ весь тотъ Великій Канонъ Покаянія, котораго по частямъ достаетъ на всѣ Великія Повечерія первой седмицы поста: а въ канонѣ семъ, послѣ молитвенныхъ воздыханій къ Богу человѣка кающагося, нѣсколько разъ присовокуплялась краткая молитва и къ Преподобной Матери Маріи. Марія — чудный образъ истиннаго покаянія грѣшниковъ, опытъ особливаго Божія милосердія къ кающимся! Съ нею сбылось въ самой высокой степени ясности то, что сказалъ Господь нашъ

въ Евангеліи: *отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много!* Сей образъ покаянія человѣческаго и милосердія Божія представляетъ намъ Св. Церковь нынѣ, въ недѣлю пятую всеобщаго покаянія, въ послѣднюю недѣлю поста, — такъ какъ съ самой почти недѣли Ваій будетъ уже говѣніе наиболѣе для воспоминанія страданій Господнихъ, нежели для покаянія собственно, — въ настоящую, говорю, послѣднюю покаянную недѣлю представляетъ намъ Церковь образъ Маріи Египтяныни, съ тѣмъ, Братія мои, чтобы прибѣгли къ покаянію и самые послѣдніе изъ насъ, доселѣ остававшіеся безъ покаянія, или чтобы не отчаявались въ своемъ покаяніи и самые обремененные грѣхами. Истина извѣстная, особенно по Евангелію Христову, что Богъ съ особенною любовію пріемлетъ покаяніе грѣшниковъ, и *радость* бываетъ *на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся* болѣе, *нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія* [1]). Удивительное, неимовѣрное дѣло! но ето точно такъ въ Словѣ Божіемъ, Слушатели. Побесѣдуемъ мы нынѣ о сей утѣшительной для насъ истинѣ.

Давно уже по настоящему времени бесѣдуемъ мы о ней въ Церкви Божіей. Съ самыхъ дней

[1]) Лук. 15, 7.

приготовленія къ посту что̀ слышали мы въ чтеніяхъ святаго Евангелія и въ сообразныхъ съ ними пѣснопѣніяхъ Церкви? – Призывъ грѣшниковъ къ покаянію, любовь Божію ко грѣшникамъ кающимся, и радость о нихъ еще большую, нежели о нетребующихъ покаянія! Лишь отверзались *двери покаянія*, первѣе всѣхъ явился при нихъ мытарь, который, стоя въ храмѣ Божіемъ у порога, не дерзалъ и очей возвести къ Богу отъ множества грѣховъ, а только билъ себя въ перси съ тайною молитвою: *Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику!* и—вышелъ изъ храма оправданнымъ, паче праведнаго фарисея [1]). Отъ притчи Мытаря и Фарисея переведены мы были въ слѣдовавшій тогда воскресный день къ притчѣ Блуднаго сына, къ самой утѣшительной для грѣшниковъ, по словамъ святыхъ Отцевъ, притчѣ Евангельской [2]). Въ воспоминательный послѣ того день страшнаго будущаго суда мы видѣли въ Евангеліи идущими въ животъ вѣчный праведниковъ, а во огнь вѣчный — нечестивыхъ; но ето тамъ, гдѣ уже нѣтъ и намъ не будетъ мѣста покаянію. При томъ же и здѣсь зрѣли мы отверженными тѣхъ, которые даже и на судѣ Христовомъ не каялись, а только оправдывали себя, будто ничего худаго въ жизни не дѣлали; и тамъ

[1]) Лук. 18, 10. [2]) 15, 11.

зрѣли мы, Братія, въ чинѣ благословенныхъ наслѣдниковъ царства небеснаго людей, которые въ смиреніи исповѣдывали, что они ничего добраго въ жизни не сдѣлали [1]). Въ самый послѣдній предъ постомъ день Евангеліе столько радостно благовѣствовало Божіе прощеніе всѣмъ имѣющимъ каяться, что Іисусъ Христосъ, можно сказать, вручилъ прощеніе всѣмъ намъ даже въ собственныя наши руки, объявивъ, что если простишь ты, каждый, другимъ, прощено будетъ отъ Бога и тебѣ; а если нѣтъ, то *ни Отецъ вашъ Небесный отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* [2]).

Что же, впрочемъ, говоримъ мы о Евангеліяхъ, читанныхъ намъ Церковію предъ постомъ и покаяніемъ, о чтеніяхъ, кои само собою должны быть избраны въ приличіе днямъ? Можно сказать, Братія, — все Евангеліе Христово возвѣщаетъ намъ именно призваніе грѣшниковъ на покаяніе, любовь Божію къ кающимся. *Покайтеся!* — было первое слово Господа Іисуса Христа; *покайтеся!* — было первое слово и Предтечи Его [3]). Христосъ и началъ Свое благовѣстіе и служеніе роду человѣческому въ Галилеѣ, *въ Галилеи языкъ, въ странѣ и сѣни смертной;* она была образомъ всего помрачив-

[1]) Матѳ. 25. 31. 37. 41. 44. [2]) 6, 14. 15. [3]) 3, 2. 4, 17.

шагося нравственнаго міра [1]). Вездѣ Іисусъ Христосъ обращался ко грѣшникамъ, съ ними иногда ѣлъ и пилъ, имъ другъ былъ и мытарямъ, прокаженныхъ не гнушался, гласнымъ блудницамъ торжественныя давалъ прощенія. Такъ дѣлалъ Господь; а словомъ Своимъ и ясно всѣмъ возвѣщалъ, что грѣшники — предметъ Его попеченія; для нихъ Онъ и пришелъ на землю. *Не пріидохъ бо*, говоритъ Онъ, *призвати праведники, но грѣшники на покаяніе*, такъ какъ и *не требуютъ здравіи врача, но болящіи* [2]).

Когда столь небесное ученіе не вмѣщалось въ понятіяхъ праведниковъ Іудейскихъ, фарисеевъ и книжниковъ; когда они блазнились благостію Іисуса Христа ко грѣшникамъ: Господь Іисусъ изъяснялъ имъ Свои расположенія къ людямъ опытами даже изъ обыкновенной человѣческой жизни, — опытами, изъ коихъ видно, что точно такъ расположенъ ко грѣшникамъ Самъ Отецъ Небесный, и даже въ природѣ человѣческой давно помѣстилъ уже подобныя расположенія. *Кій человѣкъ отъ васъ имый сто овецъ*, говорилъ Онъ однажды праведникамъ книжнымъ, и *погубль едину отъ нихъ, не оставитъ ли девятидесяти и девяти въ пустыни, и идетъ въ слѣдъ погибшія, дондеже обрящетъ ю? И обрѣтъ, воз-*

[1]) Матѳ. 4, 13. 15. 16. [2]) 9, 12. 13.

лагаетъ на рамы свои радуяся; и пришедъ въ домъ, созываетъ други и сосѣды, глаголя имъ: радуйтеся со мною, яко обрѣтохъ овцу мою погибшую. Глаголю вамъ, продолжалъ Господь [1]), *яко тако радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девятидесятихъ и девяти праведникъ, иже не требуютъ покаянія.* Съ подобнымъ пастырскому чувствомъ скорби, — еще далѣе говоритъ Іисусъ Христосъ, — съ подобнымъ чувствомъ скорби жалѣетъ женщина объ одной изъ десяти потерявшейся у ней драхмѣ; также ищетъ ее, также радуется по отысканіи. У одного отца, еще и еще продолжалъ слово о томъ Господь — столь слово сіе о любви Божіей ко грѣшникамъ любезно было сердцу, сладостно въ устахъ Іисуса Христа!—у одного отца было два сына: младшій, по своему легкомыслію, заставилъ отца отдѣлить его, и со всѣмъ имѣніемъ удалился на чужую сторону. Тамъ вскорѣ истратилъ онъ все самымъ распутнымъ образомъ, и дошелъ наконецъ до такого состоянія, по случаю голода въ томъ мѣстѣ, что радъ былъ сдѣлаться пастухомъ свиней и раздѣлять иногда пищу съ ними, да и той не позволяли ему. Однажды тронувшись, глубоко тронувшись своимъ положеніемъ, между

[1]) Лук. 15, 4 — 32.

тѣмъ какъ у добраго и богатаго отца его чужіе, наемные люди, всѣ были сыты и довольны, рѣшился идти къ отцу обратно и испросить у него прощеніе въ своей дерзости противъ отца и въ разгульной жизни. Отецъ давно уже занятъ былъ ожиданіемъ, не возвратится ли несчастный сынъ, и непрерывно смотрѣлъ въ ту сторону, откуда быть ему надобно: наконецъ увидѣлъ издали. *И милъ ему бысть, и текъ нападе на выю его, и облобыза его.* Тотчасъ велѣно было рабамъ перемѣнить рубища его на самую лучшую одежду, на болящія отъ пути босыя ноги надѣть мягкую обувь, и, въ знакъ союза съ отцемъ и раздѣленія съ нимъ господствованія въ домѣ, дать на руку его перстень. Между тѣмъ заклали наилучшаго тельца; составилось въ домѣ торжество для всѣхъ съ пѣніемъ и ликами. У отца былъ всегда съ нимъ старшій, добрый сынъ: но подобнаго праздника для него никогда не бывало!—Не такъ ли, подлинно, бываетъ между самими вами, люди,—какъ бы такъ говорилъ теперь Господь, — что отецъ, радуясь о добромъ сынѣ, который находится при немъ неотлучно, еще съ живѣйшимъ чувствомъ радости пріемлетъ въ свои объятія сына заблудшаго и возвращающагося къ нему изъ страны далекой, въ которую увлеченъ былъ своеволіемъ

и распутствомъ? Кто вліялъ въ сердце отца такія, повидимому, странныя чувства къ недостойному сыну? Кто внѣдрилъ въ старую женщину жалость сердечную о потерѣ одной копѣйки, когда у ней оставалось еще девять? Откуда такая озабоченность въ душѣ пастыря, что онъ бѣгаетъ по горамъ и стремнинамъ, для отысканія одной, по глупости своей, отставшей отъ стада овцы, хотя и имѣетъ предъ глазами еще девяносто девять? Создатель, Отецъ Небесный далъ людямъ такія неизъяснимыя расположенія сердца; Онъ создалъ сердца человѣческія: въ нихъ видно собственное Его чувство любви къ заблуждшимъ, къ потерянным, къ погибающимъ! Какъ же вы думаете, — еще продолжается слово Господа подъ притчами, — какъ же вы думаете, люди, что Самъ Отецъ Небесный менѣе людей можетъ быть чадолюбивъ; менѣе попечитель, менѣе промыслитель о Своей овцѣ заблуждшей, о Своей потерянной драхмѣ, о Своемъ сынѣ удалившемся? И не здѣсь ли надобно сказать еще, что если вы, *зли суще* [1]), умѣете такимъ образомъ жалѣть своего; то Отцу ли Небесному отказать въ подобномъ благосердіи?

Блудный сынъ, потерявшаяся драхма, заблудившаяся овца — мы грѣшные у Бога! Итакъ готовность особенной любви Отца Небеснаго ко грѣш-

[1]) Лук. 11, 13.

никамъ несомнѣнна, извѣстна, какъ собственное наше сердце. Но, кажется, самое величіе сей любви, безмѣрность, даже какъ бы несправедливость невольно заставляютъ насъ, Христіане-Братія, еще ближе вникнуть, отъ чего она такова? Надобно вникнуть не въ прерѣканіе такой любви, но для того, чтобы изъ небесныхъ сокровищъ милосердія къ намъ Божія не опустить намъ безъ вниманія сокровеннѣйшихъ, самыхъ лучшихъ изъ нихъ, составляющихъ особливое богатство благости святой Вѣры Христіанской. Евангельскій отецъ распутнаго сына, при недоумѣніи о томъ сына добраго, самъ изъясняетъ свое сердце въ любви къ сыну порочному такъ, что «сей сынъ *мертвъ бѣ*, говоритъ, *и оживе; и изгибль бѣ, и обрѣтеся*, и что не только отцу, но и тебѣ, добрый сынъ мой, сынъ праведный, надобно о семъ возрадоваться.» Заглянемъ опять въ собственную нашу душу, Братія! Что̀ сами мы сказали бы, когда бы кто съ досадою, а не съ участіемъ смотрѣлъ на то, что какой нибудь погибавшій подобный намъ человѣкъ нашелся, считавшійся мертвымъ — явился живымъ, или даже мертвый — ожилъ? Не самый ли ето былъ бы верхъ жестокосердія, если бы мы иначе въ подобныхъ случаяхъ расположились даже ко врагамъ нашимъ, къ тѣмъ, чья погибель и смерть могутъ прино-

сить намъ безопасность? Какъ же не имѣть намъ состраданія къ погибшимъ и умершимъ душевно, каковы всѣ грѣшники, отказать въ немъ Самому Господу Богу, Который по Своему всемогуществу не подверженъ никакимъ ни отъ кого опасеніямъ, а по первому и, если можно сказать для понятія нашего, главному Своему Творческому чувствію, и не можетъ иначе располагаться къ нимъ, какъ охраняя бытіе ихъ вѣчнымъ и непрерывнымъ Своимъ дѣйствіемъ, Промысломъ Своимъ? Прекрасно Св. Богословъ Дамаскинъ [1]) изобразилъ первое, если можно такъ еще сказать для нашихъ понятій, чувствіе Создателя къ созданіямъ, еще до ихъ существованія. Св. Дамаскинъ сказалъ: «Егдаже не довляшеся благости Божіей зрѣтися видѣніемъ себя самой; она помышляетъ о твореніяхъ, и абіе помыслъ дѣло бысть.» Истребленіе грѣшника, коль скоро можно еще спастись ему, получить новую жизнь. было бы крайне противно сему первому чувствію Божію и вѣчному, повторяю, непрерывному Его дѣлу, Его Промыслу. Такъ давно, такъ глубоко, такъ вѣчно, такъ Божественно чувствіе Господа Бога, о которомъ Самъ Онъ говоритъ въ Словѣ Своемъ: *живу Азъ, глаголетъ Адонаи Господь, не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися нече-*

[1]) Кн. о Вѣрѣ.

ствовлу отъ пути своего, и живу быти ему [1]).

И весь міръ, весь родъ человѣческій, *повинень Богу* [2]); всѣ во Адамѣ согрѣшили и грѣшимъ. Одно только милосердіе Божіе спасаетъ всѣхъ, призываетъ ко спасенію. Какъ мы спасаемся нынѣ вѣрою въ Ходатая нашего Сына Божія, такъ прежде пришествія Его на землю вѣрою спасались люди, вѣрою во грядущаго Избавителя. Самъ Авраамъ, избраннѣйшій изъ Патріарховъ, отецъ вѣрующихъ, такъ же, не иначе спасся, по слову Апостола Павла. *Гдѣ убо похвала*, — продолжаетъ Апостолъ слово о такомъ способѣ спасенія далѣе, — чѣмъ кому хвалиться, когда всѣ вѣрою, всѣ благодатію Божіею призываются ко спасенію? Отъ чего же, — слово у насъ теперь объ етомъ, — отъ чего-жъ нѣкоторымъ отчаяваться въ Божіемъ помилованіи, если и они возжелаютъ искать онаго покаяніемъ и исправленіемъ своей жизни?

Послѣ всего того, что доселѣ видѣли мы изъ Писаній Божіихъ о любви Божіей ко грѣшникамъ кающимся, или паче ко всему роду человѣческому, я уже смѣлъ бы съ дерзновеніемъ, внятнѣе произнесть теперь и предъ міромъ, кото-

[1]) Іезек. 33, 11. Тим. 1: 2, 4. Пет. 2: 3, 9. [2]) Рим. 3, 19. 27. 4, 1. 2. 3.

рый хвалится нѣжностію своего слуха и слова, но, по духу своему, въ Словѣ Господнемъ называется *міромъ прелюбодѣйнымъ и грѣшнымъ* — смѣлъ бы произнесть хвалу, какою Св. Церковь ублажаетъ праведниковъ своихъ, изъ бездны грѣха восшедшихъ путемъ покаянія на высочайшую степень Евангельскаго благочестія. Намъ нужно твердо знать такой образъ понятій, для того, чтобы стыдились мы, какъ нельзя болѣе, грѣховъ и беззаконій, а не покаянія, — стыдились бы дѣлать грѣхи, а не исповѣдываться въ нихъ, или говорить объ нихъ, какъ говорятъ о бѣдствіяхъ, коихъ надобно остерегаться. Какая же ето похвала Святымъ, которую трудно даже произнесть со внятностію предъ міромъ безъ какого либо предварительнаго извиненія? Сегодня похвала Преподобной Матери нашей Маріи Египтянынѣ, — Кондакъ Преподобныя: «Блудами первѣе преисполнена всяческими, Христова невѣста днесь покаяніемъ явися; Ангельское жительство подражающи, демоны Креста оружіемъ побѣждаетъ: сего ради царствія невѣста явилася еси, Маріе преславная!» Кто у насъ, Слушатели, и изъ самыхъ низкихъ жениховъ согласится взять себѣ невѣсту распутную? Въ какомъ смыслѣ такую невѣсту назовутъ еще невѣстою царствія, лучшею въ цѣломъ царствѣ, и гдѣ же? — въ

царствѣ Божіемъ? Но столь любезно для Іисуса Христа Бога нашего покаяніе, что Онъ самыя грѣшныя, но покаявшіяся души сопрягаетъ съ Собою, по слову Апостольскому [1]), *тайною великою*, тайною любви, составляющей тайну чудныя нашея Вѣры, Христіане! Онъ дѣлаетъ такъ и прославляетъ покаявшихся особенною славою, для того, безъ сомнѣнія, чтобы никто изъ насъ, никто, и самый грѣшнѣйшій, не сомнѣвался приступить къ покаянію, не отчаявался въ своемъ спасеніи, какъ скоро покается.

Но вслушались ли вы, Братія? Не увлеклись ли уже всѣ мы безъ мѣры милосердіемъ Евангельскимъ ко грѣшникамъ? Вслушались ли мы, что Богъ любитъ грѣшниковъ, — но кающихся, сокрушающихся, подвизающихся въ исправленіи себя, въ трудахъ благочестія, въ противуположность бывшей ихъ грѣшной жизни, а—не такихъ, которые остаются, коснятъ во грѣхахъ? Преподобная Марія, по обращеніи своемъ на путь истины, 47 лѣтъ жила въ пустынѣ, при всѣхъ лишеніяхъ, съ одною молитвою и сокрушеніемъ, 17 изъ нихъ боролась со всѣми тяжкими припадками прежнихъ своихъ похотей. Хотя премилосердый Богъ и *туне* [2]), вдругъ прощаетъ все кающемуся; кающемуся разбойнику въ едино мгновеніе на Крестѣ отверстъ

[1]) Ефес. 5, 32. [2]) Рим. 3, 24.

рай: но помилованный человѣкъ, какъ скоро возсіяетъ въ душѣ его благодать Божія, самъ изъ одной благодарности къ своему Избавителю, изъ любви къ Нему, дѣлаетъ уже, что можетъ, какъ бы въ вознагражденіе прежнихъ оскорбленій Его. Бѣдняку богатый заимодавецъ оставилъ весь долгъ, котораго должникъ никогда-бъ не могъ выплатить: что же однако дѣлаетъ должникъ? Всѣмъ, чѣмъ можетъ, свидѣтельствуетъ свою признательность къ благодѣтелю и преданность. Такъ точно изъяснялъ Іисусъ Христосъ отношенія къ Себѣ помилованныхъ грѣшниковъ и мнимыхъ праведниковъ, не требующихъ покаянія по своей гордости. Однажды допустилъ Господь помазать Ему ноги извѣстной во градѣ грѣшницѣ; дѣло было въ домѣ фарисея Симона: *сей аще бы былъ Пророкъ*, — мыслитъ про себя тотчасъ фарисей,—*вѣдѣлъ бы, кто, и какова жена прикасается ему* [1])!—*Симоне!*—сказалъ противъ помысла его Господь: — видишь ли, что̀ сдѣлала женщина сія? Съ той поры, какъ Я у тебя въ домѣ, ты не далъ Мнѣ лобзанія во уста, а она непрестанно цѣлуетъ ноги Мои: ты простымъ масломъ не помазалъ Мнѣ головы, а она облила ноги Мои драгоцѣннымъ муромъ, облила слезами и отираетъ ихъ волосами своими, не инымъ чѣмъ,

[1]) Лук. 7, 39—50.

Сего ради,—заключилъ слово Господь,—*глаголю ти, отпущаются грѣси ея мнози, яко возлюби много: а емуже мало оставляется, менше любитъ!*

Всякое слово Евангельское — къ намъ, ко всѣмъ намъ, Христіане! — Помилованные отъ Господа! возблагодаримъ Его сердечнымъ смиреніемъ, сокрушеніемъ съ исправленіемъ своей жизни! Не каявшіеся еще! покаемся, не усомнимся, не отчаемся! Если же каяться мы не будемъ; то остаемся подъ грозною правдою Божіею, которая нынѣ или послѣ, такъ или иначе, въ сей ли еще жизни или въ вѣчности, непремѣнно воздастъ намъ по дѣламъ каждаго. Грѣхи ненавистны Богу: правда и святость Его столь же непреложны, какъ и любовь. Для сего-то, что Онъ праведенъ и пресвятъ, а правда и святость Его непреложны, Онъ столько хочетъ и ожидаетъ нашего покаянія, дабы любовь Его восторжествовала въ насъ даже надъ собственною Его правдою, къ славѣ Его святости. *Богъ любы есть*, говоритъ возлюбленный Апостолъ Христовъ [1]). Ею одною, безпредѣльною любовію объемлются всѣ прочія свойства Божіи. Аминь.

[1]) Іоан. 1: 4, 8.

БЕСѢДА

ВЪ ПЯТУЮ НЕДѢЛЮ СВЯТАГО ВЕЛИКАГО ПОСТА.

Говорена въ Петрозаводскомъ каѳедральномъ соборѣ, при первомъ служеніи по возвращеніи изъ обозрѣнія епархіи, 1836 года.

Посѣщавъ предѣлы ввѣренной мнѣ паствы во время покаянія и предъ тѣмъ временемъ, естественно, я долженъ былъ бесѣдовать тамъ наибольшею частію о покаяніи. И нынѣ, за молитвами вашими, возвратившись къ вамъ, ближайшіе мои Собратія, какое иное приличнѣйшее *слово утѣшенія* [1]) могу принесть къ вамъ, какъ не то же слово — о покаяніи? Вы любите сей предметъ. Время поста украсилось здѣсь множествомъ, какъ и должно во градѣ правительственномъ, множествомъ говѣющихъ: сто примѣръ другимъ мѣстамъ паствы, радость Церкви, утвержденіе благочестію, надежда общественному благоправію, залогъ благополучію вѣчному!

Впрочемъ здѣсь слово о покаяніи надобно мнѣ измѣнить нѣсколько противъ того, какъ говорено было инде. Тамъ бесѣдовалъ я по большей части къ простецамъ; здѣсь надлежитъ по большей части — къ приставникамъ надъ другими. Посему и свой-

[1]) Дѣян. 13, 15.

ство покаянія у насъ, Братія, у насъ, — говорю, принадлежа по мѣсту и самъ къ сему собственно кругу кающихся,—должно быть нѣсколько иначе, возвышеннѣе. Самое званіе каждаго изъ насъ и обязанности общественнаго служенія должны составлять особливую часть «нашего» покаянія. Не ограничимся въ немъ разсмотрѣніемъ совѣсти только по общимъ дѣламъ человѣческимъ: надобно каяться во всѣхъ дѣлахъ, и — по своему званію или должности. Раздѣлите со мною, Слушатели, размышленіе о семъ.

Словомъ о покаяніи начато, Христіане, Евангеліе: такъ слово сіе существенно въ ученіи Христіанскомъ! О покаяніи благовѣствовалъ людямъ проповѣдникъ покаянія, Предтеча Христовъ [1]),— о покаяніи истинномъ, т. е. съ очищеніемъ душъ, съ исправленіемъ жизни: и — въ первыхъ его слушателяхъ раскрылись точно тѣ самыя чувствованія, кои нужно возымѣть всѣмъ намъ при покаяніи, чувствованія для каждаго собственныя, по состоянію каждаго кающагося. *Что сотворимъ*, вопрошали Благовѣстника *народи, исповѣдающе грѣхи своя?* — и порознь — *мытари и воини вопрашаху его, глаголюще: и мы что сотворимъ?* Изъ сего видно, что каждый тогда по званію своему каялся, когда каялись подлин-

[1]) Матѳ. 3, 2 — 10. Лук. 3, 12. 13. 14.

но. Частный случай минулъ: но сущность его осталась правиломъ для всѣхъ послѣдователей Евангелія!

Впрочемъ нѣкоторые изъ моихъ слушателей, вѣроятно, предупреждаютъ слово и думаютъ, какъ можетъ быть и общественная служба предметомъ духовной Исповѣди? Нѣтъ ли для ней своихъ испытаній и отчета, такъ же какъ и они, явнаго, даже суднаго? — Потерпите, Братія! Самая мысль объ исключеніяхъ здѣсь для себя показывала бы уже недостатокъ нужнаго къ покаянію расположенія,—смиренія и сокрушенія духа. Какъ! я хочу каяться, но —только въ томъ, въ чемъ самъ хочу? Самъ себѣ назначаю предметы для покаянія предъ Богомъ, и не готовъ, по Слову Божію, *исправить сердца своего, и увѣрить съ Богомъ духа своего* [1])? И не требуютъ сюда, Христіане-Братія, самыхъ дѣлъ общественнаго служенія нашего; ихъ повѣрятъ индѣ. Принесемъ только рукописанія совѣсти своея, и сличимъ съ ними то, что написано нами чернилом и тростію тамъ въ дѣлахъ званія. Откроемся предъ Богомъ всевѣдущимъ и въ томъ, чего не могли бы увидѣть самыя зоркія очи правосудія человѣческаго, и исповѣдуемъ такимъ образомъ, что законъ Божій есть основаніе и

[1]) Псал. 77, 8.

охраненіе всѣхъ законовъ, душа истиннаго благополучія, такъ какъ и Законоположникъ — Верховный Правитель міра, Судія и Мздовоздаятель, Господь Богъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ есть Покаяніе или Исповѣдь въ томъ порядкѣ, какъ она поставлена повременною обязанностію между Христіанами? Понятіе о семъ открыто въ самомъ утѣшительномъ для грѣшниковъ мѣстѣ Евангелія, тамъ, гдѣ Господь нашъ, Христіане, говорилъ, что Отецъ Небесный радуется и о единой заблуждшей, но взысканной или раскаявшейся душѣ, паче, нежели о девятидесяти-девяти незаблуждшихъ [1]). Въ продолженіи сказанія сего, между прочимъ, упомянулъ Господь, что *царствіе небесное*,—которое въ настоящемъ случаѣ, по связи словъ, очевидно, значитъ Церковь,—*уподобися человѣку царю, иже восхоте стязатися о словеси съ рабы своими*, требовать т. е. отчета въ данныхъ каждому изъ нихъ порученіяхъ. Назначаетъ Господь время для сего, такъ какъ наибольшая часть изъ насъ, вѣроятно, не нашли бы его сами, предваряетъ истязаніе общее, грозное и торжественное, имѣющее быть во второмъ Его страшномъ пришествіи, предваряетъ испытаніемъ частнымъ, во глубинѣ тайны, дабы по продол-

[1]) Матѳ. 18, 12. 23.

женію нераскаянности нашей не собрать намъ на главу свою гнѣва Божія въ день откровенія. Что же посему есть Покаяніе?—Слово, воздаваемое Богу о томъ, что̀ мы отъ Бога приняли, ка́къ дары Его употребляли и чѣмъ остаемся Ему должными? Итакъ, кто принялъ дары природы только, — умъ, волю, склонности, крѣпость тѣлесную и подобное, или дары Промысла,—честь, богатство, убожество и подобное, или дары благодати, каковы всѣ средства Вѣры о Христѣ Іисусѣ къ освященію нашему; тотъ въ нихъ и воздастъ слово Подателю даровъ. Но кто, сверхъ сего, принялъ дары или природы, или Промысла, или благодати не для себя только, но и для другихъ (а таковы всѣ дары, относящіеся къ общественному служенію нашему, Братія): тотъ обязывается теперь воздать, какъ говоритъ Евангеліе, *отвѣтъ о приставленіи домовнемъ* [1]), и за то, сирѣчь, что̀ управленію его ввѣрено. Здѣсь, по изъясненію Евангельскому, главное то, какимъ образомъ *строитель, егоже постави Господь надъ челядію Своею*, производилъ ей *во время житомыріе?* Думаемъ ли мы, что сіи преимущества даны намъ только для умноженія нашего надмѣнія, или къ полнотѣ какихъ-то внутреннихъ достоинствъ, коихъ якобы *не при-*

[1]) Лук. 16, 2.

нялли [1]) мы ни отъ кого, и кои посему считаемъ своею собственностію, а не назначеніемъ отъ Верховнаго Правителя міра къ приведенію въ исполненіе судебъ Его въ мірѣ? Нѣтъ. Господь не мещетъ ни единаго Своего дара напрасно; капля дождя, по Слову Его, должна возвратиться къ Нему, и возратиться нетщетною. Могутъ ли же остаться безъ вниманія Его, или, когда слово объ насъ, безъ отчета дары Его особенные, по коимъ *поставляетъ* Онъ *человѣка надъ дѣлы рукъ Своихъ*, не въ томъ только, что *покоряетъ подъ нозѣ человѣка овцы и волы вся, еще же и скоты польскія, птицы небесныя, и рыбы морскія*, но что покоряетъ человѣку превосходнѣйшее и любезнѣйшее Свое твореніе, самыхъ человѣковъ [2])? Не самая ли правда наша, даже наша человѣческая правда, должна сказать то, что къ настоящему предмету сказало уже Евангеліе: *всякому, емуже дано будетъ много, много взыщется отъ него* [3]), или, какъ говорило еще Ветхозавѣтное Писаніе: *сильніи же сильнѣ изтязани будутъ* [4])? Какъ же, Братія, стать намъ теперь, теперь только, при Исповѣди, стать наравнѣ съ простыми людьми? Они уже поспѣшили туда, поспѣшили преждо

[1]) Кор. 1: 4, 7. [2]) Псал. 8, 7. 8, 9. [3]) Лук. 12, 48. [4]) Прем. 6, 6.

насъ, поспѣшили съ трепетомъ; и погрузились тамъ въ слезахъ покаянія, какъ въ иномъ крещеніи! Когда служитель Таинства раскрываетъ тамъ зерцало Слова Божія; они, при напоминаніи, напр. *да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене,* ужасаются услышать о грѣхѣ многобожія или безвѣрія; а наше себялюбіе въ различныхъ мечтахъ своихъ достоинствъ, можетъ быть, дѣлаетъ иногда насъ самихъ богами; и — мы не увидимъ сей *мерзости* [1]) вѣка, сего куміра не увидимъ въ зерцалѣ свѣта Божія? Они въ томъ, что произносили иногда *имя Господа Бога всуе,* но не болѣе, какъ только безъ нужды, легкомысленно, неблагоговѣйно, раскаяваются со слезами; а у нѣкоторыхъ изъ людей должностныхъ, можетъ быть, всѣ дѣянія суть не иное что, какъ рядъ непрерывныхъ клятвонарушеній; — и имъ, при самой Исповѣди, не придутъ даже на мысль сіи ужасныя законопреступленія? Простецы касательно памятованія дня праздничнаго въ состояніи исчислить на Исповѣди каждый часъ оставленій церкви безъ посѣщенія: а нѣкоторые изъ насъ и то́, что придутъ сюда отъ скуки или для показанія своего тщеславія, почти считаютъ снисхожденіемъ своимъ и какъ бы одолженіемъ Богу. Что же сказать, Братія, о

[1]) Втор. 17, 4. 18, 12. 27, 15.

дѣйствіяхъ нашихъ по другой скрижали закона Божія — касательно ближнихъ нашихъ? О! что значатъ для многихъ ближніе, особенно подручные! Стоятъ ли они того, думаетъ властелинъ, чтобы слово о себѣ на Исповѣди смѣшать ему съ помышленіями объ нихъ?

Между тѣмъ, Братія, сіи права власти, подлинно, суть не иное что, какъ средства къ устроенію счастія нашихъ ближнихъ, Промысломъ Вышняго дарованныя, достояніе ввѣренное намъ только для храненія и раздаянія, но принадлежащее другимъ. И о употребленіи сихъ даровъ Божіихъ мы не вспомнимъ тогда, какъ должны воздать *слово*, отчетъ Богу о себѣ? Не вспомнимъ, что сими самыми средствами, напротивъ, лишаемъ иногда ближнихъ нашихъ и послѣдняго утѣшенія, или даже обращаемъ наилучшія силы своего званія въ средства къ притязаніямъ, къ лихоимству, къ стѣсненіямъ? Боже праведный! когда Ты столь праведенъ и человѣколюбивъ, что мзда наемника, удержанная отъ вечери до утрія, вопіетъ во уши Твои, призывая мщеніе на главу обидящаго [1]): то какъ поступишь Ты съ нами, когда пріидешь воздать по дѣламъ нашимъ, если мы прежде сего суда не раскаемся въ причиненіи другимъ крайнихъ и

[1]) Втор. 24, 14. 15. Сир. 34, 22. Іак. 5, 4.

непрерывныхъ обидъ, кои чинимъ подъ покровомъ священнаго имени власти! Братія, часть страшнаго суда уже открыта во святомъ Евангеліи Господемъ нашимъ! И что же видимъ тамъ, гдѣ разлучаются овцы отъ козлищъ, благословенные отъ проклятыхъ; и одни идутъ въ животъ вѣчный, другіе—во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его? — Судія умолчалъ на сей разъ о всѣхъ другихъ дѣлахъ человѣческихъ; упомянулъ только о томъ, какъ поступаемъ мы здѣсь съ меньшими, — насыщаемъ ли алчущихъ, посѣщаемъ ли болящихъ или въ темницѣ сущихъ, и, какъ бы по симъ однимъ дѣламъ, произнесъ вѣчный Свой приговоръ [1]). Ето, впрочемъ, слово только о такихъ обязанностяхъ, кои возлагаетъ на каждаго изъ насъ одно общее имя Христіанина: что же скажетъ Господь, когда бы, напротивъ, своею ненасытностію въ прибыткахъ еще лишили мы бѣдныхъ собственной ихъ пищи, ввергли невинныхъ въ темницу, довели до болѣзни сердечной людей способныхъ къ нѣжнымъ чувствованіямъ добра, и преогорчили Іисуса Христа не въ лицѣ только меньшихъ Его братій, — нищихъ, больныхъ, узниковъ, но въ лицѣ самой *невѣсты Его, святой Церкви?*

[1]) Матѳ. 25, 31. — 46.

Вотъ въ чемъ, Братія избранные, должны мы принести Господу покаяніе, и — перемѣниться! Но етого еще мало. Приставники служенія общественнаго имѣютъ долгъ воздать слово предъ Господемъ не за себя только, но и за другихъ, имъ ввѣренныхъ людей. Человѣкъ частный отвѣчаетъ по большой части только за себя; должностный — и за тѣхъ, на кого должность его простирается. Наши званія теперь, какъ въ оборотъ пущенные пѣнязи, само собою наращаютъ большіе и большіе долги предъ Господемъ отъ того одного, когда не дано имъ движенія, или дано движеніе неправильное [1]). Іовъ былъ примѣрно святъ; но въ каждое утро за минувшій день приносилъ Богу очистительныя жертвы о дѣтяхъ своихъ, *по числу ихъ, и тельца единаго о грѣсѣ, о душахъ ихъ; глаголаше бо Іовъ: нецыи когда сынове мои согрѣшиша, и въ мысли своей злая помыслиша противу Бога* [2]). Моусей, вождь народа Божія, столь глубоко чувствовалъ на себѣ долгъ отвѣта за подвластныхъ, что, когда подвластные, оскорбивъ Бога, подверглись за сіе смерти, Моусей просилъ Бога или оставить имъ грѣхъ, или его самого изгладить изъ книги живота [3]). Что-жъ, когда такъ вся бдительность, вся прозорливость, вся попечительность высшихъ

[1]) Матѳ. 25, 15. [2]) Іов. 1, 5. [3]) Исх. 32. 32.

не безопасна отъ отвѣта предъ Богомъ за подручныхъ, что-жъ будетъ недостатокъ въ томъ, или даже иногда прямая злонамѣренность наша? Тогда грѣхи подручныхъ нашихъ прямо суть грѣхи наши. Какъ скоро извѣстно, что блюстители законовъ или мздоимны, или только недѣятельны; то появляются тысячи злоупотребленій и между подчиненными. Дѣлаютъ другіе; но виною тотъ особенно, кто отверзъ дверь къ безпорядкамъ или только воздремалъ на стражѣ своей!

И обыкновенно человѣческіе грѣхи, Братія мои, болѣе тяжки въ людяхъ высшихъ, нежели въ простолюдинахъ. Въ книгѣ Левитской ясно различается грѣхъ первосвященника, грѣхъ всего народа, грѣхъ начальника и грѣхъ простаго человѣка: за каждый изъ нихъ различная положена была тамъ и жертва въ очищеніе [1]). Ибо правда Божія, естественно, требуетъ воздаянія по мѣрѣ силъ нашихъ или даровъ своихъ, и слѣдственно,—болѣе съ тѣхъ, кто умнѣе прочихъ, выше, крѣпче, облагодатствованнѣе. И если нужно въ семъ собственное наше исповѣданіе: то не то ли самое прилично намъ исповѣданіе, которое, по великому правилу покаянія, уже каждый изъ насъ за самого себя съ самаго начала поста по-

[1]) Лев. 4, 2. 3. 13. 22. 27.

вторять былъ долженъ: «Аще испытаю моя дѣла, Спасе, всякаго человѣка превозшедша грѣхами себе зрю, яко разумомъ мудрствуяй, согрѣшихъ не невѣдѣніемъ [1]).» Вообразимъ притомъ, сколько отъ сего кичливаго разума могло погибнуть, какъ говоритъ Апостолъ, и дѣйствительно *погибло немощныхъ братій, за нихже Христосъ умре?* Извѣстно, грѣхи получаютъ особливую плодовитость и силу въ общежитіи, когда видятъ ихъ люди въ высшихъ и начальствующихъ; грѣхи сіи становятся всѣ особливымъ грѣхомъ, грѣхомъ *соблазна. Сей есть грѣхъ Іероваама, сына Наватова*, повторяетъ Писаніе, когда описываетъ не разъ повторявшееся идолопоклонство народа Израильскаго, хотя Іероваама давно уже не было на свѣтѣ. Ето *путь Валаама Восорова*, ето *ученіе Валаамово*, говоритъ Богъ чрезъ Апостоловъ Своихъ въ послѣдокъ днiй сихъ, хотя уже тысячелѣтія минули, какъ Валаамъ, знаменитый соблазномъ волхвъ, скрылся въ нѣдрахъ земли [2])! Подлинно, если столь сродно человѣку подражаніе, что младенецъ, не мысля, дѣлаетъ уже то, что видитъ у другихъ; то подражаніе у взрослыхъ тѣмъ болѣе получаетъ силы, когда смѣшивается съ нѣкоторымъ ро-

[1]) Великій Канонъ на Повечеріи. [2]) Пет. 2 : 2, 15. Іуд. 11. Апок. 2, 14.

домъ почтенія къ высшимъ. Представь же теперь, сколь многихъ могло повредить твое, властелинъ, злорѣчіе касательно Вѣры, или даже одно равнодушіе къ ней; когда сія отрава позлащалась славою твоего достоинства? Сколь многіе поколебались въ совѣсти и рѣшились наконецъ поступать противу ней касательно правилъ святаго Христіанства; когда твой властный примѣръ неприметно располагалъ къ тому слабыхъ? Какъ легко многіе заняли отъ тебя тотъ же образъ жизни, или праздной, или сладострастной, или роскошной, съ нарушеніемъ супружеской тишины и семействъ; когда люди видѣли пороки на нѣкоторой высотѣ званія?

Такъ широко и, можно сказать, безпредѣльно дѣйствіе лицъ должностныхъ въ кругу общественной жизни! И можно ли такія, столь важныя отношенія наши къ Богу и ближнимъ выпускать изъ вниманія; когда въ извѣстное время предстаемъ предъ Бога съ раскрытіемъ своея совѣсти для ея очищенія? Твердить тогда, — на Исповѣди, твердить только о проступкахъ обыкновенныхъ, о слабостяхъ въ человѣчествѣ общихъ, о винахъ, едва только значительныхъ, и показывать въ томъ видъ сокрушенія, или, какъ обыкновеннѣе бываетъ,—оправдывать себя

предъ Богомъ немощами природы человѣческой, многоразличными обстоятельствами, между тѣмъ не касаться самыхъ глубокихъ язвъ своей совѣсти, каковыя сдѣлало тамъ или нерадивое, или злонамѣренное прохожденіе своего званія, — не значило ли бы ето, по слову Господа Іисуса Христа, *оцѣживать комары и пожирать вельблуды, одесятствовать мяту и копръ и киминъ, и оставлять вящшая закона, судъ и милость и вѣру, очищать внѣшнее стклянцы, и оставлять внутреннее полнымъ мерзостей, повапляти снаружи гробъ, заключающій въ себѣ кости смердящія?* Такъ говоритъ Господь фарисеямъ Іудейскимъ, книжникамъ и старѣйшинамъ народа [1]). Нѣтъ! не таковаго поста и покаянія требуетъ Господь. *Отъимите лукавства отъ душъ вашихъ предъ очима Моима*, глаголалъ Онъ давно, еще въ Ветхомъ Законѣ, *престаните отъ лукавствъ вашихъ. Научитеся добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдите вдовицу*, и — тогда *пріидите и истяжимся: и аще будутъ грѣси ваши яко багряное, яко снѣгъ убѣлю; аще же будутъ яко червленое, яко волну убѣлю.* Иначе *ниже приходите явитися Ми*, предваряетъ Господь: *ходити по двору Моему*

[1]) Матѳ. 23, 1.

не приложите [1]). Иначе и изъ лона кроткаго благовѣстія Христова, Христіане, падетъ на главы наши то *горе, горе,* которымъ гремѣлъ Христосъ особенно на людей образованныхъ, занимавшихъ общественныя должности въ народѣ Божіемъ. *Горе вамъ, книжницы и фарисее лицемѣри*, вопіялъ Онъ, когда тѣ не дѣйствовали по долгу своего служенія для пользы людей, какъ слѣдовало; когда все склоняли къ собственнымъ только выгодамъ; когда и самую ревность служенія своего туда обращали, чтобы сдѣлать другихъ *сынами геенны сугубѣйшими себе*; хотя между тѣмъ и исполняли общія наружныя дѣла закона со всею точностію [2]).

Убоимся, Братія, Господа! Во свое время всѣ мы умремъ и явимся на судъ Его, хотимъ ли того или нѣтъ. *Се нынѣ* еще *время благопріятно, се нынѣ день спасенія.* Послушаемъ гласа Господа; дадимъ въ себѣ мѣсто слову Евангельскому по крайней мѣрѣ во дни общаго Христіанскаго очищенія. Очистимъ себя покаяніемъ истиннымъ, чрезъ что сдѣлаемся способнѣйшими и къ прохожденію возложенныхъ на насъ общественныхъ должностей съ нелицемѣрною совѣстію, какъ слуги Государя Благочестивѣйшаго и Христіане.

[1]) Ис. 1, 12. 16. 17. 18. [2]) Матѳ. 23, 1—38.

Достоинство и званія обыкновенныхъ нашихъ, нашихъ собственныхъ слугъ таково, что самые обыкновенные *рабы*, коихъ почти освобождаетъ отъ возвышенныхъ понятій общее мнѣніе, должны, по внушенію Апостольскому, *ученіе Спасителя нашего Бога украшать во всемъ* [1]). А вы, *Служители Тайны* Покаянія, при совершеніи ея, держа въ рукахъ предъ лицемъ кающихся зерцало Слова Божія, не забывайте обращать его къ нимъ тою особенно стороною, въ которой бы всякъ видѣлъ собственное свое лице. И когда мы, кающіеся, — еще слово общее къ намъ, — увидимъ тамъ каждый лице свое; возмемъ предосторожность, чтобы не отойти намъ отъ сего зерцала такъ же, какъ отходятъ люди отъ зеркала обыкновеннаго, по замѣчанію Апостольскому: *аще кто есть слышатель слова, а не творецъ, таковый уподобися мужу, смотряющу лице бытія своего въ зерцалѣ: усмотри бо себе и отыиде, и абіе забы, каковъ бѣ* [2]). Да не случится сего съ нами, Братія, когда мы усмотримъ себя въ зерцалѣ Слова Божія! *Глаголы, яже Азъ глаголахъ вамъ*, говоритъ Господь, *духъ суть и животъ суть* [3]). И потому надобно намъ здѣсь смотрѣть себя такъ, чтобы потомъ исправить свои душевныя расположенія и жизнь свою.

[1]) Тит. 2, 10. [2]) Іак. 1, 22. 23. 24. [3]) Іоан. 6, 63.

Бывайте, внушаетъ Апостолъ въ связи съ упомянутыми выше словами, *бывайте творцы слова, а не точію слышатели, прельщающе себе самыхъ!* Аминь.

2007056756